

Ирина Шахова

Если ты позовёшь

Ирина Шахова

Если ты позовешь...

«Э.РА»

2016

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

Шахова И.

Если ты позовешь... / И. Шахова — «Э.РА», 2016

Возможно ли, чтобы одна из лучших выпускниц школы шпионок короля влюбилась настолько, что, потеряв голову, забыла все, чему ее учили, и не видит происходящего перед самым ее носом? Или кое-кто просто жаждет, чтобы она сделала вид, что не видит этого, преследуя свои интересы? Выстоит ли она в этой схватке денег с тщеславием и докажет ли всем вокруг, что единственное, что имеет смысл в мире, который рушится под натиском революции – это любовь? Вот только будет ли нужна эта любовь тому, кому она предназначена...

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

© Шахова И., 2016
© Э.РА, 2016

Содержание

Франция, Версаль, 1783 год	5
Глава 1	8
Глава 2	26
Глава 3	37
Глава 4	43
Глава 5	60
Глава 6	71
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Ирина Шахова

Если ты позовешь...

Франция, Версаль, 1783 год

– Ваше величество, вы должны что-то предпринять. Если о его делах станет известно, это бросит тень на все дворянское сословие, а значит – и на корону. Он ничего не боится, это уже откровенная дерзость – он покупает все новые земли и корабли. Живет, ни в чем себе не отказывая, когда все вокруг бедствуют.

– Ну-ну, герцог, не стоит так превозносить его заслуги. Возможно, слава о его богатстве несколько преувеличена.

– Боюсь, сир, мы не знаем даже третьей части того, чем он владеет. А все, что нам известно – это только слухи, людская молва.

– Неужели он так богат, как все о нем говорят? Казна практически пуста, а у него так много денег, – король недоверчиво покачал головой.

– Да, все это правда. Не далее как вчера он купил еще одно судно.

– Но что тут можно поделать? – Людовик XVI задумчиво посмотрел в окно.

За витражами стекол, насколько хватало глаз, простирался дивный сад с фонтанами, а дальше – лес, в котором он так любил охотиться. Начиналась весна, и думать о государственных делах не было никакого желания. Хотелось просто выйти из этого душного помещения туда, на простор. И бродить среди деревьев. Не тревожимым никем и ничем. А приходилось сидеть в этой закрытой наглухо комнате и решать какие-то вопросы. Как некстати герцог затеял этот разговор! Если ли бы не это, он уже давно был там, где витали его мысли – ходил по лесу, согреваемый теплыми лучами, и наблюдал расцвет весны.

Несмотря на солнечный день, так и просящий открыть окна и впустить ветерок новой жизни, окна в комнате, где находились эти двое, были наглухо закрыты. Как и двери – герцог позаботился, чтобы никто не смог подслушать.

– Но сир, вы же знаете, мы подозреваем его в самом страшном! – и герцог многозначительно замолчал.

Король кивнул. Это была единственная причина, по которой он все еще слушал этого человека – подозрение ненавистного герцогу маркиза в государственной измене. А еще мысли о том, что деньги маркиза Лекавалье помогут хоть как-то пополнить казну и облегчить жизнь простых людей.

– Вы хотите предложить еще что-то, герцог? – Он вопросительно взглянул на собеседника.

– Мы уже сделали все, что могли: подсылали к нему людей, чтобы они стали его друзьями и выведали все его тайны. Людей, чтобы завести знакомство с его слугами, и за кружечкой в трактире, развязавшей язык, – при этих словах герцог поморщился, – выяснить, что им известно. Но ничего. Этот Лекавалье умеет держать язык за зубами. Да и прислугу выбирает весьма недурно. Возможно, пришла пора решительных действий? Упрячем его за решетку и пытками выведем все.

Король нахмурился и пристально посмотрел на собеседника.

– Это привлечет внимание. А если за ним кто-то стоит, и своими действиями мы разозлим противника?

– Кого же?

– Вы сами все знаете, герцог! Позиции Франции в море не так сильны. Мы теряем земли, да и торговля идет не так хорошо, как раньше. Ну и кто же занял наше место?

– Уж не имеете ли вы в виду... – Герцог замолчал. Нет, это были не те мысли, которые он внушал королю. Волнение почти захватило его, но виду он не подал. Он так долго шел к этому, и сейчас потерять все одним неосторожным жестом – нет, не в его правилах. Годы жизни при дворе стали хорошей муштрой, позволяющей сохранять лицо, что бы ни происходило.

– Не нужно лишнего, – король поспешил прервать собеседника. – Мы с вами поняли, о ком речь, и этого достаточно.

– Вы уверены, что кто-то стоит за ним? А если допустить мысль, что он сам по себе? Просто проводит рейсы, скрывая их истинное количество?

– Вы полагаете, что торговля пушниной в Новой Франции может приносить такой доход? Неужели тамошний Губернатор тоже что-то скрывает от нас...

– Нельзя, исключать и этого.

«Это единственная возможность заставить короля разобраться с этим мальчишкой. Говорить о том, что он сам по себе. Если король будет думать, что за ним стоит кто-то могущественный – например, монарх Испании, он ни за что не решится», – подумал герцог Сеар и вслух произнес:

– Стоит выяснить все прежде, чем что-то предпринять. Это можно сделать осторожно, – добавил он, заметив встревоженный взгляд короля.

– Есть какие-то предложения? – Король опять повторил этот вопрос.

– Думаю, его надо женить. Какая-нибудь молоденькая и хорошенькая девушка, преданная нам, подойдет для этого.

– Но мы уже посылали к нему женщин, взрослых и опытных, далеко не глупых, в надежде, что они смогут очаровать его и заставить рассказать о своих делишках. И ничего...

– Думаю, как раз этот опыт и возраст и вызывали у него подозрения. Нам нужна молоденькая девушка, наивная и даже глупенькая. Это сочетание подойдет лучше всего.

– И что она может сделать со своей глупостью?!

– Ее глупость могла бы быть просто прикрытием.

Король задумчиво кивнул. Герцог прав, это могло бы сработать.

– У тебя есть кто-то на примете?

– Думаю, у вас есть, Ваше величество, – многозначительно произнес герцог.

– Что ты имеешь в виду? – И тут до короля дошел смысл сказанных слов. – Нет, я не готов расстаться ни с одной из наших подопечных! Они нужны для другого. Этот Лекавалье не слишком высокого полета, чтобы расходовать на него таких девушек.

– Но сир, он может быть гораздо более опасен, чем те, для кого вы их готовили. Подумайте, сир. Одна из воспитанниц «Белой лилии», несомненно, подошла бы нам лучше всего. Они специально обучены, чтобы выведывать тайны, и при этом достаточно молоды и умны, чтобы сыграть наивность.

– Нет, нам нужен кто-то еще, – настойчиво повторил король.

– Понимаете... – Герцог явно нервничал, взвешивая все за и против, прежде чем сказать это королю. Ему не хотелось этого делать, но другого выбора не оставалось. Понимаете, мы думаем... – Герцог опять помедлил, – он явно что-то готовит, и это должно произойти в самом ближайшем будущем. Поэтому хотелось бы исключить любую возможность того, что что-то может пойти не так. В этот раз нужно действовать наверняка, потому что другого раза может и не быть.

Но король был непреклонен, он слишком долго ждал, когда эти девушки подрастут и уже распределил все роли в своем маленьком спектакле.

– У тебя есть другие претендентки?

Но герцог был готов и к такому повороту событий, поэтому, лишь вздохнув, сказал:

– Да, у меня есть на примете девушка, достаточно молодая и очень хорошенькая. Ее сестра учится в нашей школе, так что в поддержке и преданности ее родителей не приходится

сомневаться. Думаю, что запрос с замужеством можно считать решенным. Тем более что жених достаточно знатен и богат. Любая девушка почтет за честь стать его женой. До свадьбы мы не будем посвящать ни ее, ни ее родителей в наши планы и истинную причину замужества. Подождем, пока они заключат брак, и она освоится в новом доме.

– И как ты объяснишь им такое внезапное желание незнакомого мужчины жениться на их дочери?

– Не думаю, что тут потребуются какие-то объяснения, ее родители знакомы с его семьей – все-таки наш мир очень тесен. Троюродная сестра его отца была дважды замужем, и отец этой девушки – брат одного из ее мужей. Да я и сам являюсь родственником для обеих сторон. Отец девушки – двоюродный сводный брат моего хорошего друга. Кроме того, Лекавалье мог видеть ее на одном из приемов. Обычное дело в наше время. Кроме того, внушительная сумма денег от будущего мужа докажет им серьезность его намерений жениться.

– Ну что ж, остается только убедить этого прохвоста в необходимости свадьбы с ней. До меня дошли слухи, что он большой любитель женщин. И связывать себя брачными узами совсем не планирует, – задумчиво произнес король.

– Предоставьте это мне, сир. – И собеседник почтительно поклонился.

Король махнул рукой давая понять, что аудиенция закончена. Герцог, правильно расценив этот жест, поклонился и направился к выходу.

– Герцог! – Внезапный негромкий окрик короля заставил его обернуться у самой двери. – Герцог, мне не хотелось бы думать, что все это затевается вами из-за банальной зависти.

– Ну что вы, сир, ну что вы! – Герцог еще раз почтительно поклонился и исчез за дверью, размышляя, что король не так уж и глуп, как кажется.

Глава 1

Стоял погожий майский день. Через открытые окна, доходившие в этом просторном помещении почти до пола, дул теплый ветерок, то поднимая, то опуская легкие занавески. За окном буйным цветом цвели деревья и кустарник, распространяя сладкий густой запах. И, несмотря на то, что была еще только середина мая, лето, казалось, стоит в самом разгаре. Даже толстые серые стены этого старинного и мрачного, выложенного из камня особняка словно пробудились от спячки и стали теплеть.

В большой зале, заполненной сейчас столами, сидели девушки и, склонив голову, сосредоточенно писали. В тишине слышался только шорок переворачиваемых страниц и скрип перьев.

Это был последний день в школе «Белая лилия». В школе, ставшей их вторым домом на последние восемь лет.

Чего только ни происходило за это время. Казалось, не было такого, чему бы девушек ни учили, что бы ни рассказали. Их учили танцам и рукоделию, музыке и искусству, письму и чтению, они одинаково хорошо умели вести хозяйство, руководить слугами, содержать дом и сад. И в то же время самостоятельно выполнять по дому любую работу, если это потребуется. Они могли поддерживать разговор на любые темы и чувствовать себя превосходно в любом обществе.

Эта комната, наполненная сейчас склоненными над бумагой головками с идеально уложенными волосами, столько раз меняла свой облик, что и не счесть. Она то была наполнена смехом и музыкой, вся сверкала отраженным от зеркал пламенем свечей и блеском драгоценностей на нарядах и великолепных платьях. То становилась строгой учебной комнатой, полной размышлений.

Девушки, которых выбирали сюда на обучение, происходили из разных семей. Кто-то был богат, кто-то знатен, а о чем-то семействе и не слышали в высшем обществе. Единственное, что их объединяло – они были очень смыслеными, буквально схватывавшими все, и при этом очень красивыми. Попасть в эту школу по желанию родителей или опекунов было нельзя. Отбор сюда производился только директором, дамой весьма строгих правил, что неудивительно – школа была при монастыре, служившим прикрытием истинной причины существования этой школы.

Эта была одна из школ для девочек, похожих друг на друга как две капли воды. И только узкий круг людей знал, что на самом деле происходит за этими стенами.

Если хочешь что-то спрятать хорошенько – положи это на самое видное место. Из этих соображений школа находилась в самом Париже. И здесь было нечто такое, что отличало этих девушек от сотен воспитанниц других школ. Этих девочек с детства учили скакать на лошади и владеть всеми известными видами оружия. Они были отличными психологами, точно угадывавшими настроение собеседника. Умели незаметно вести слежку и отлично искать тайники. Свободно говорили и читали на нескольких языках. Знали культуру разных стран, их правителей и то, как эти страны могли влиять на события в мире.

Учителя могли гордиться своими воспитанницами. Сейчас, по прошествии восьми лет, эти девушки с равным успехом могли руководить большим имением, будучи замужем за богатым человеком, и выращивать овощи в глухой деревушке. Быть незаметной и тихой женой или самой блестящей дамой на приеме. Сражаться на шпагах с самым сильным противником и быть няней в богатом семействе.

И, как по мановению волшебной палочки, менялись не только девушки. Даже эта комната, бывшая такой обыкновенной и благопристойной в эту минуту, могла за один миг вдруг превратиться в зал для фехтования с молодыми дамами со шпагами в руках.

Сегодняшнее сочинение, тема которого требовала рассказать о том, какой они видели свою дальнейшую жизнь, было простой формальностью. Все наставники давно пришли к выводу, что много лет назад сделали правильный выбор, возложив надежды на этих девушек. Учителя и так знали, что совсем молодые еще женщины, сидящие сейчас за столами, будут всецело служить короне, целиком и полностью отдавая себя во власть короля, подчиняясь любому его приказу.

Пожалуй, это была самая секретная женская школа в стране.

Воспитанниц этой школы готовили для службы королю.

Из них готовили идеальных шпионов.

По указанию короля их должны были направлять туда, где, по его мнению, намечалось что-то, что могло помешать его самодержавному правлению. И они должны были любыми способами все узнать и помешать этому. Их учили быть преданными королю во всем. Из года в год преподаватели отслеживали все мысли, какие могли появиться в их голове, и направляли эти мысли на одно – служить королю, выполняя все, что от них потребуется.

Они отсеивали тех, кто не подходил под их требования и поставленные королем и его ближайшим окружением задачи, которые до последних двух лет обучения девушкам никто не раскрывал.

А так как обучение первых пяти лет проходило по программе, ничем не отличающейся от очень хороших школ, никто из девушек, не прошедших этот отбор, так ничего и не заподозрил. Учителя хорошо знали свое дело.

Кроме того, школа не забывала об ушедших воспитанницах, устраивая на приличную службу тех, кому это позволяло происхождение, либо выдавая замуж ту, чье дворянское происхождение не позволяло работать на посторонних людей.

В последние два года их осталось всего шестеро. Лучшие из лучших. Немного позже они будут представлены ко двору и станут тайными глазами и ушами короля, узнавая первыми все секреты и предотвращая все заговоры.

Каждая, поразмыслив, была рада открывавшейся им перспективе. Да и что их ждало в жизни, если бы не эта представившаяся возможность посвятить себя короне? Выбор у девушек был невелик – выйти замуж или остаться старой девой. И в этом выборе еще неизвестно, что хуже. Замужество не гарантировало счастливого брака, уважения мужа и жизни в достатке. Сколько историй они знали о девушках, сделавших неверный выбор. Да и хорошо еще, если это был выбор самой девушки, а не ее родителей.

Так что открывавшимся им перспективам можно было только позавидовать.

Несмотря на то, что все девушки чувствовали, какая непростая судьба им уготована, никто и никогда против воли не заставлял их выбирать подобный путь. И в этом была заслуга настоятельницы, остановившей из десятков претенденток свой выбор на них. Да и учителя подбирали правильные слова, так, чтобы каждая здесь чувствовала, какая честь ей оказана таким выбором.

Завтра они разъедутся по своим домам, чтобы навестить родных, которых не видели почти полгода. Как уже отмечалось, школа находилась в самом Париже. Это было очень удобно для короля, обладавшего возможностью наблюдать за обучением девушек, когда ему вздумается. И очень неудобно для самих воспитанниц, так как не у всех родители жили в столице. А посему возможность видеть своих дочерей имели всего пару раз в год. В связи с этим всем ученицам было рекомендовано после окончания экзаменов, навестить родных.

А уже спустя какое-то время они получают задание от короля и покинут родительский дом. Возможно, навсегда.

Но по напутствию настоятельницы, данным им перед началом сочинения, это должно было случиться только осенью, а сейчас за окном был теплый май.

И все это – и по-летнему теплая погода за окном, и окончание обучения, и предстоящая поездка домой рождало у девушек легкое и веселое настроение. Последние дни все только шутили и смеялись, обсуждая последние новости из дома, свои новые наряды, купленные по случаю поездки, и подарки родным.

Заканчивая писать, девушки поднимались с мест и сдавали свои работы, выходя в сад. В тени цветущих деревьев не хотелось больше думать ни о чем, кроме солнца и пьянящего запаха сада.

Их было всего шестеро, от 17 до 20 лет, тех, кто сегодня заканчивал обучение.

Сандрин Миреил Вилье была одной из самых старших, два месяца назад ей исполнилось девятнадцать, а привели ее сюда, когда ей было всего десять с половиной. Она закончила писать самой первой и вышла в сад, направившись в беседку под сенью деревьев. Села на одну из скамеек, стоявших там, и подставила лицо теплому солнышку. Да, приличной девушке не полагалось находиться на солнце долго, но сегодня так не хотелось думать о каких-то условностях.

Вскоре остальные девушки тоже оказались в беседке и принялись весело болтать о предстоящем путешествии домой. Дом Сандрин находился дальше остальных, и ей предстояло покинуть школу уже сегодня вечером. Всего через пару часов за ней прибудет карета из дома, и она отправиться в путь.

Внезапно девушки замолчали и посмотрели в сторону входа в школу. Сидевшая спиной к входу Сандрин обернулась. По тропинке, ведущей от двери и поросшей цветущими кустами сирени, быстрым шагом шла одна из монашек.

– Вас хочет видеть настоятельница, – подойдя, сказала она Сандрин. – Пойдемте быстрее, она очень просила поторопить вас. Я провожу.

Гадая, что же могло так срочно потребоваться настоятельнице, Сандрин вместе с монашкой направились в сторону здания школы.

А спустя час Сандрин сидела в карете, направлявшейся в сторону поместья Вилье, недоумевая, что заставило родных просить настоятельница как можно быстрее отправить ее домой. Все произошло так быстро, что она не успела толком попрощаться со всеми. И сейчас впереди у нее была только долгая дорога туда, где уж точно должны были объяснить необходимость ее скорого появления в стенах родного дома.

Бескрайние поля сменяли друг друга, зеленея под ярким солнцем и уходя за самый горизонт. Небо было таким голубым, что казалось почти прозрачным, открывая дорогу ярким лучам. Редкие облака были белоснежными и легкими, как пушинки. Дорога петляла через поля и холмы, и карета на ней то поднималась, то опускалась вниз. На лугах тут и там паслись стада коров и овец, и виднелись цветущие деревья. Лето безраздельно вступало в свои права, и по мере продвижения на юг это чувствовалось острее.

В открытые окна кареты врвался теплый воздух, наполненный знакомыми ароматами травы и цветов.

К концу дня становилось ощутимо жарко, и всю дорогу Сандрин размышляла о том, что современные наряды, состоящие из нескольких слоев ткани, с большим количеством юбок, не могли подарить долгожданную прохладу. Даже сшитые из легких летних тканей, они были хороши, только чтобы не замерзнуть зимой. Вот и сейчас девушка мечтала лишь о том, чтобы окунуться в какой-нибудь прохладный водоем. Или, в худшем случае – в ванну.

Карета проделала уже большой путь с самого Парижа, где было еще прохладно, почти до юга страны.

Поместье родителей находилось вблизи Драгиньяна, а это означало, что ехать до него оставалось совсем недолго.

Переписываясь с родителями перед поездкой домой, девушка пообещала, что по пути не будет останавливаться в постоялых дворах надолго, а просто станет менять лошадей. Благо, посланные за ней в Париж пара слуг без труда позволяла путешествовать круглые сутки, так как они могли сменять друг друга в управлении лошадьми.

Еще ей пришлось дать обещание заехать к тетке и навестить ее, оставшись хотя бы ненадолго. Сестра ее отца жила одна, вдали от своих детей, давно перебравшихся в Париж, и визиты родственников были как нельзя кстати, чтобы внести хоть какое-то разнообразие в ее размеренную жизнь. Но это обещание было дано больше для спокойствия родителей, так как на самом деле Сандрин еще раздумывала, заезжать ей туда или нет. Этот визит мог затянуться на несколько дней. А в сложившихся обстоятельствах Сандрин хотелось попасть домой как можно скорее. И она была готова путешествовать ночью, меняя лошадей по пути и спать в карете. И даже поменяться с кучером местами, если это необходимо. Лишь бы быстрее добраться в поместье родителей.

Перед отъездом настоятельница сказала, что обстоятельства складываются таким образом, что отдохнуть до осени у нее вряд ли получится. Королю может понадобиться ее помощь в любой момент, и тогда ей придется вернуться незамедлительно.

Сандрин и ее спутники ехали уже двое суток. До дома оставалось не так много, а до поместья тети – всего-то час езды. Но поместье стояло в стороне от дороги, по которой они двигались, и девушка решила не терять времени и не заезжать к ней. Потом что-нибудь придумает для родителей, если они вспомнят об этом.

Она немного поспала в карете и сейчас страдала больше от жары, чем от усталости, связанной с дорогой. Солнце начало клониться к закату, и небо окрасилось в розовый цвет. «Завтра будет жаркий день», – подумала Сандрин, выглянув в окно. И тут почувствовала, что карета начинает съезжать с дороги в кювет. Она постучала по стенке, привлекая внимание кучера, и экипаж резко остановился на месте, чуть не съехав в небольшой овражек рядом с дорогой.

Решив, что следует самой удостовериться, что с ее провожатыми все в порядке, Сандрин поднялась с сиденья и, отворив дверцу, выбралась наружу.

Для того чтобы проводить ее до дома, отец прислал двоих своих самых надежных слуг. Это было сделано в надежде, что они будут сменять друг друга в управлении лошадьми, да и вдвоем проще противостоять неожиданностям дороги. Одному из них, Николя, было чуть больше сорока, и он служил у отца уже двадцать пять лет. По сути, он был даже не кучером, а чем-то вроде управляющего, и руководил людьми, работавшими на полях и винограднике. Отец доверял ему настолько, что Николя самостоятельно нанимал и увольнял рабочих, занимавшихся выращиванием и уборкой урожая в их владениях. Поистине, это было верным решением, отправить именно его для сопровождения дочери. Он был довольно умен, исполнитель, и знал Сандрин с младенчества. Кроме того, обладал достаточной силой, чтобы защитить ее в случае какого-нибудь происшествия. На дорогах в последнее время становилось беспокойно.

Имени второго сопровождающего Сандрин не знала, он был явно выбран Николя из числа самых крепких и сильных работников, на вид ему было около двадцати лет.

Оба выглядели сонными и потирали глаза.

– Что произошло? – обратилась она к Николя.

– Простите нас, мадмуазель, мы немного задремали, – ответил тот.

– Вам, несомненно, нужно отдохнуть. Или иначе мы все скоро окажемся в канаве. Не думаю, что это кого-то обрадует. Разве что разбойников, если таковые окажутся на нашем пути.

Николя не удивили речи Сандрин, он слишком давно знал девушку, чтобы удивляться разумности речей, исходивших из уст мадмуазель Вилье. А вот его спутник явно выглядел озадаченным. Он явно не привык, что молодые незамужние девушки ее возраста способны

на такие умозаключения. «Надо будет при случае сказать какую-нибудь глупость, – подумала Сандрин. – Иначе он начнет болтать по поместью невесть чего. А это ни к чему».

– Скоро будет поместье графини Бартель, вашей тети, – произнес Николя. – Там мы сможем отдохнуть. Ведь мы сейчас как раз туда и направляемся.

Сандрин призадумалась. С одной стороны ей хотелось быстрее попасть домой, но ехать в сложившейся ситуации дальше было просто опасно для жизни, еще чего доброго они перевернутся в пути.

– Давайте я сяду на ваше место, управлять лошадьми, а вы пока поспите в карете.

На лице Николя отразились одновременно сомнения и тревога.

– Что вы, мадмуазель Сандрин! Я не могу вам этого позволить, у вас не хватит сил выполнять эту работу... да еще неизвестно, что или кто нас может ожидать по пути.

– Не переживайте, Николя, я справлюсь.

– Ваш отец велел заехать на ночлег к графине, так мы и поступим. Забирайтесь в карету, и мы продолжим путь. Тем более что осталось совсем немного.

Садиться в карету, для того чтобы следовать к тетке, Сандрин не хотелось. Ей были понятны опасения Николя, и она бы развеяла их моментально. Но не могла. Не рассказывать же им, что она управляет лошадьми и владеет шпагой так, что спокойно справится с ними двумя. Но сейчас она должна была оставаться глупенькой и беспомощной дочерью графа, которую он приказал доставить домой. И в этой ситуации ей оставалось только согласиться с предложенным. Для начала, конечно, немного прикинувшись беспомощной дурочкой.

– Вы же помните, Николя, что я неплохо лажу с лошадьми, – Сандрин мило улыбнулась.

– Но мадмуазель, одно дело приходить к ним в конюшню и ездить днем верхом по имению отца, и совсем другое – управлять каретой ночью, следуя по незнакомой дороге.

– Пожалуй, вы правы, – Сандрин смущенно захихикала. – Я совсем не подумала об этом. Что-то мне дурно от этой жары, мне и правда – лучше побыть в карете. И, раз вы настаиваете, мы заедем к моей тете. Но проведем там только одну ночь. Дольше гостить у нее просто нет времени. Я соскучилась по родителям и сестре. Я очень долго не видела родных, поэтому мне хочется побыстрее попасть домой, – с этими словами она развернулась и забралась на сиденье.

Как только за ней закрылась дверь, карета тронулась с места.

Ровно через час карета с Сандрин и ее спутниками стояла перед воротами в поместье графини Беатрис Одайл Бартель. В конце подъездной дорожки возвышался сам дом. Четырехэтажное каменное белоснежное строение с аляповатой отделкой перед входом, – по моде прошлого века, когда этот дом был возведен, – было все окружено розовыми кустами. Сейчас оно буквально утопало в окружавшей его зелени цветов, еще не успевших раскрасить пространство вокруг себя всеми возможными красками мира. Кованые ворота в поместье с узором, повторявшим лепнину над входом в дом, были заперты.

Это был не первый случай, когда они приезжали к запертым воротам дома. Иногда они прибывали сюда глубокой ночью, когда весь дом уже спал. Графиня Бартель ложилась довольно рано, и все двери и ворота в доме запирались в этот час на засов. Но находиться в кровати в это время было странно даже для графини, и это обстоятельство немного удивило Сандрин. Возможно, тетя изменила своим привычкам, и теперь стала отправляться в кровать еще раньше.

Девушка открыла окно в карете и выглянула наружу. Так и есть. Ни в одном из окон дома, выходявших на эту сторону дороги, не горел свет. Но попасть в поместье даже в этом случае не было препятствием. Тетя давно рассказала навещавшим ее племянницам как открыть ворота.

Знал об этом и Николя, который иногда привозил сюда сестер. Оставалось загадкой только то, куда подевалась сама графиня.

Спешившись, Николя прошел через маленькую незаметную калитку в ограде и отпер ворота. Карета подъехала к дому и в очередной раз остановилась.

На этот раз Сандрин тоже вышла из кареты.

Пока они ехали до поместья, почти совсем стемнело, но в доме не видно было огней. Когда-то в это время года графиня как раз заканчивала ужин, который, по наступлению теплой погоды проводила на открытой террасе. Но ни самой графини, ни кого-то из слуг сейчас не было видно. Постучав в дверь и, не дождавшись ответа, девушка решила поискать управляющего, жившего в левой части дома, куда имелся отдельный вход. Чтобы попасть туда, было необходимо обойти поместье с обратной стороны.

Приказав Николя идти в конюшню, чтобы оставить там лошадей и самим устроиться на ночлег, Сандрин отправилась на поиски управляющего.

Путь к той части дома, в котором располагались его комнаты, пролегал среди живописных кустов роз, еще не распустившихся, но уже набравших бутоны. И по ним уже можно было различить, какого цвета будут сами цветы. Здесь были и обыкновенные, классические красные и белые розы, и необычные сорта: тетя была страстной поклонницей этих цветов и коллекционировала их. Она скупала все появлявшиеся новинки, что-то находила в садах знакомых, а иногда изводила управляющего просьбами отыскать ей что-то необычное. И даже заказывала цветы из-за границы, если узнавала, что где-то появился новый сорт. Сандрин понимала тетю в ее увлечении этими цветами, хотя многие из окружающих считали это простым баловством. Но разве может что-то сравниться с тем ощущением, когда ты стоишь посреди этого бескрайнего моря, цветущего всем своим великолепием. Даже сейчас этих крохотных цветных лепестков хватало, чтобы наполнить воздух вокруг себя ароматом чего-то таинственного и волшебного, кружившего голову, словно ожидание безграничного счастья.

Слева от Сандрин показались грядки с овощами и зеленью, которые выращивали для стола графини. За ними, насколько помнила девушка, должен быть поворот направо. Она двигалась почти на ощупь, стараясь не пропустить поворот и не сойти с тропинки, чтобы не повредить окружающие ее многочисленные растения, некоторые из которых еще только начинали показываться из земли.

Через несколько шагов такой ходьбы она почувствовала присутствие кого-то рядом. Вмиг собравшись, она настороженно подняла голову и увидела управляющего тети, который с удивлением смотрел на нее.

– Что вы здесь делаете, мадмуазель Вилье? Я заметил из окна, что по саду в темноте бродит кто-то, и уже было подумал, что в поместье забрались воры.

– Месье Ксавье, я приехала навестить тетю, – Сандрин кивнула управляющему. – Родители, узнав, что я собираюсь домой, предложили заехать ненадолго погостить к графине, и я согласилась... ведь это действительно неплохая идея! Ее дом по пути к поместью родителей, и я так давно ее не видела... Когда я сообщила родителям, что собираюсь выполнить их просьбу и приехать к тете в гости на пару дней, они заверили меня, что уже все с ней обсудили, и тетя будет ждать меня в это время.

– Но ее нет, она уехала. Разве вы ничего не знаете? А ваши родители? Уж они-то знают о происходящем, и должны были предупредить вас, что графиня будет в это время в другом месте, – управляющий выглядел озадаченным.

– Простите, но мне никто ничего не говорил и не писал.

– Как же такое возможно? Мадмуазель Сандрин, простите меня, возможно, я вмешиваюсь не в свое дело... Будет лучше, если вы все узнаете от своих родителей. Скажите лучше: как вы прибыли сюда?

– Каретой. Папа прислал ее за мной.

– Вот как... И вы ничего не знаете?

Управляющий смотрел на нее с недоверием. «Он что, думает, я что-то от него скрываю? – подумала Сандрин. – Вот уж глупости!» Это явно не то, что она собиралась скрыть. Нужно постараться прояснить хоть что-то в этой истории.

– Месье Ксавье, я думаю, никто не обидится, если вы скажите мне, что же все-таки происходит. И где моя тетя.

– Давайте я лучше размещу вас в гостевой комнате. Вы хотите есть? Я прикажу накрыть на стол.

– Если вы не хотите ничего объяснить, думаю, мне лучше поехать домой. Ваши слова доставили мне беспокойство. Право, я уже не знаю, что и думать. Поэтому считаю, что самым лучшим в этой ситуации будет уехать немедленно. Скажите хотя бы, все мои родные здоровы?

– Мадмуазель Вилье, что вы. Такие мысли! – горячо произнес управляющий. – Я очень огорчен, что доставил вам беспокойство. Ничего подобного, о чем вы могли подумать из сказанного мной, в вашем доме нет.

– Так скажите мне, в чем дело! И ни у кого не будет повода печалиться попусту.

– Но как такое могло случиться, что вы сами ни о чем не знаете? Тетя отправила вам письмо. Как только получила от ваших родителей приглашение на помолвку, так сразу и написала. Мадам была так любезна, что посвятила меня в его суть. Она сообщила, что, к сожалению, не сможет принять вас у себя. Но будет рада увидеться с вами в доме ваших родителей.

– Нет, я ничего не получала. Возможно, оно пришло уже после того, как я уехала. А вы не обладаете информацией, кто из наших родственников решил связать себя узами брака?

– Да, конечно, мадмуазель, я знаю. Но как могло получиться, что об этом ничего не знаете вы? Замуж выходит ваша родная сестра.

– Амандин?!

Этот вопрос Сандрин задала больше от удивления. Так случилось, что у нее была только одна сестра. А поэтому никаких сомнений в том, кого имел в виду управляющий, говоря о ее сестре, быть не могло.

– Да, Амандин, – подтвердил управляющий. – Тетя уехала к вашим родителям сразу, как получила от них приглашение. Собралась в течение часа. Все родные, думаю, уже прибыли на место. Полагаю, немалую роль в этом сыграло желание поближе познакомиться с женихом.

Лукавый взгляд управляющего подсказал Сандрин, что тот, о ком он говорил, должен представлять собой нечто особенное, раз все так спешили его увидеть. Но жених сестры, о котором знала Сандрин, занимал не очень высокое положение. И уж явно не такое, чтобы привлечь внимание родственников. Да так, чтобы они, побросав свои дела, прибыли в поместье Вилье. Неужели у нее появился кто-то еще? А управляющий продолжил, еще больше озадачив девушку:

– Насколько мне известно, он приехал издалека и всего на один день. И все хотят засвидетельствовать ему свое почтение. Такая честь. Он очень богат и благороден. Думаю, вашей сестре очень повезло. Стать женой такого человека! Каждая девушка мечтает оказаться на ее месте.

Сандрин была в растерянности. Так кто же был женихом ее сестры, раз к нему устремилась вся ее многочисленная родня? И к чему такая поспешность? Сестра писала ей о своем кавалере, но по ее описанию он был не так знатен и богат, чтобы привлечь внимание столь высокой публики, как выходило из рассказа управляющего. И явно ее тетя, учитывая ее положение и любовь к дорожным сборам и путешествиям вообще, отправилась бы знакомиться с ним с прытью, достойной молодой девушки. Неужели у Амандин появился еще кто-то? И почему сама Сандрин не получала сообщение о свадьбе? Нужно поскорее отправляться домой, чтобы все выяснить.

– И на какую дату назначена помолвка? – обратилась Сандрин к управляющему.

– Планировалось, что она состоится сегодня, а уже завтра утром жених уедет домой.

Становилось понятным, что на помолвку ей никак не успеть. Если сегодня она останется ночевать в поместье тети, то домой прибудет только завтра утром. А это значит, что она может и не застать Амандин, если та после помолвки отправится вслед за женихом. Ведь свадьба могла быть запланирована сразу после помолвки уже в имении жениха, как только он привезет туда свою невесту. Получается, для того, чтобы увидеть сестру перед замужеством, Сандрин остается только надеяться, что сестра не уедет с ним сразу. Или, если поторопится, она еще успеет застать их?

– Можем ли мы воспользоваться вашим гостеприимством и поменять лошадей? – произнесла Сандрин. – И еще, если вас не затруднит, покормите моих сопровождающих. В сложившейся ситуации будет лучше, если мы отправился домой как можно скорее. Если вы не против, мы отдохнем пару часов, и поедем дальше.

– Но мадмуазель Сандрин, может быть, вам лучше хорошенько отдохнуть с дороги? Я приготовлю для вас комнату, где вы могли бы поспать. А ваши спутники будут накормлены и размещены. Оставайтесь хотя бы до утра, ночью на дорогах небезопасно!

– Нет, спасибо. Мне нужно попасть домой как можно скорее.

– Хорошо, мадмуазель, – управляющий привык исполнять указания господ беспрекословно. – Позвольте только предложить вам кого-то, чтобы он мог сесть за поводья.

Думаю, ваши слуги устали, и им не мешало бы отдохнуть. Я не прощу себе, если в дороге с вами что-нибудь случится.

– Спасибо, месье Ксавье, я воспользуюсь вашим предложением.

Сандрин вернулась к своим провожатым и, как могла, объяснила случившееся.

Оказалось, они ничего не знали об этой поспешной свадьбе, что насторожило ее еще больше. Неужели за тот месяц, что прошел с момента, как сестра отправила последнее письмо, что-то изменилось в ее любовных переживаниях? Она рассталась с прежним кавалером и влюбилась в кого-то еще? Сандрин не хотелось думать, что этот брак – просто договоренность родственников, и к этому человеку у сестры нет никаких чувств. Хотя, учитывая поспешность, это было самым логичным объяснением.

Только вот окружающим ни к чему знать, какие мысли сейчас бродят в ее голове. Пусть все думают, что она рада за сестру. Ее голос, обращенный к Николаю, был спокоен:

– Николай, поужинайте и отдохните пару часов, потом мы отправился в путь. Месье Ксавье обещал прислать помощника, так что кто-то из вас может остаться здесь. Или можете поспать эту ночь в карете. За поводья сяду я вместе с человеком, которого пришлет управляющий. При необходимости мы сможем меняться. Поверьте, я справлюсь с лошадьми. И не возражайте, пожалуйста! В данных обстоятельствах мне нужно попасть домой как можно скорее. Если вас это не устроит, можете остаться здесь и приехать позже, а я продолжу путь одна. Если решите присоединиться ко мне, жду вас ровно через два часа у ворот дома. А сейчас можете передохнуть в доме для прислуги, – думаю, дорогу туда вы помните. Управляющий все для вас приготовил.

Николай только кивнул. Слишком велика была решимость Сандрин попасть домой во что бы то ни стало, так что самым разумным было сейчас не спорить с ней. Он бывал в доме графини не раз, привозя сюда погостить родителей Сандрин, ее саму и ее младшую сестру, поэтому хорошо знал путь до домика прислуги. Поманив за собой напарника, он молча направился передохнуть и подкрепиться перед дальней дорогой.

Ровно через два часа они двинулись в путь. Сандрин настояла на том, чтобы слуги отца пересели в карету и поспали. Николя начал было сопротивляться, но здравый смысл взял верх. Тем более что управляющий действительно прислал одного из слуг, Конрада, чтобы помочь им управиться с лошадьми. Сандрин села рядом с ним за поводья, а Николя со слугой ее отца перебрались в карету.

Ехали они уже довольно долго, но расстояние преодолели небольшое. Было уже совсем темно, и слуга графини Бартель не слишком разгонял лошадей. «Хорошо, что сейчас светает рано», – подумала Сандрин. Она надеялась, что как только станет светло, осторожность слуги пропадет, и они смогут ехать скорее. Управляющий дал им новых лошадей, самых быстрых, каких нашел в поместье. Да и глядя на Конрада она могла поручиться, что у него достаточно сил, чтобы разогнаться. Сама девушка тоже отдохнула в поместье, и теперь была полна решимости добраться до дома.

Чем больше она думала об этой поспешной свадьбе, тем больше убеждалась, что все совсем не просто. Со своим женихом, бароном Гатьеном де Руэль, сестра общалась уже больше года. Но их отношения развивались так неторопливо, что Сандрин думала, что предложение о свадьбе от него может последовать не раньше, чем еще через год. Так неужели Амандин надоело ждать предложения от Гатьена, и она приняла его от кого-то еще? Хотя сестре было всего семнадцать, и со свадьбой можно было не спешить. Сандрин вспомнила, что последнее письмо от сестры она получила всего две недели назад, и там не было ни слова ни о новом женихе, ни о скорой свадьбе. Наоборот, Амандин надеялась, что Гатьен в скором времени сделает ей предложение.

Но если вспомнить все то, что рассказывал о будущем муже Амандин, управляющий тети, становилось понятным, что он имеет в виду совсем не барона де Руэль.

Так что же произошло за это время? Неужели Гатьен решился на такой смелый шаг? И что поспособствовало этому шагу? Не хотелось бы думать, что это могло быть «интересное» положение Амандин. Конечно, Сандрин была бы рада появлению племянника... но все же ей бы хотелось, чтобы ее сестра приняла решение выйти за кого-то замуж самостоятельно, а не под влиянием каких бы то ни было обстоятельств, сколь приятными они ни были.

Чтобы хоть как-то отвлечься от этих мыслей, Сандрин взяла у Конрада поводья и сама стала управлять лошадьми. Было уже совсем светло, так что это не представляло особого труда, и она без проблем выполняла эту работу.

Николя разбудило ощущение, что он находится в непривычном для себя месте. Открыв глаза, он сообразил, что проснулся в карете. Рядом мирно посапывал Дирк. Вспомнив все обстоятельства прошедшей ночи, он решил отправить дочку графа в карету, а самим занять полагающееся статусу место. Уже совсем рассвело, и карета ехала на довольно большой скорости. Кто-то очень быстро и умело управлял лошадьми.

Николя растолкал Дирка и забарабанил по стенке кареты. Она медленно остановилась, поразив Николя тем, как точно и плавно это было сделано. Мысленно поблагодарив управляющего за умелого слугу, которого тот предоставил, Николя выбрался наружу.

И тут же удивленно остановился, увидев, что за поводьями сидит Сандрин и улыбается ему. Слуга графини Бартель мирно дремал рядом.

– Уже проснулись? – как ни в чем не бывало, спросила мадмуазель Вилье.

– Да, спасибо мадмуазель Сандрин, мы уже достаточно отдохнули и готовы снова управлять лошадьми. Идите в карету. Вы, наверное, устали. – И Николя с неодобрением взглянул на сонного слугу.

– Что вы, я совсем не устала! Можете еще немного поспать в карете, а я сама справлюсь с лошадьми. Обещаю, как только устану, сразу попрошу сменить меня.

– Не спорю, мадмуазель, ваше умение управлять лошадьми достойно всяких похвал. Но предоставьте нам делать свою работу. И дорогу я знаю лучше вас. – Николя немного помолчал, а потом добавил: – Кроме того, скоро мы прибудем в поместье ваших родителей. И я бы не хотел вызвать гнев графа Вилье тем, что позволил молодой даме делать мужскую работу.

Молодая дама посчитала благоразумным не спорить, и молча спустилась на землю. И так же молча подошла к дверце, любезно распахнутой перед ней Николя.

И, только забираясь в карету, она произнесла:

– По дороге будет озеро, думаю, через час или около того мы до него доберемся. Вы должны знать его, Николя. Остановитесь там, пожалуйста. Мне необходимо умыться и привести себя в порядок. Сейчас днем жарко, и я не хочу прибыть домой в таком виде, будто не знаю, что такое вода.

Тихое озеро манило прохладой. Вода в нем была такой чистой, что под ее прозрачной толщей виднелось усеянное камешками дно и маленькие рыбки, снующие туда-сюда. Анри заметил это озеро еще по дороге к дому будущей жены и решил непременно искупаться в нем на обратном пути.

Он любил воду во всех ее проявлениях, любил плавать и всегда делал это с наслаждением, забывая обо всех проблемах и заботах. Только вот последних сейчас было так много, что даже прохладная нега воды не могла полностью смыть их.

Вокруг была невероятная жара. Он не привык к такой температуре в это время года. Там, откуда он был родом, сейчас лето только вступало в свои права. А здесь оно было уже в самом разгаре и, казалось, безвозвратно завладело всем вокруг. И от этой удушающей жары хотелось уплыть далеко, смыть с себя не только всю дорожную пыль, но и весь этот фарс, каким была его предстоящая свадьба.

Он поддался уговорам своего дяди и сейчас жалел об этом. Жениться в ближайшее время он не планировал. Да и вообще, если честно, не понимал, зачем это было нужно.

Анри не относился к числу тех наследников, родители которых, спустив все нажитое их предками, стремились улучшить свое положение за счет удачно женившихся детей. Ему также не нужны были ни титул, ни положение в обществе. И то и другое он приобрел, как только родился. Обзаводиться наследниками для него сейчас было не слишком подходящее время, да и возраст позволял не торопиться с решением данного вопроса. Анри нравилось женское внимание, недостатка в котором он никогда не испытывал. А этот поспешный брак разрушал его положение завидного жениха и, как он полагал, все это неизбежно приведет к тому, что теперь уже не так много красавиц будет виться вокруг него.

Так что по всему выходило – холостая жизнь ему нужна больше, чем степенная жизнь женатого маркиза. Ему было вполне хорошо и так, в его холостой жизни. Анри был богат, знатен, умен и вполне хорош собой. Даже половины из этих качеств было бы достаточно, чтобы никогда не знать отказа от девушек и женщин. И выбрать когда-нибудь в жену ту, которая придется по душе ему самому. Но дядя стоял на своем: Анри пора остепениться. Он вызывает слишком много подозрений своей жизнью, слишком веселой и беззаботной.

Отчасти он был согласен с дядей. Анри и сам понимал, что в последнее время он стал привлекать все больше внимания своим богатством, независимыми суждениями и нежеланием плясать под чью-то дудку. Пусть даже в нее и дудели придворные короля. Просто он понимал, что делали они это, по большей части, прикрывая монаршей волей свои собственные амбиции.

Но он не понимал, каким образом брак мог что-то изменить – изменить отношение к нему, сплетни о нем. Чем больше он думал об этом, тем больше удивлялся, как женитьба на девушке из богатой и знатной семьи может снять эти подозрения. Да, часть доходов можно будет списать на жену: за такой девушкой положено неплохое приданное. Кроме того, она должна сдерживать его разгульную, по мнению дяди, жизнь. Да и, возможно, он захочет завести наследника. Но насколько это все поможет ему?

Спорить с дядей не хотелось, не хотелось приводить никакие аргументы. И Анри поддался этим уговорам и сейчас жалел об этом. Да только сегодня менять что-то уже слишком поздно. Помолвка состоялась, а вскоре за ней последует и свадьба. И, проведя несколько минут в обществе своей будущей жены, он был даже рад, что долго этот брак не продлится.

Для того чтобы познакомиться с ней, пришлось проделать неблизкий путь. Всю дорогу Анри спрашивал себя: неужели не нашлось какой-нибудь девушки, согласившейся стать его женой, где-нибудь поближе к дому? За всю жизнь у него ни разу не возникло мысли, что когда-нибудь придется отправиться в такое дальнее путешествие, чтобы просить руки девушки, которая настолько безразлична ему. А еще это путешествие откладывало реализацию его планов, и это приводило его в недовольство. Он уже устал ждать и все торопил события.

Его брак с этой девушкой не будет долгим. И даже хорошо, что эта мадмуазель, которую дядя прочил ему в жены, совсем не привлекла его. Иначе было бы жаль расставаться с ней. Да, она оказалась хороша собой: длинные каштановые волосы и светло-карие глаза. Красивое лицо и фигура. Она умела поддержать разговор и стала бы хорошей женой. Но он точно не смог бы полюбить такую. Она была как сотни других, с которыми его знакомили бесчисленные родственники и просто знакомые. Их словно создали как копии – те же манеры, с которыми они держались в обществе, стараясь угодить всем и особенно – ему; ведь он был таким завидным женихом и мог точно «составить их счастье» – по словам их же матушек. Не слишком умны, чтобы не казаться в этом выше мужчины, не слишком образованы – по той же причине. Их всех словно обучал один и тот же учитель – и наукам, и премудростям жизни. Даже одеты и причесаны они были все как одна – по последней моде. Возможно, многие мужчины как раз это и искали, ему же было нужно нечто другое. Нечто особенное. Он точно знал, что ему не нравятся такие бестолковые и бездушные куклы, какими сейчас был переполнен высший свет.

Так что сейчас он был даже рад, что ему не придется долго жить с женой: через несколько месяцев он отправится в плавание, из которого, если все пойдет как надо, во Францию он не вернется. Слишком большие перемены назревали здесь, и участвовать в них он не собирался. В конце концов, он не революционер.

Что будет с его женой, когда он уедет, его особо не занимало. Брать ее с собой не входило в его намерения. Он никогда не обещал ей вечной любви. Да и идея со свадьбой была не его.

Нужно признать, что поездка не оправдала ожиданий. Да, все прошло, как и планировалось – помолвка состоялась. Ее родители были настроены благосклонно, да и разве могло быть иначе, учитывая красноречие его дяди. Он все представил так, словно Анри только если и мечтал о чем-то в этой жизни – так о том, чтобы жениться на их младшей дочери, Амандин Клеменс Вилье. И, учитывая, что будущий зять был ко всему прочему богат и знатен, какие родители ответили бы отказом? Но вот невеста явно не пылала желанием стать в скором будущем герцогиней Лекавалье. Да, она была мила с ним, как, впрочем, и со всеми. Но не более того. Весь вчерашний день она была сама не своя и всячески избегала общения с ним. На приеме она почти не разговаривала, хотя их посадили вместе. А когда Анри предложил ей немного прогуляться по саду, сказала, что должна переодеться и поднялась к себе. А спустя

час служанка передала ему, что мадмуазель Амандин нездоровится, и она проведет остаток дня в своей комнате.

Ехать к нему в имение следующим утром, как планировалось изначально, она также отказалась, сославшись на самочувствие. Кроме того, Амандин хотелось увидеть перед свадьбой сестру, которая сейчас спешила в родительский дом.

Все это он также узнал не от самой мадмуазель Амандин Вилье, а от ее матери, которая поговорила с ним в гостиной на следующее утро, извинившись за свою дочь. Еще она просила Анри не ждать ее, а отправляться домой. А сама юная мадмуазель приедет так скоро, как только сможет.

И Анри согласился, решив, что несколько дней холостой жизни ему совсем не помешают. Дома можно будет спокойно заняться своими делами, а ждать приезда еще одного из родственников этого семейства, пусть даже это и была родная сестра его будущей жены, ему не хотелось. Оставив свою карету и двух кучеров для невесты, Анри отправился в путь. С собой он взял только Этьена – своего верного друга, да пару лошадей – чтобы добраться до дома.

Озеро было совсем рядом, и Анри спешился, взяв лошадь под уздцы. Вместе с Этьеном они подвели лошадей к самой кромке воды, чтобы дать им возможность напиться перед дальней дорогой.

Отойдя немного в сторону, Анри обнажился до пояса, оставшись только в брюках, и нырнул. Прохладные воды обступили его, заставив забыть обо всем. Вода смыла и тревожные мысли, и дорожную грязь, оставив голову абсолютно светлой.

Озеро было довольно большим, и Анри решил отправиться вплавь до противоположного берега, пытаясь окончательно забыть обо всем. Он плыл и плыл, огибая все поросшие кустарником места и глядя перед собой на воду, разбегавшуюся в стороны от движений его сильных рук.

И только сейчас, окунувшись в манящую синь озера, он понял, что будет делать дальше. Они поженились с этой мадмуазель Вилье, и он поселит жену в отдельном крыле. Так она не будет ни раздражать его своим жеманством, ни мешать его планам. Никакой нужды встречаться после свадьбы со своей женой Анри не видел. Ничего такого, что не было бы в других женщинах, он в ней не наблюдал, а раз так, то он без труда найдет ей замену, если это ему потребуется. Да, его жена довольно хорошенькая, и он мог бы подарить ей несколько ночей. Но зачем разрушать ее невинность, если через пару месяцев он покинет ее? Возможно, у нее будет больше шансов выйти замуж потом, если она останется невинной.

Экипаж с Сандрин подъехал к кромке озера и остановился. «Наконец-то, почти дома», – подумала она и вылезла из душной коробки кареты.

Это озеро было излюбленным местом ее прогулок. Когда она жила в родительском доме, бывала здесь часто. Брала лошадь или просто шла пешком. И сейчас была рада оказаться у этого водоема. Неизвестно, что ее ждет дома, и будет ли у нее еще возможность подышать пронзительно чистым воздухом в тени деревьев, стоявших почти у самой воды, и искупаться.

Оставив спутников, она пошла вдоль берега, ища подходящее место, чтобы раздеться.

В некоторых местах озеро поросло камышом и кустарником, спускавшимся к самой воде – самое место для того, чтобы остаться незамеченной. Подойдя к одному из таких укромных местечек, она остановилась и огляделась.

Ее спутники были довольно далеко и не смотрели в ее сторону, занимаясь лошадьми и проверяя карету. Проведя взглядом по противоположному берегу, она заметила человека,

поившего лошадей, но он также не смотрел на нее. Обрадованная представившейся ей возможностью искупаться, Сандрин разделась, и в одной сорочке осторожно ступила в воду.

Днем было очень жарко, и вода по краю озера уже успела прогреться после зимы. Середина же его была еще холодной. Сандрин, боясь простудиться после того, как почти два часа провела в душевой, раскалившейся на открытом солнце карете, решила поплавать около берега.

Здесь толща воды была меньше, чем посередине, и стала уже совсем теплой.

Выплыв из зарослей в противоположную от кареты сторону, Сандрин закрыла глаза. Прохладная вода возвращала силы, отгоняя прочь мрачные мысли. Плавать с закрытыми глазами она не боялась. Озеро было хорошо знакомо ей, и ничто вокруг не предвещало никаких неожиданностей.

Сандрин уже проплыла несколько метров, когда ее рука натолкнулась на что-то твердое. Она открыла глаза и увидела перед собой мужчину, удивительным образом оказавшегося у кромки тех же зарослей, рядом с которыми проплывала она. От неожиданности Сандрин начала барахтаться в воде и вдруг почувствовала, что мужчина крепко держит одной рукой, не давая утонуть.

Он был ей незнаком. Явно не из здешних мест или приехал недавно, – раньше Сандрин его не видела. Но все в нем – и то, как он держался, и его черты лица – выдавало благородное происхождение. Рукой он обхватил ее повыше талии, и было видно, что это не стоит ему никаких усилий. Она была, словно пушинка его руках. От неожиданности, – другим свое действие Сандрин объяснить не могла, – она положила руку ему на плечо. Незнакомец, нисколько не смущаясь, разглядывал ее. И по его лицу Сандрин понимала, что увиденное ему нравится, а еще, что он прекрасно осознает, что сейчас она почти голая.

А потом он посмотрел ей прямо в глаза. В этом взгляде, в самой глубине его глаз, было что-то такое, чего прежде она ни у кого не видела. И за эти мгновения, что они обнимали друг друга в воде, прошла, казалось, целая вечность.

Он был обнажен до пояса, да и она была не совсем одета, и их молчаливое разглядывание друг друга становилось просто неприличным. Решив прекратить это весьма двусмысленное положение, Сандрин сказала:

– Отпустите меня.

– Вы сами меня держите, если я не ошибаюсь.

Сандрин немедленно отпустила руку, обнимавшую его, но ситуацию это нисколько не изменило. Незнакомец продолжая держать ее за талию так крепко, что она не двинулась ни на миллиметр.

– Если я не ошибаюсь, теперь причина в вас, – произнесла Сандрин, сделав особое ударение на слове «я».

– Вы очень красивы, было бы жаль, если б вы утонули, – произнес незнакомец.

– Не беспокойтесь, я хорошо плаваю, – настойчиво произнесла Сандрин.

– Я это заметил, – с иронией в голосе произнес он. – Несколько минут назад вы чуть не пошли ко дну.

– Это потому, что я не ожидала кого-то здесь встретить. Все, хватит, отпускайте! – Голос Сандрин зазвучал недовольно.

Незнакомец взглянул ей в глаза, еще крепче прижал к себе, так, что она почти не смогла дышать, довольно улыбнулся, приблизив к ней лицо, словно намереваясь поцеловать... и тут же отпустил.

От неожиданности Сандрин чуть не пошла на дно, но привычка быть готовой к любому развитию ситуации спасла ее, и она осталась на поверхности.

Незнакомец бросил взгляд на ее руки, не нашел следов напряженной работы и задумчиво произнес:

– А вы не похожи на служанку.

– А у вас к ним какая-то особая предрасположенность? – От Сандрин не укрылся этот мимолетный взгляд на ее руки, и девушка не могла отказать себе в удовольствии ответить ему какой-нибудь колкостью.

В ответ Анри расхохотался. Да она просто прелесть! И настоящая красавица. А он еще надеялся застать ее врасплох этим неожиданным замечанием. Жаль, что он не встретил ее по пути сюда. А то, возможно, сбежал бы из дома Вилье еще вчера вечером, посвятив ночь более приятному занятию. А сейчас он слишком торопится. Или не слишком?

– Вы просто великолепны. Вам кто-нибудь говорил об этом? Вы из этих мест? Нет? Расскажите, что привело вас в эти края? Я думаю, вам стоит опасаться здешних красавиц, вы точно затмите всех. Поверьте мне, я встречал их немало.

Но вы! Вы нечто необыкновенное. Какие глаза. Хотел бы я знать, что скрывается в их глубине, – с этими словами незнакомец снова приблизился к ней.

Сколько уверенности в его голосе. Сколько любования собой. Он явно даже не думает, что какая-то девушка после этих слов не растает. Слышал ли этот человек когда-нибудь слова отказа? Ну что ж, его ждет разочарование!

– Зачем?

Анри опешил от ее голоса, таким невозмутимым он был. И этот странный вопрос. О чем это она?

– Что «зачем»? – Анри был растерян.

– Вы только что сказали, что хотели бы узнать, что скрывается в глубине моих глаз. Вот я и спрашиваю: зачем? Зачем вам знать, что скрывается в их глубине? – медленно, почти по слогам произнесла Сандрин.

Анри молчал. Он даже не помнил, что говорил. Просто хотел, что уж таить, соблазнить понравившуюся девушку. Но она оказалась не так проста.

– Ну что же... вижу, вы пока не знаете, что сказать. Я могу дать вам время. Когда найдете ответ на этот вопрос, я вас выслушаю, – с этими словами Сандрин повернулась и поплыла к берегу. Выйдя из воды, она удалилась в заросли кустарника, чтобы надеть платье. И даже не обернулась.

По тихим всплескам воды, раздававшимся, когда она одевалась, Сандрин поняла, что незнакомец уплыл.

Надев платье, девушка вышла из своего укрытия и удостоверилась в правильности своей догадки – водная гладь была чиста.

Она заметила его на другой стороне берега. Все еще раздетый по пояс, он стоял и смотрел на нее. Под его пристальным взглядом Сандрин села в карету и приказала Николя ехать домой. И всю дорогу до дома вспоминала эти глаза, прекраснее которых не встречала. Он понравился ей. Она слишком хорошо знала себя, чтобы не понять этого.

Почти у самых ворот дома, осмыслив все случившееся, Сандрин пришла к выводу, что хорошо бы выбросить этот случай из головы. Ведь спустя всего лишь несколько недель, а может и раньше, ей предстоит работа, в которой не будет место ни этим глазам, ни этой встрече, ни каким-либо чувствам и устремлениям, кроме одного – служить королю. Ей не следовало думать об этом незнакомце. И это очень даже хорошо, что они больше никогда не встретятся.

Анри был удивлен произошедшим. Когда он начинал плавать, вокруг не было не души. Откуда же она взялась? И кто она? Почему ее лицо показалась ему знакомым?

Он выбрался на берег и посмотрел на другую сторону. По противоположному берегу в сторону своей кареты, не глядя на него, шла незнакомка. На первый взгляд на ней было простое платье, но простым оно казалось только для непосвященных. Анри знал цену этой простоте, слишком много он бывал на приемах и балах. Идеальный покрой, дорогая ткань, оно удивительным образом подчеркивало ее красоту и могло бы выделить ее среди сотен нарядно одетых девушек. Портнихе явно заплатили немалую цену. И если повседневный наряд так шел ей, то что было бы, когда б она оделась на прием?

Но ни на одном балу или званом ужине Анри не встречал ее. За это он мог бы поручиться чем угодно. Ее бы он точно запомнил. Движения незнакомки были столь изысканными, что это точно не было тем, чему ее обучили. Этому научить невозможно. Такая красота, такая грация могут идти только изнутри. Она произвела на него незабываемое впечатление, не приложив к этому никаких усилий. Она явно была создана покорять любого, кто оказался на ее пути. Это было заложено в ней самой природой. И он тоже попал под ее обаяние. Не отрываясь, он глядел ей вслед до тех пор, пока она не села в карету и не уехала прочь.

Проводив взглядом удалившийся экипаж, Анри задумчиво двинулся вдоль берега к ожидавшему его другу, надеясь, что он не увидел развернувшихся не так давно событий. Или хотя бы увидел только их часть.

Но, как только он посмотрел Этьена, с ухмылкой взиравшего на него – понял, что его ожидания оказались напрасными.

– В этом озере, оказывается, и русалки водятся?

– Не иронизируй, – хмуро произнес Анри. – Кому, как не тебе, знать, что русалки водятся не в озере. А если и водятся, то уж точно не выходят потом на берег, чтобы сесть в карету и уехать.

– Что же ты позволил ей уйти? Совсем на тебя не похоже.

– Мне лучше знать, что похоже, а что нет.

– О-о-о, да она тебе точно понравилась. И как ее зовут?

– Не знаю. Не спрашивал.

– Так поедem за ней и спросим. Красивая девушка, неужели упустишь такую. Не долгий срок остался у твоей холостой жизни. Да и путь сюда неблизкий. А это хоть какое-то утешение. Мы можем ее догнать. Ты попросишься на ночлег. Может и для меня найдется кто-нибудь из служанок посимпатичнее. Домой двинемся утром. Или ты планируешь задержаться у нее чуть дольше?

– Ничего я не планирую. И почему ты решил, что она позволит мне остаться у нее? Она молодая девушка, а все молодые девушки, прежде всего, ищут мужа. Или ты забыл, как, не далее чем полгода назад, за тобой охотилась одна очень милая мадмуазель?

– Она не похожа на охотницу за мужьями.

– Откуда тебе знать, похожа или нет? Ты с ней не говорил.

– И она тебе сказала, что ищет мужа? Что-то не верится. Она такая независимая, уверенная в себе. Знает себе цену, – Этьен точно не знал, соответствует ли действительности то, что он сейчас говорил. Но ему очень хотелось немного пошутить над другом, хмуро смотревшим на все вокруг вот уже сутки, – с момента знакомства с Амандин Вилье. – Девушки, спешащие замуж, так себя не ведут. Больше похоже, что она уже была в браке.

– Ну, это может такая новая уловка – показывать, что не хочешь замуж. Поверь мне, все только и ждут, как поудачнее найти мужа и осесть в каком-нибудь поместье, тратя жизнь на приемы да увеселительные прогулки. Ну, возможно, еще родить парочку детей, для приличия. Чтобы исключить пересуды света.

– О, да ты, я вижу, знаток! Что, не раз попадал на такие уловки?

Анри только кинул недовольный взгляд на Этьена, но ничего не ответил.

Он взобрался на лошадь и уже было отправил ее в галоп, как внезапно остановился.

– Знаешь, а она показалась мне знакомой.

– Так ты уже встречался с ней раньше?

– Нет, не думаю. Не могу вспомнить. Лицо показалось мне знакомым, но все остальное – и голос и манера держаться – нет.

– Да ты уже не помнишь всех своих... м-м-м... как бы это поточнее выразиться... девушек, с которыми проводил время. Сколько их было? Пятьдесят? Сто? Может, больше?

– Все я прекрасно помню. Да и она меня не узнала, это было видно.

– Ну, это точно аргумент! Они, в отличие от тебя, все прекрасно помнят! – Этьен усмехнулся и многозначительно посмотрел на Анри. Тот понял его и без дальнейших объяснений. Да и как было забыть Адалин, осаждавшую Анри больше года после того, как он объявил, что расстается с ней. А поначалу она казалось такой милой. Но внешность, как видно, бывает обманчива. – Так вернемся или нет? Больше в этих краях нам не побывать. Заодно выяснишь, где ты мог ее видеть.

– Нет, едем домой. Мне сейчас не до любовных переживаний. Есть дела и поважнее. Работа прежде всего. А раз она из этих мест, то может оказаться знакомой моей будущей жены, а мне не хотелось бы, чтобы здесь стали гулять слухи. Со свадьбой уже все решено. Не хочу, чтобы что-то расстроилось.

– Свадьба будет в любом случае, ты знаешь это лучше меня. Твои новые родственники от нее не откажутся. В этой ситуации «нет» может исходить только от тебя. – И тут лицо Этьена просияло. – Так вот в чем настоящая причина! Ты просто боишься, что так увлечешься ею, что передумаешь жениться!

Мысль была настолько абсурдной, что Анри не удостоил друга ответом. Только глянул на него исподлобья.

Слишком хорошо его знал Этьен, чтобы Анри сейчас что-то возражал ему. Незнакомка действительно очень ему понравилась. И в других обстоятельствах он непременно воспользовался бы предложением друга и последовал за ней. Возможно, она бы и не пригласила его в спальню, но несколько минут, проведенных с такой девушкой, стоили бы времени, потраченного в пути, чтобы познакомиться с невестой.

Но сейчас это было невозможно. Эта свадьба расстроила все его планы. Она была так не вовремя! Ему и так пришлось многое перестраивать в жизни, позаботиться о безопасности, чтобы его проект не всплыл наружу. И вот сейчас приходилось отвлекаться еще и на эту свадьбу.

Он и без этого в последнее время чувствовал на себе пристальное внимание двора и старался совершать как можно меньше действий. А сейчас, когда в его доме окажется абсолютно посторонний человек, скрываться придется еще тщательнее. И он не хотел породить у своей жены и крупную сомнений, что в его доме происходит что-то не то. Не хотел, чтобы она в чем-то его подозревала. А если он последует сейчас за незнакомкой, она ненароком может наткнуться на кого-то из своих будущих родственников, и тогда они обязательно расскажут ей. Со свадьбой пути назад уже нет, это верно. Но если жена начнет подозревать его в изменах и следить за ним, то в процессе слежки может обнаружить что-то, не предназначенное для чужих глаз и ушей. И неизвестно, кому она может об этом рассказать.

Как бы ему хотелось, чтобы его женой стала девушка, которой он смог бы доверять так же, как Этьену!

К сожалению, это невозможно. И дело не только в том, что такова его будущая жена. Все девушки сейчас такие. Они только и ждут, как составить выгодную партию, а потом не упустить своего. Он безлики, их учили только улыбаться и быть милыми. Не говорить лишнего. Думать только о том, чтобы муж был счастлив. Вести домашнее хозяйство, не вваливая на мужа ворох домашних проблем.

Размеренная жизнь, в которой нет места истинной радости, истинному счастью. Да, многие находят в ней свои прелести. В редких случаях муж с женой, несмотря на то, что брак между ними был заключен не по любви, постепенно начинают испытывать друг к другу уважение, доверять друг другу.

Но это не для него. Он должен любить свою жену, чтобы быть с ней счастливым. И ему мало красивой мордашки и изящной фигурки. У его жены должна быть голова на плечах. И в этой голове должны быть мысли, отличные от того, что одеть на бал и что приказать кухарке приготовить на ужин.

Ах, если бы эта незнакомка оказалась его женой! Судя по их разговору на озере, с ней ему точно не пришлось бы скучать. Как же она хороша! Бездонные голубые глаза, длинные ресницы и мокрые от воды кончики волос, рассыпавшиеся по плечам.

Анри помотал головой, чтобы прогнать этот образ, засевший у него в памяти. Вряд ли им доведется когда-либо встретиться... а в таком случае – и думать о ней не стоит. Ничего, скоро он уедет и забудет обо всех женщинах и девушках, живущих в этой стране. Все, пора домой.

– Поехали, нам надо проехать как можно больше, пока не стемнело, – Анри посмотрел вперед.

Этьен взглянул на него с улыбкой и направил лошадь рысью в сторону дороги.

До самой ночи Анри все думал о предстоящей свадьбе и незнакомке, повстречавшейся ему на озере, пока они не остановились на ночлег в постоялом дворе и он не провалился в тревожный сон.

Сидя в карете, Сандрин снова и снова возвращалась мыслями к незнакомцу. Он был неглуп. Даже нескольких минут разговора хватило, чтобы это понять. С ним было легко и просто, даже в такой ситуации, что с ними произошла, она не испытывала чувства неловкости и стеснения. Если бы она встретила его после этого приключения, то не стала бы смущаться, зная, что он не расскажет об этом никому. Но их встрече не суждено случиться вновь, она это чувствовала. По всему видно, он был здесь проездом и спешил в родные края. А озеро просто попало ему на пути, и он решил искупаться, что немудрено в такой зной.

Так почему же она думает о нем, не переставая? Свет этих серых глаз и широкие плечи... И то, как он держал ее на плаву, когда она чуть не утонула, напуганная его внезапным появлением... Было в этих глазах что-то загадочное, что влекло заглянуть в них вновь, познать их тайну, их глубину. Что-то подсказывало ей, что у человека с такими глазами обязательно должна быть какая-то тайна.

У него было много женщин, это видно. Но также видно, что он никогда никого не любил по-настоящему. Он богат, высокого происхождения. И ни его родственники, ни он не растратили это богатство, как некоторые иные наследники. Он знает цену деньгам, видно, что он сам преумножил это богатство, доставшееся ему от предков. Интересно – как?

От этих мыслей у нее голова пошла кругом. Да и с чего вдруг она взялась анализировать его душу? Да, не зря их предупреждали, что большие знания могут привести к таким последствиям. Сколько она себя помнила, ей всегда хотелось увидеть истинное лицо человека, его сущность. Ну, что это ей даст в данной ситуации? Когда это нужно для дела – да. Но сейчас? Она же больше никогда не увидит его.

Все эти размышления настолько отвлекли ее от дороги, что она не заметила, как карета остановилась у поместья родителей.

Трехэтажный дом, а скорее – замок из белого камня стоял на небольшом холме. Сейчас он был весь залит светом от заходящего солнца и казался почти золотым. Толстые стены с четырех сторон окружали внутренний, мощный камнем двор, закрытый на тяжелые деревянные ворота.

С двух сторон, по солнечной стороне, галереями спускался виноградник. Сейчас на нем были только листочки, но пройдет всего несколько месяцев, и нужно будет собирать урожай. Дом окружали бесчисленные поля. Их владения. Здесь было так тихо и спокойно, что хотелось никогда не покидать эти стены, спасаясь от всех жизненных невзгод под их защитой.

Только сейчас Сандрин по-настоящему поняла, как ей не хватало родных, а в особенности – родителей и сестры. Скорее бы их увидеть, оказаться в своей комнате, из окон которой открывается живописнейший вид на округу. Зеленые поля и цветущие деревья... что может быть прекраснее! И как она будет жить вдали от всего этого? Каждый раз, когда Сандрин смотрела из окон своей спальни, ее охватывало чувство бесконечного счастья и гармонии. Такое же, как в объятиях такого незнакомца.

Опять эти мысли! Ну уж нет, хватит! Хотя бы здесь она может не думать о нем!

Дорога до ворот замка была чуть в стороне от окон и, видимо, их появление осталось незамеченным. Дверь была закрыта, и Николя пришлось долго стучать, прежде чем она открылась, и в проеме появилась удивленная горничная, Мари.

– Мадмуазель? Это вы? Но мы не ждали вас так рано!

Сандрин вышла из кареты и улыбнулась ей.

– Как только мне стало известно о предстоящей помолвке, я приказала Николя поторопиться. Мне не терпелось как можно скорее попасть домой.

– Но как вы узнали об этом?

– По дороге мы заехали к тете, и ее управляющий нам все рассказал.

– О-о-о, входите скорее, все будут рады вас увидеть! Особенно мадмуазель Амандин.

То, каким голосом был произнесено имя ее сестры, заставило Сандрин насторожиться и поспешить в дом.

Глава 2

Внутренний двор дома встретил ее непривычной тишиной. Ни снующих туда-сюда с поручениями слуг, ни кухарки, вышедшей на свежий воздух из душного чада кухни, ни горничных, спешащих исполнить поручение хозяйки. Ничего не говорило о том, что к ним прибыли гости. Да и в самом доме, насколько это позволяли судить выходящие во двор окна, не было ни души.

Если в замке полно гостей, собравшихся по случаю приезда жениха, как сказал дворецкий ее тети, то дом должен казаться живым от наполнивших его людей.

– Мари, почему никого не видно? – обратилась Сандрин к горничной. Ей не хотелось думать, что оправдались ее худшие опасения, и все родственники уже отправились на свадьбу.

– Так в доме почти никого нет. Только мадам и мадмуазель Вилье... мадмуазель Амандин Вилье, – решила уточнить горничная, глядя на Сандрин – с ее приездом в доме было уже две мадмуазель Вилье. – А его светлость отправились осмотреть владения.

– А что же остальные?

– Все что я знаю – это то, что гости разъехались около часа назад, сразу как закончился обед. Новый жених вашей сестры уехал еще на рассвете, не захотел оставаться дольше, все торопился куда-то. Ваша сестра попросила его задержаться до вашего приезда, но он не захотел. Так и уехал, один. Сказав, что будет ждать Амандин дома.

После слов горничной Сандрин поняла, что оправдываются ее опасения. Новый жених. «Интересно, а куда же делся старый?» – подумала она. Отношения со слугами у нее были всегда хорошие, в том числе и с Мари, и причин не доверять сейчас сказанному у Сандрин не было никаких. Что ж, хорошо, что дома только мама и сестра. Нужно как можно скорее поговорить с Амандин.

Пока она размышляла, как бы побыстрее остаться с сестрой один на один, чтобы узнать правду о происходящем здесь, Мари отворила двери, и они вошли в холл. На шум открывшейся двери к ним подошел дворецкий. Как всегда, безупречно одетый, с неизменной улыбкой. На его лице никогда не отражалось ни тени усталости. Он работал здесь столько, сколько Сандрин себя помнила. Отец говорил, что его взял в услужение еще ее дедушка, на самую простую работу, когда их нынешний дворецкий сам был еще мальчишкой. Он всегда заботился о сестрах, и со временем девочки Вилье стали считать его кем-то вроде двоюродного дяди.

– Мадмуазель Сандрин, мы не ждали вас так рано, – радостно произнес дворецкий, улыбаясь девушке. – Мари, приготовь госпоже комнату и ванну, чтобы она могла отдохнуть с дороги и искупаться. Может, хотите пока чаю? Или лучше пообедаете?

– Нет, благодарю вас. Пока ничего не нужно. Прикажете занести мой багаж в комнату, а я пока пообщаюсь с родными – так давно их не видела. Кстати, не знаете, где они сейчас? – обращаясь к дворецкому, Сандрин постаралась придать своему голосу как можно больше беспечности, чтобы ничем не насторожить слуг. Пока она не разберется, что сейчас происходит в доме, излишняя осторожность не помешает.

– Мадмуазель Амандин в своей комнате, отдыхает. Последние события утомили ее. Может, будет лучше подождать с визитом к ней? Вы устали с дороги. Да и обед, думаю, вам не повредит.

Сколько Сандрин себя помнила, дворецкий всегда пытался накормить их с сестрой. Уж неведомо, по какой причине, но он считал, что они слишком худы. И, чтобы не обидеть его, они в таких случаях соглашались что-нибудь перекусить. Хотя иногда просто делали вид, что едят, откусывая по маленькому кусочку. Вот только это все равно никак не отражалось на их фигуре – девочки были слишком подвижными, и все съеденное ими вмиг растрачивалось в играх и

прогулках по окрестностям. Но сейчас не время было думать о чувствах пожилого дворецкого – Сандрин как можно скорее необходимо было увидеться с сестрой.

– В сложившейся ситуации самое главное – поговорить с сестрой. Все остальное, думаю, может подождать. – Сандрин улыбнулась дворецкому и пошла вслед за Мари, спешившей приготовить для нее комнату и ванну.

Поднявшись по широкой дубовой лестнице на второй этаж, Сандрин повернула направо. Как же ей все здесь знакомо! И эта лестница, и этот коридор, ведущий в их с сестрой спальни и спальни родителей. Портреты, развешанные по стенам и не менявшие своего положения год от года – только прибавлявшиеся вместе с рождением нового члена семьи Вилье. Мебель, наполнявшая комнаты, хоть и относилась к разным эпохам и была так не похожа друг на друга, неожиданно составляла единый ансамбль. Да такой, что все не переставали восхищаться вкусом хозяйки дома. В поместье, выдавшем несколько поколений Вилье, царили умиротворение и покой. Толстые каменные стены не только скрывали от ветров зимой и от палящего зноя летом, они, казалось, так же надежно скрывали семью от невзгод.

На первом этаже дома находились гостиная, столовая, библиотека и кабинет отца, кухня, хозяйственные помещения и комнаты слуг. На втором этаже правого крыла – их с сестрой спальни, гардеробные комнаты и игровая, которая сейчас больше напоминала мини-библиотеку, спальни и гардеробные родителей. А все левое крыло занимали гостевые комнаты.

Оказавшись перед дверью сестры, Сандрин постучала. Мари давно скрылась за дверью комнаты самой Сандрин, располагавшейся по соседству, а дверь в спальню Амандин все не открывалась.

Сандрин подергала ручку двери. Так и есть – закрыто. Девушка постучала сильнее, потом еще и еще. И тут из-за дверей раздался голос Амандин:

– Уходите, мне никого не хочется видеть.

– Амандин, открой, это я.

На звук ее голоса дверь тотчас же распахнулась, и Сандрин в мгновение ока оказалась в объятиях младшей сестры.

Внешне они с сестрой были похожи – те же черты лица, те же темные волосы, точеная фигурка. Только глаза у Амандин были светло-карие, а у Сандрин – голубые. А вот характеры отличались совершенно. В детстве обе играли в куклы и любили читать, но с возрастом различие между ними становилось сильнее, и родители все отчетливее понимали, что их младшая дочь будет тихой, любящей женой, заботящейся о муже и детях, создающий домашний уют. Старшая же стала ее полной противоположностью. Она была очень любознательной, любила учиться и узнавать все новое. Ей было бы тесно в рамках, диктуемых обществом для замужней женщины.

Поначалу на обучение в «Белую лилию» были приглашены обе девочки. Но младшая, пробыв там два года, по обоюдному согласию учителей и обучаемой перешла в другую школу, не требовавшую от своих учениц великолепного владения любым преподаваемым предметом. Сандрин же нравилось учиться именно в «Белой лилии». А после того, как стало известно истинное назначение этой школы, она ясно поняла, что именно в этом и есть ее предназначение – служить королю.

– Как я рада, что ты приехала! Мне так много нужно рассказать тебе! – Амандин радостно улыбалась, сжимая ее в объятиях.

Несколько минут они так и стояли, потом руки разомкнулись, и сестры принялись с интересом разглядывать друг друга. Рассматривая сестру, Сандрин сразу поняла, что та плакала – глаза были красными, а на щеках блестели не успевшие высохнуть слезы. Но Сандрин решила не торопить сестру, дав ей самой рассказать все, когда она решится на это.

Амандин было тяжело говорить о причине своих слез, и она была благодарна сестре за то, что та не торопила ее, радуясь возможности хоть немного отвлечься от тяжелых дум.

Как же раньше все было по-другому! Сестры любили эти первые дни, когда Сандрин приезжала домой. Им столько нужно было обсудить и рассказать друг другу. Днем они сидели на маленьких диванчиках, а ночью просто ложились на кровать в одной из комнат и говорили, говорили практически сутки напролет без остановки и без сна.

Старшая рассказывала парижские новости и показывала новые наряды, сшитые по последней столичной моде, младшая делилась тем, что происходило в это время дома, а в последнее время – еще и своими отношениями с женихом. Она с интересом разглядывала подарки, которые привозила ей Сандрин, и слушала ее рассказы.

Приезжая, Сандрин всегда привозила что-то родителям и сестре. Это могло быть что угодно – новый наряд или шляпка, перчатки или накидка, муфта или украшения для прически, сладости. Кухарке, старающейся ни в чем не уступать другим, всегда доставались новые рецепты, которые готовили в лучших домах Парижа знаменитые повара. Сандрин понимала, что достать что-то из составляющих некоторых блюд в их местности просто невозможно, и к рецептам всегда возила недостающие ингредиенты. Приезжая, она всегда подробно пересказывала, какой вкус был у блюда, и они вместе старались повторить его. И, надо сказать, у них неплохо получалось.

Даже дворецкому перепадала какая-нибудь безделушка.

Своей любимой горничной Сандрин тоже всегда привозила в подарок новую шляпку, ленты для прически или ткань для платья. Они были проще, чем подарки для родителей, но приносили Мари столько счастья, сколько не могли бы принести и дорогие украшения с драгоценными камнями. Ее горничная была старшим ребенком в семье, где мать одна воспитывала пятерых детей – отец семейства погиб несколько лет назад на войне. Мари, даже по нынешним меркам, начала работать очень рано, стараясь хоть чем-то помочь матери, выбивавшейся из сил, чтобы прокормить детей. Мари никогда не баловали обновками, покупая новую одежду, только когда старая придет уже в совершенную негодность. Даже на Рождество она получала лишь что-то необходимое и практичное. И эти маленькие подарки, привозимые Сандрин, делали ее жизнь чуточку веселее.

Мари всегда ждала ее с нетерпением еще и потому, что Сандрин помогала с платьями и ее сестрам, перешивая что-то из уже имевшегося или покупая новые ткани и делая наряды из них. И даже когда поначалу ее опыт в кройке и пошиве одежды был совсем мал, а потому иногда не очень удачен из-за недостатка практики, Мари всегда искренне хвалила ее работы и не роптала, выстаивая по несколько часов в платье, пока Сандрин что-то переделывала.

Да и сам дом, величественный в своем спокойствии, как будто преображался с появлением старшей мадмуазель Вилье. У него словно начиналась новая жизнь. Неспokoйная, но веселая и счастливая. Вдвоем сестры производили в несколько раз больше шума, чем одна, всегда тихая, Амандин. Как только Сандрин возвращалась домой, окружающие не знали отдыха. Сестры вставали с утра, поднимая всех, кто был в доме, ни свет, ни заря, завтракали и шли гулять по округе. Или катались на лошадях. А иногда просто сидели дома, – придумывали и шили новые наряды, которые потом демонстрировали друг другу, родителям и слугам.

Порой Сандрин любила приходить на кухню, чтобы приготовить что-нибудь сама. Каждое такое ее появление на кухне неизменно пугало повариху, которая тут же начинала переживать и бояться сделать что-нибудь не так в присутствии мадмуазель Вилье. И все это несмотря на то, что она работала поварихой в доме еще до рождения Сандрин, и Сандрин никогда не критиковала ее и не делала замечания. Порой девушка вообще не обращала внимания ни на что вокруг, колдуя над своими кастрюльками, сковородками и жаровнями.

А если приходилось гостить дома в период сбора урожая, Сандрин неизменно бывала на винограднике и в погребах, наблюдая, как собирают виноград и делают вино. Все это было не очень похоже на жизнь, подобающую дочери графа Вилье, но Сандрин такая жизнь нравилась. Это придавало ее жизни осмысленность.

Но так было прежде.

Приехав домой сегодня, Сандрин поняла, что все изменилось. Что-то было вокруг, буквально витало в воздухе, и становилось понятно, что прежние веселые времена ушли, прошлого не вернуть. За эти полгода произошло нечто такое, что заставило сестер повзрослеть. И с их взрослением все тоже переменялось. Сейчас они уже не те маленькие девочки, что были когда-то, и от этого становилось грустно и почему-то страшно.

Наговорившись о ничего не значащих пустяках, сестры, наконец, замолчали и посмотрели друг на друга.

– Ну, рассказывай, – произнесла Сандрин, поняв, что настал момент выяснить, что же произошло. – Думаю, по-настоящему серьезных новостей много, но прежде всего, скажи: Гатьен решился и сделал тебе предложение? Ты выходишь за него замуж?

– Да, предложение он сделал, но замуж я выхожу не за него.

– Ничего не понимаю, ты его больше не любишь? – Сандрин была удивлена. Не может быть, чтобы своей нерешительностью Гатьен разрушил то нежное чувство, что испытывала к нему Амандин.

– Люблю.

– Почему тогда выходишь замуж не за него?

– Потому что предложение мне сделал не только он! Что мне теперь делать? – Сказав это, Амандин с надеждой взглянула на старшую сестру.

Сандрин задумчиво посмотрела на Амандин. Эти последние минуты разговора не только не прояснили суть происходящего, но еще больше запутали ее. Надо попытаться заставить Амандин все подробно рассказать, иначе она ничем не сможет помочь сестре.

– Амандин, тебе нужно мне все-все рассказать, и мы что-нибудь обязательно придумаем. Давай начнем с того момента, как я последний раз была дома, – произнесла Сандрин как можно участливее.

Сестра начала рассказ, и с каждой минутой Сандрин понимала: чтобы помочь Амандин, нужно придумать что-то действительно невероятное.

Из рассказа младшей сестры получалось, что все главные события случились всего две недели назад. До этого времени жизни Амандин была проста, легка и размерена. Она спала, гуляла и читала. К ней приходил учитель, преподававший игру на фортепиано. Родители устраивали приемы, также в гости приезжал и Гатьен.

Вот и пару недель назад барон де Руэль зашел к ней после обеда. Погода стояла прекрасная. Светило солнце и было по-летнему тепло. Амандин решила спросить разрешения у матери прогуляться по саду, расположенному рядом с домом. Обычно, чтобы соблюсти приличия, кто-то присутствовал при их встречах – мама или одна из горничных. Вот и в этот раз мадам Вилье отправила с ними Мари. Это был самый лучший вариант. Мари понимала, что влюбленным хочется поговорить наедине, и всегда делала вид, что что-то увлеченно рассматривает в комнате, в которой проходили встречи. А на прогулке старалась отстать от парочки на несколько десятков шагов, с интересом разглядывая окрестности.

Возможно, это было не совсем правильно – фактически получалось, что Амандин оставалась с молодым человеком наедине. Но они с Гатьеном ходили по общим тропкам, оставаясь у всех на виду, и не стремились вглубь парка, туда, где заросли были настолько густыми, что почти не пропускали солнечный свет, и не было никого вокруг.

Кроме того, все знали барона де Руэля как порядочного и надежного человека, да еще и слухи об их скорой свадьбе с Амандин давно ходили по округе.

Вот и в этот раз они гуляли по саду, болтая обо всем на свете, и смотрели на распускавшиеся на деревьях цветы. Мари, вышедшая за ними из дома, успела уже настолько замедлить шаг, что он видели только белое пятнышко ее передника да темно-синее – платье, мелькавшие далеко среди деревьев. И как только Гатьен увидел, что они отошли уже на приличное рассто-

яние, его поведение поменялось – он стал отвечать невпопад на вопросы Амандин, путаться в словах и избегать смотреть ей прямо в глаза.

Амандин некоторое время гадала, с чем это могло быть связано, но не придумала ничего лучше, чем прийти к выводу, что Гатьен решил расстаться с ней и не знает, как сказать ей об этом. Не в силах больше мучиться сомнениями, она остановилась и посмотрела прямо на него.

– Гатьен, вас что-то беспокоит? Вам неприятно мое общество? Если так, мы можем позвать Мари и отправиться домой.

– Нет-нет, мадмуазель Амандин! Давайте еще немного пройдемся, поговорим.

– Но месье де Руэль, я же вижу, вы не находите слов, чтобы поддерживать беседу. Если это так, я освобожу вас от необходимости отвечать.

– Мне очень приятно беседовать с вами и видеть вас. Всегда.

– Тогда в чем же дело? Сегодняшний день, видимо, отличается от других. Вы плохо себя чувствуете?

– Нет, мадмуазель Амандин, с моим здоровьем все в порядке. Просто мне нужно сказать вам кое-что. Но я не могу предугадать, как вы отреагируете на мои слова, и это беспокоит меня, – Гатьен побледнел еще больше.

Все точно. Она была права. Гатьен наверняка встретил девушку, которая ему понравилась. А значит, их встречи в этом случае становятся неуместны. Амандин для него просто друг, но вряд ли дружба с другой девушкой может понравиться его будущей невесте. Возможно, это она и попросила его поговорить с Амандин, чтобы исключить всю двусмысленность таких отношений – ведь все считают именно ее невестой Гатьена, хоть он никогда и не делал ей предложения. Нужно как можно быстрее покончить с этим и освободить бедного Гатьена от мук. А свои муки она оставит на потом.

– Месье Гатьен, скажите все, как есть. Мы давно знаем друг друга, так что формальности ни к чему. Мне вы можете довериться, я вас пойму... вы же мой друг.

– Друг... – Гатьен заметно расстроился. – Но я думал...

– Конечно, друг, Гатьен. Хоть раз за все годы, что мы знакомы, я заставила вас усомниться в обратном?

– Мадмуазель Вилье, – в голосе Гатьена появились твердые нотки, – да, я всегда мечтал, чтобы жена была мне еще и другом. Ко всему прочему, это было бы совсем неплохо. Но только лишь другом, это слишком. Что могло привести вас к этой мысли? Я никогда не считал вас другом.

– Что ж барон, если я для вас не являюсь даже другом, мне жаль. Но к чему тогда наши встречи? Я избавлю вас от необходимости терпеть мое общество. Не волнуйтесь, вы ничем мне не обязаны, я никогда не упрекну вас. Будем видеться на приемах просто как знакомые. Вы можете ехать к себе, Мари проводит меня домой.

Амандин повернулась и сделала шаг по направлению к дому, когда Гатьен схватил ее руку чуть повыше локтя.

– Амандин, остановитесь. Вы не даете мне не малейшей возможности объясниться!

– К чему объяснения, барон? Не будем более мучить друг друга.

– Нет, Амандин, вы меня выслушаете.

Она никогда не видела Гатьена таким прежде. Всегда тихий и незаметный, он вдруг наполнился решимостью и на одном дыхании произнес:

– Мадмуазель Вилье... Амандин! Если вы после моих слов решите никогда больше не встречаться со мной, я вас пойму. Но мне казалось, все наши встречи и ваше доброе отношение... Мне казалось, что и могу надеяться на большее... Но если я сам себя обманывал все это время. Что ж, так тому и быть. Но если есть хоть какая-то надежда, что вы испытываете ко мне нечто большее, чем дружба, дайте мне знать.

– К чему, барон? К чему вам знать, что я испытываю к вам нечто большее? – Амандин задумчиво посмотрела на него.

– Потому что я хочу сделать вам предложение, Амандин. Я хочу, чтобы вы стали моей женой.

– Женой? – Амандин не верила его словам и в тоже время была безмерно счастлива. – Но разве вы не решили сказать мне, что наши встречи больше невозможны. Что у вас появилась другая?

– Как можно, Амандин? Разве вы не видели, как я люблю вас?

– Любите? Но вы никогда не говорили мне об этом.

– Простите меня, милая моя Амандин! Но мне казалось, что все и так понятно. Без слов. Но если не так, если я заставил вас страдать, простите меня.

– Я вас прощаю... И – да.

– Да? Это значит, вы согласны?

– Да, Гатъен, я согласна!

Амандин была безмерно счастлива. Она уже давно ждала, когда Гатъен решится на этот шаг, и ей не терпелось поскорее рассказать всем, что наконец-то ее мечта сбылась. Ей хотелось уже начать планировать свадьбу, и она повела Гатъена домой, чтобы он попросил благословение ее отца.

Амандин была такая радостная, что практически не шла, а танцевала на пути к дому.

Она практически вбежала в холл, нашла дворецкого и попросила найти отца. Но графа дома не оказалась. Чрезвычайно расстроенная данным обстоятельством, Амандин простилась с Гатъеном, взяв с того слово, что он прибудет рано утром, чтобы просить ее руки.

Отец появился только к ужину. Наскоро поев, он попросил Амандин зайти к нему в кабинет, как только она закончит трапезу.

Разговор, состоявшийся далее в кабинете, поверг Амандин в такой шок, что она практически дословно запомнила его.

– Амандин, я слышал, что сегодня ты встречалась с бароном Гатъеном де Руэль?

– Да папа, мы гуляли по саду.

– Думаю, вам не следует так много времени проводить в одиночестве.

– Но папа, мы были не одни, с нами была Мари!

Отец многозначительно посмотрел на нее взглядом, давая понять, что он в курсе уловок горничной.

– Папа, не надо так на меня смотреть.

– Но дочка, тебе нужно внимательнее следить за своей репутацией.

– Моя репутация не пострадает от прогулки. Я всегда гуляла с бароном де Руэль, его моя репутация устраивает. Тем более что у него к тебе есть разговор, который разрешит все сомнения по этому поводу.

Амандин была в недоумении. Она была так рада предложению Гатъена, а сейчас, вместо того, чтобы разделить с ней эту радость, они разговаривают о какой-то там репутации. Совсем не к месту.

– Сейчас ты должна думать о том, устраивает ли твоя репутация будущего мужа!

– Какого мужа, папа? – Амандин была удивлена словами отца. Как он узнал, что барон сделал ей предложение?

– Вот об этом я и хочу поговорить с тобой, дочка. Твоей руки попросил очень знатный и богатый человек. Мы даже сравниться с ним не можем. Тебе уже пора подумать о замужестве, и это очень подходящая партия. Я ответил согласием. Твой будущий муж приедет со дня на день, и мне не хотелось бы, чтобы он услышал досужие разговоры. Тем более когда свадьба так скоро. Не стоит проводить время с кем-то, кто может бросить тень на твою репутацию. Советую тебе ограничить общение домашними и слугами!

Его слова расстроили Амандин, но она не могла ничего сказать. Отец все рассказывал и рассказывал, и через несколько минут она узнала, как же все произошло.

Где-то за пару дней до этого к нему в гости наведлся его сводный двоюродный брат. Сам этот визит показался неожиданным и странным: братья почти не общались. Общих тем для разговора у них было немного: один жил в столице, был близок королю и сторонился своего брата, жившего фактически в деревне. Отец не очень жаловал брата за его заносчивый характер и любовь к чужим деньгам, но отказать в визите не мог.

Когда у их семьи были проблемы с деньгами, именно он устроил Амандин и Сандрин в хорошую школу. А после, когда Амандин не смогла освоить предлагаемую там программу, нашел другую. Отец чувствовал себя обязанным ему. Даже сейчас, когда сполна отблагодарил брата за оказанную услугу, отдав немалую часть своих доходов.

Но более странным, чем сам визит, оказалась его причина. После обмена обычными любезностями брат вдруг заговорил о том, что его дочерям пора бы подумать о замужестве. Тем более что младшая приглянулась двоюродному племяннику его друга, герцога Сеара. Он красочно расписывал и его происхождение, и состояние, и то, какую прекрасную партию он может составить его младшей дочери. Отец пытался возразить, что нужно сначала получить согласие самой невесты, да и рано ей еще об этом думать: старшая-то еще не замужем. Но брат стоял на своем. Ему нужна только младшая – ведь племянник видел ее на каком-то приеме и влюбился с первого взгляда. Да и негоже воротить нос от такого жениха – можно вообще превратиться в старую деву, никогда не бывавшую замужем. И на что его дочери собираются жить: неужели сами будут управлять поместьем? Надо думать о будущем. Такие женихи не каждый день сватаются. А племянник герцога, пусть и двоюродный, сам тоже сын герцога и, учитывая этот факт, в случае отказа уж точно без жены не останется.

Все это было правдой и так похоже на то, о чем сам граф Вилье боялся думать. Ведь неизвестно – предложит ли барон де Руэль брак ее дочери. И как его дочери будут жить одни в этом безумном мире? Ведь родных братьев у них нет. Так что нужно использовать эту возможность. И граф Вилье дал согласие.

Амандин закончила говорить и со слезами посмотрел на старшую сестру.

– Что мне теперь делать, Сандрин? Ведь я люблю Гатьена и согласилась выйти за него!

– А что же барон де Руэль? Он так и не попросил у отца твоей руки? Возможно, он немного и опоздал с этим, но ты не считаешь, что папа должен знать обо всех вариантах? Кто знает, каким будет его решение в этом случае.

– О, Сандрин, конечно Гатьен говорил с ним. Он приехал к папе на следующий же день, как мы и договаривались. И попросил моей руки.

– И что же папа? – задав этот вопрос, Сандрин уже знала ответ. Это было очень просто – если бы отец дал барону де Руэль согласие на брак с Амандин, она не была бы так несчастна сейчас.

– Он отказал ему, Сандрин! – Голос младшей сестры становился несчастнее с каждой минутой. – Сказал, что тот слишком долго ждал со своим предложением, и он уже дал согласие другому.

С тем, что Гатьен слишком долго тянул с выражением своих нежных чувств, Сандрин была согласна. Неудивительно, что его место занял другой. И то, что отец в этой ситуации дал согласие на брак с сыном герцога, также можно понять, – его дочери делает предложение человек, занимающий высокое положение да к тому же не бедный – как тут отказать. Тем более когда уверенности в том, что барон де Руэль когда-нибудь решится предложить Амандин руку и сердце, абсолютно не имеется. Невозможно вечно ждать, так его дочь может и старой девой остаться. Чувства Амандин в данном случае не имели значения. Кто интересуется чувствами девушки в наше время! Тем более когда на одной чаше весов барон, не слишком богатый и более низкого титула, даже чем семейство Вилье, а на другом – будущий герцог с огромным

состоянием. Глупо было спрашивать у Амандин, говорила ли она отцу, что любит барона, а ко второму не испытывает чувств. Даже если этот разговор и состоялся, в сложившейся ситуации это уже ничего не значило – согласие дано. И отказ от договоренностей бросил бы тень на всю семью. Но что сделал барон де Руэль в данной ситуации? Нужно спросить Амандин.

– И что же Гатьен? Как он отреагировал на слова отца? – Сандрин не хотелось услышать сейчас от сестры, что барон отказался от своих притязаний на Амандин. Но надо признать, что это разрешило бы ситуацию, хоть и разбило бы сестре сердце. Она слишком любит его и слишком долго ждала от него предложения.

– Мы говорили с ним. После. Он любит меня и все еще хочет жениться несмотря ни на что. Но как это сделать – не знает. Я сказала ему, что попробую уговорить отца. Но папа непреклонен. Он говорит, что невозможно сейчас отказаться. Все уже договорено, папа дал согласие брату. И он уже был здесь. Мой будущий муж, – после этих слов Амандин заплакала.

Сандрин, сидевшая рядом с сестрой, обняла ее и стала гладить по спине. Невыносимо было видеть ее страдания. Тем более когда не знаешь, как помочь Амандин. Какие слова смогут утешить ее? И есть ли вообще такие слова... Как можно заставить улыбнуться человека, когда его счастье рушится. Когда человек, которого любишь сейчас не с тобой. И, возможно, никогда не будет.

– Амандин, не плачь, я постараюсь тебе помочь. Обязательно что-нибудь придумаю. Поговорю с отцом. Возможно, меня он послушает. Но мне нужно, чтобы ты рассказала об этом новом женихе все, что только знаешь. Это может помочь. Хорошо?

Амандин кивнула.

– Как я понимаю, он уже был здесь и ты его видела. И как он тебе? Ты знала его до этого?

– Нет, я долго вспоминала, но ничего, – Амандин покачала головой. – Думаю, это дядя ему меня сосватал. Дядя сказал папе, что этот будущий герцог Лекавалье в меня влюблен. Но когда он был здесь, я не заметила особой заинтересованности. Думаю, это родственники заставляют его жениться. Он уже не молод.

– И сколько ему?

– Двадцать четыре.

Сандрин улыбнулась про себя. В глазах ее семнадцатилетней сестры будущий муж казался глубоким стариком. Даже для самой Сандрин он был не особо молод – на целых пять лет старше нее. Но она никогда не думала о возрасте как старости. Для нее чем старше был человек, тем сложнее было его понять, разгадать его мысли и желания. А Сандрин весьма любила заниматься разгадыванием таких тайн и загадок. В школе ее неплохо этому научили.

Было бы хорошо, если бы этот Лекавалье был еще здесь. Тогда она сумела бы понять, чего он хочет на самом деле. Но, к сожалению, это вряд ли возможно. Сестре надлежит самой ехать к нему, и до свадьбы Сандрин его не увидит. А после свадьбы встреча с ним уже не имеет смысла – добиться развода будет очень сложно. Нужна веская причина и масса времени. Да и что изменит развод! Гатьен вряд ли будет ждать. Ему нужны наследники.

– Скажи, а тебе он понравился?

– Не знаю. Да и какое это имеет значение? Я хочу стать женой Гатьена. Я люблю его и другие мне не нужны! – Амандин вздохнула и замолчала.

Когда ты рядом с тем, кого любишь, твое сердце не ищет других. Поистине, верные слова. Ей не нужен никто, кроме Гатьена. И сейчас бесполезно говорить, что, возможно, брак с будущим герцогом Лекавалье будет счастливым. Ведь сколько браков по расчету оказывались не так уж и плохи. Примеров множество – их родители, тетя Беатрис, да и сам дядя, приведший в дом этого невозможно перспективного жениха. Они женились и выходили замуж именно таким образом – благодаря договоренности родственников. И неплохо жили все эти годы.

Но Амандин... Сейчас она слишком влюблена и мечтает лишь об одном – быть рядом с любимым человеком. И будет глуха к любым доводам разума. Нужно помочь ей выйти замуж

за Гатьена. Ведь это так несправедливо! Именно тогда, когда она была так счастлива – Гатьен, наконец, сделал ей предложение – ее счастье разбилось на осколки, как хрустальная подвеска от люстры, которыми так славиться Версаль. Отразив в себе пламя свечей, как капельки слез.

– Амандин, тебе нужно успокоиться. Я думаю, мы обязательно найдем выход. И ты выйдешь замуж за того, кого любишь.

– Если бы моя воля выбирать, я б вышла замуж за барона де Руэль. Его я точно люблю. И он меня любит. Но, боюсь, это уже невозможно.

– И почему же?

– Отец уже дал согласие, ничего не изменить.

– Я поговорю с отцом. Да, Гатьен упустил время, не сделал тебе предложение вовремя. Да и Лекавалье был бы совсем неплохой партией. Но почему папа дал благословение на брак, даже не спросив тебя? Я постараюсь это выяснить. И сделаю все, чтобы убедить папу выдать тебя замуж за барона.

Младшая сестра кивнула:

– Выясни это, пожалуйста, побыстрее. Думаю, родители скоро отправят меня в путь. Ведь месье Лекавалье дал мне совсем немного времени – только для того, чтобы увидеться с тобой. А потом я должна сразу прибыть в его имение, чтобы стать его женой. А мне этого так не хочется, Сандрин!

Обняв напоследок сестру, Сандрин отправилась к себе. Нужно отдохнуть и переодеться с дороги. И решить, что делать дальше. Амандин надеется на нее. И Сандрин должна оправдать ожидания сестры. Будет ли она счастлива с бароном де Руэлем или нет – покажет только время. Но сейчас Амандин хочет брака с этим человеком больше всего на свете, и она должна ей помочь.

Только отворив дверь, девушка поняла, как соскучилась по своей комнате. Здесь все было знакомо и любимо. Кровать, стоящая на своем привычном месте по правую руку от нее, как и всегда застелена мягким розовым покрывалом. Маленькая дверь в гардеробную в стороне от кровати чуть приоткрыта, и из нее доносится восхитительный запах цветов от приготовленной теплой ванны.

Большие окна, открывающие ни с чем не сравнимый вид на весенний сад, полный зелени, пропускали столько солнечного света, что комната казалась золотой.

Столик с зеркалом и милыми мелочами, такими дорогими сердцу любой девушки. Все это было так любимо и желанно, что хотелось спрятаться среди этих стен от всех невзгод. Даже тазик и кувшин с водой для умывания вызвали в ней сейчас приятные воспоминания о детстве.

Сандрин разделась и опустилась в ванну, полную лепестков цветов и какого-то волшебного средства, которое вмиг развеяло ее усталость от дороги и унесло прочь все дурные мысли. Она пролежала в ней около полчаса, не в силах думать ни о чем.

Но вечно так продолжаться не могло. Нужно что-нибудь срочно придумать. Как назло в голову Сандрин ничего не шло. Если честно, ей хотелось бы, чтобы отец все сам понял. Понял бы, что Амандин любит Гатьена и будет счастлива только с ним. Ведь ясно же, что этому приехавшему неизвестно откуда жениху абсолютно все равно, кто станет его женой. Амандин сама сказала, что не заметила в нем никакого восторга от предстоящего брака с ней. Влюбленные так себя не ведут. Люби он сестру по – настоящему, он был бы просто на седьмом небе от того, что женится на ней. Так что этот брак не принесет радости никому – ни ему, ни Амандин. И, значит, выйдя за него, сестра потеряет всякую надежду на счастье с любимым человеком.

Но к сожалению никто – ни папа, ни Амандин – за все время, проведенное в ванне, так и не пришли сообщить ей, что ситуация с двумя женихами сестры разрешилась сама, к всеобщему удовольствию сторон.

Вздыхнув, Сандрин вылезла из ванны и оделась. Новых мыслей не появилось, и девушка решила сделать единственное, что ей пришло в голову в этой ситуации – отправилась на разговор с отцом.

Со слов Амандин отец весьма благосклонно принял любимого младшей дочери. Но ответил ему отказом, так как уже дал согласие на ее брак с другим мужчиной.

По всему выходило, что им надо что-то придумать до завтра. Сестре уже пора было отправляться к этому таинственному жениху, и сейчас дорог каждый час. Возможно, уже завтра родители велют собираться в дорогу.

Сандрин вышла из комнаты и отправилась на поиски отца. Тот нашелся в библиотеке. Что-то читал, сидя на диванчике.

Приклеив на лицо улыбку, она впрорхнула в комнату и уселась рядом.

– Что читаешь? – беззаботно произнесла она.

– Сандрин, это ты! Рад тебя видеть. Дворецкий сказал, что ты приехала. Но я не думал, что увижу тебя раньше ужина. Все-таки дорога утомляет. Решил, ты сначала немного отдохнешь и поболтаешь с сестрой. Как обычно.

– Я уже отдохнула. И приняла ванну. И переоделась. В общем, выполнила весь свой обычный ритуал.

Сандрин продолжала улыбаться, и отец задумчиво посмотрел на нее.

– И поговорила с сестрой, – продолжил он за нее. – Вот почему я вижу тебя раньше ужина. Так может, опустим обмен любезностями и сразу перейдем к тому, что тебя сюда привело?

Что ж, ее план сработал. Отец сам завел речь об Амандин и ее ситуации. На это она и рассчитывала. Пришлось бы трудновато, если б ей самой пришлось как-то наводить его на этот разговор. Но для полной победы нужно еще немного.

– Что ты, никакой особой причины нет. Просто соскучилась, – Сандрин улыбнулась.

– Соскучилась... обычно как приезжаешь, по два дня болтаешь с сестрой. Закрывшись в комнате и не замечая ничего и никого вокруг. А тут вдруг соскучилась! – Граф Вилье улыбнулся. – Я тебя с младенчества знаю и вижу, когда ты что-то задумала. Выкладывай, раз уж пришла.

Ох, папа, как далеки сейчас от истины свои слова. Да, ты знаешь меня с младенчества, но за последние два года твоя дочь так изменилась, что ее настоящие мысли вряд ли могло что-то выдать. Хорошо, что она научилась скрывать свои намерения, это поможет ей многого добиться после окончания школы.

Если он думает, что она честна с ним, то и сам не утаит ничего. А это именно то, что ей сейчас нужно.

– Я так расстроилась, что не успела увидеть нового жениха Амандин. Наверное, он красавец. И очень богатый.

Раз ты так скоро согласился на брак, – начала Сандрин улыбаясь и думая, что только дурочка будет жалеть о том, что не состоялась встреча с человеком, который разрушил счастье ее сестры. – Амандин почти ничего не смогла мне рассказать. Она так переживает из-за предстоящей поездки. И о том, каким окажется ее новый дом. Тем более он так далеко от нашего.

– А что ты хочешь о нем узнать?

– Все, что знаешь ты, – Сандрин невинно улыбнулась.

Отец посмотрел на нее и тоже улыбнулся.

– Я вижу, даже время и расстояние не смогло разрушить ваши отношения. Вы так же дружны, как и в детстве. Ну, что ж, я скажу тебе, что знаю... Он из хорошей семьи, знатного происхождения, богатый. Но добрый и щедрый, что редко в наше время. Не переживай, он не обидит ее.

– Но папа, ты же знаешь его не так давно. Как можешь с уверенностью утверждать, что ей будет там хорошо? Или я не права, и вы знакомы достаточно?

– Я знаю его семью, пусть мы с ними не родственники, но наш круг довольно узок. И мы бы знали, если б с ним было что-то не так. Ну, был бы он деспот или тиран, до нас дошли бы слухи.

– Папа, я не об этом. Ты думаешь, она сможет хоть немного полюбить его?

– Любовь... Кто в наше время об этом думает, дочка? Сейчас немногие могут себе позволить выйти замуж по любви. Да это и не главное. Муж должен заботиться о семье – жене и детях. Дать им возможность на счастливую безбедную жизнь. Любовь стоит слишком дорого, чтобы кто-то был способен заплатить такую цену.

– Но я так переживаю за сестру, – не успокаивалась Сандрин. – Она сама не своя... никогда ее такой не видела!

– Я тоже это заметил. Но чем же может быть вызвано данное состояние ее души? Успокой ее, скажи, что бояться нечего. А что до дороги – я дам ей самых надежных слуг. Это позволит избежать неприятностей.

– Дело не в пути. А в том, к кому он ведет.

– Я так и думал. Она переживает из-за предстоящего брака? Но почти все девушки проходят через это. Рано или поздно и с ней должно было случиться сие. Или она выбрала для себя другую судьбу? – Отец посмотрел на Сандрин, ожидая ее ответа. – Скажи мне, она что, решила посвятить себя служению Богу?

Сандрин не была удивлена этим поворотом. Очень многие девушки из школы, в которую попала Амандин после обучения в «Белой лилии», выбрали для себя именно этот путь. Там этим девушкам как-то сумели внушить одну единственную мысль, что мир вокруг непредсказуем, а монашеские стены давали уверенность в завтрашнем дне. И покой. Но, как думала Сандрин, не забота о невинных душах беспокоила учителей прежде всего. Девушки, становясь монашками, делали неплохие пожертвования. К особому удовольствию принимающей стороны.

– Нет, папа. Это не ее путь. Но что она думает точно, я вряд ли могу тебе сказать. И не потому, что не хочу. Просто сердце девушки – загадка. Особенно влюбленной девушки.

– Я рад, что за такой недолгий срок, что Амандин знакома с маркизом Лекавалье, она успела полюбить его.

– Все наоборот. Выйдя замуж за маркиза, Амандин придется забыть того, кого она любит. Отец посмотрел на нее:

– Я знаю, к чему ты клонишь, но я уже дал свое согласие на ее брак, и сейчас ничего не могу изменить. Или ты предлагаешь отправить в дом Лекавалье пустую карету? Представляешь, какой это будет скандал! Пойми, я сказал свое слово и не могу забрать его обратно.

– Но мы можем сказать, что передумали! Что Амандин категорически отказалась.

– Он уже был здесь, его видели все наши родственники. И тут он получает пустое место, а не жену. Это запятнает его репутацию. Я не могу на это пойти. Я должен выдать за него замуж свою дочь. Это дело чести.

Сандрин услышала все, что хотела. Больше ей здесь делать было нечего.

– Да, папа, прости. Я все поняла. Он должен будет жениться на твоей дочери. Иного не дано.

С этими словами Сандрин вышла из кабинета и уже не услышала, как отец тихо произнес:

– Если бы я мог что-то изменить сейчас, дочка...

Глава 3

Вернувшись к себе, Сандрин застала младшую сестру, тихо сидевшую в кресле у окна. Окно было приоткрыто, и легкий ветерок колыхал занавески, впуская теплый, наполненный ароматом цветов воздух. Солнце опускалось за горизонт, но его лучи все еще попадали в комнату. И это настроение, витавшее за окном, было точной противоположностью тому, что сейчас происходило в спальне Сандрин. Ее сестра была похожа на небольшую грозовую тучу, готовую разразиться слезами, будто дождем.

Подняв глаза, она с надеждой посмотрела на Сандрин:

– Что он сказал тебе? Удалось убедить его не выдавать меня замуж за того чужака?

– Папа рассказал мне все, как было. Но это не решит проблему, Амандин... Он уже ничего не может изменить. Маркиз первым просил твоей руки и получил согласие.

– Я так и думала. Нужно начинать собираться в дорогу, – Амандин горестно вздохнула, и по ее щекам потекли крупные хрусталики слез.

Сандрин подошла к сестре и села рядом. У нее самой не было ни слезинки. Как жаль, что их отучили плакать. Возможно, от слез стало бы легче.

Они так и сидели в тишине. Сандрин продолжала размышлять, чем же она может помочь. Мысли витали вокруг, но она никак не могла ухватить их хотя бы за краешек. Минуты шли, а никакого плана не было. Наконец, Сандрин решила, что им с сестрой не повредит немного поспать. В конце концов, во сне иногда приходят неплохие идеи. А если их не смогут дозваться к ужину, значит, так тому и быть. Они поедят после, если проголодаются. Или вообще отложат трапезу до утра. А родителям полезно побыть в одиночестве. Теперь придется к этому привыкать. Пусть поймут, каково это, когда рядом нет дочерей. Сама она не рассчитывала на частые визиты домой. Даже на не слишком частые. Но Амандин... Выйди она замуж за Гатьена – бывала б дома хоть каждый день.

Сандрин тихонько подвинула к сестре подушку, и та с благодарностью приняла ее, тотчас же склонив на нее голову. Сама она легла на другую сторону кровати и закрыла глаза. И, когда Сандрин засыпала, у нее в голове все слышались слова отца – «Я должен выдать за него замуж свою дочь».

Решение пришло внезапно. Сандрин буквально подскочила на кровати. Вокруг было уже темно. На туалетном столике стоял поднос с сыром, хлебом и куском холодного мяса. Наверняка заботливая Мари, увидев, что они спят, решила не будить сестер к ужину, а просто принесла им в комнату немного еды.

Сандрин проспала совсем немного, а по ощущениям казалось – целую вечность. Скоро настанет новый день. Нужно поторопиться, пока Амандин не отправили с разбитым сердцем навстречу неизвестно чему за сотни миль от дома. Но она может помочь сестре. Это точно. Теперь Сандрин знала, что и как нужно делать, и больше ждать смысла не было.

Сандрин встала с кровати и тихонько подошла к другой ее стороне, где, забывшись сном от тревожных мыслей, спала сестра. Девушка потормошила ее за плечо:

– Амандин, вставай, я, кажется, знаю, что нужно делать.

– Рассказывай быстрее! – казалось, что младшая мадмуазель Вилье совсем не спала, так быстро она вскочила с кровати.

Сандрин начала рассказ, а когда закончила, Амандин удивленно посмотрела на нее:

– Ты думаешь, у нас получится все это осуществить? Я боюсь, а что если кто-то узнает раньше времени? Что тогда с нами будет... – Тут Амандин побледнела и произнесла: – Боже, а что с нами будет, если все получится? Это же просто немыслимо!

– Другого выхода я не вижу. Ты же не хочешь ехать к этому маркизу Лекавалье. А если мы ничего не предпримем, тебе велят собираться в путь уже сегодня. Папа уже не передумает.

Невозможно же и нам сидеть сложа руки. Согласна, план безумный. И у нас может не получиться его осуществить. Но попытаться стоит. Это единственная возможность выйти замуж за любимого. Ты же не хочешь потом всю жизнь жалеть о том, что могла бы быть счастливой, но ничего не сделала для этого?

– А как же ты? Почему ты решила пройти через все это?

– Потому что я люблю тебя, Амандин. И хочу, чтобы ты была счастлива.

– Спасибо тебе большое, без тебя я бы не знала, что и делать. А как же родители? – Амандин радостно обняла сестру и, немного подумав, добавила: – Каково же тебе будет с нелюбимым... Я так за тебя волнуюсь!

– Не переживай об этом. Папе я все объясню. А что до моих чувств – я ни в кого не влюблена.

– Но я не могу лишить тебя надежды на счастье, став счастливой сама. Это слишком большая цена. Ты тоже должна выйти замуж только когда полюбишь. Это просто обязательно! – горячо проговорила Амандин.

– Не переживай об этом. Мои шансы на счастливый брак такие же, как и твои. Вдруг этот маркиз окажется неплохим мужем. А теперь пора собираться, а то скоро рассветет.

Сандрин опустила руки, обнимавшие сестру, и поднялась с кровати. Амандин совсем не обязательно знать, что выходить замуж она не собиралась. Просто поедет и уговорит этого Лекавалье отказаться от брака с кем-либо из сестер Вилье. У нее другая судьба, и в ней нет места ни мужу, ни детям. Ну, если только это не будет приказом короля.

Скоро ей нужно будет заступить на службу. А значит, с проблемой по имени маркиз Анри Лекавалье нужно покончить как можно быстрее. Сегодня же она напишет настоятельную, что на несколько дней вынуждена уехать из родного дома. И уточнит, где ее можно будет найти на случай, если она понадобится.

Сестры переоделись и, стараясь не производить никакого шума, вышли из дома. Все жители его еще спали – и хозяева, и слуги. Так что их побег остался незамеченным.

Сестры пробрались на конюшню. Сандрин запрягла экипаж попроще, села на место кучера. На горизонте только-только забрезжил розовый рассвет, и на листочках появились капельки росы. «Будет хороший день», – подумала Сандрин. И не ошиблась.

Этим же вечером в небольшой церквушке в соседнем городке Амандин Вилье стояла у алтаря рядом с бароном Гатьеном де Руэль.

Свет заходящего солнца проникал через витражи, оставляя на полу причудливый узор, и удивительным образом отражался от наряда Амандин. На ней было простое кремовое платье, с корсажем, отделанным золотым шитьем, и таким же узором по краю юбки. Волосы, уложенные в затейливые завитки, с жемчужинами в них. Все, может, и чуть более нарядное, чем требовалось для прогулки, но по счастью их выезд сегодня в доме никто не увидел.

Церковь не была украшена ни цветами, ни лентами, так как заранее никто ничего не планировал. Только в руках у Амандин был букетик, который сестра собрала по дороге сюда.

Церемония прошла тихо и спокойно. Кроме жениха и невесты, священника и Сандрин, в церкви не было больше никого. Старшая мадмуазель Вилье оставила родителям записку, что они с сестрой отправились за покупками. И что их не стоит ждать до позднего вечера, так как им необходимо развяться перед предстоящим отъездом младшей. Никого из слуг не взяли потому, что хотят побыть вдвоем перед долгой разлукой. Так что их не должны были искать. По крайней мере, до того, как наступит ночь. А к тому времени церемония уже закончится, и уже ничего нельзя будет изменить.

Утром они заехали к Гатьену домой. И посвятили в часть своего плана – сегодня он должен жениться на Амандин. Младшая сестра, конечно, смушалась и говорила, что, мол, конечно, должен, но только если Гатьен не против, не передумал и не боится в этом всем участвовать. Но Сандрин пресекла подобные речи. Барон де Руэль и так никогда не отличался

решительным нравом, а это заявление могло еще больше напугать его. Так что старшая сестра решительно взяла дело в свои руки и сказала, что Гатьен должен тотчас же поехать в церковь и поговорить со священником. Свадьба должна состояться сегодня, другого шанса не будет. Они же с сестрой поедут следом и подождут в карете у дверей церкви начала венчания. И уедут оттуда только после того, как состоится церемония. Сандрин – в поместье Вилье, а Амандин – домой к своему супругу.

То ли слова о супруге, то ли решительный тон старшей мадмуазель Вилье – что-то из этого подействовало на барона должным образом. Он быстро собрался, велел приготовить свой лучший экипаж и отправился на разговор к священнику.

К всеобщей радости, тот не отказался обвенчать их, хотя это было и против правил. Но Гатьен был прихожанином этой церкви, и священник был в курсе взаимной симпатии новобрачных.

После венчания барон, в честь такого радостного события, подарил своей молодой жене серьги матери. Амандин была на седьмом небе. Ее глаза просто лучились счастьем. От той маленькой заплаканной девочки, какой она была еще вчера, не осталось и следа.

Перед тем, как сесть в карету к мужу, она обняла сестру и протянула той свой букетик.

– Желаю, что бы ты была так же счастлива, как и я, Сандрин. Хотя не знаю, может ли быть кто-то счастливее меня сейчас. Удачи в разговоре с родителями!

– Спасибо, сестренка. Я уже счастлива от того, что счастлива ты.

Сандрин придержала дверцу экипажа, пока Амандин садилась. Карета тронулась, и она помахала ей вслед.

Пора направляться домой. Предстоит непростой вечер, но счастливые глаза сестры того стоили.

Обратной дорогой Сандрин ехала не спеша. Ей предстоял серьезный разговор, начинать который она совсем не хотела и втайне надеялась, что все уже лягут спать к ее возвращению. Все можно отложить до утра. Не хотелось бы, чтобы папа, узнав о случившемся, отправился в дом к Гатьену и не позволил молодоженам спокойно провести их первую ночь вдвоем.

Подъезжая к дому, девушка поняла, что ее надеждам не суждено сбыться. В окнах гостиной горел свет, а это значит, родители не спали.

Оставив лошадей на попечение подоспевшего конюха, Сандрин вошла в дом, где ее сразу же встретил недовольный голос отца:

– Почему вы так поздно возвращаетесь, молодые дамы? Мы волновались, ожидая вас. Небезопасно в наше время ездить по дорогам в одиночестве! – произнося это, граф Вилье вышел в холл и сразу заметил, что у дверей стоит только одна его дочь. – И где, позвольте спросить, ваша младшая сестра?

Сандрин, призвав на помощь все самообладание, всем своим видом излучала спокойствие и уверенность.

– Папа, давай пройдем в твой кабинет и спокойно обо всем поговорим. – И, не дожидаясь возражений, прошла в комнату.

Несмотря на то, что шторы были раздвинуты, в кабинете было темно: ночь почти наступила. Сандрин зажгла газовый фонарь, чтобы осветить мрак комнаты, села в кресло и стала дожидаться отца.

Неяркий свет лампы отбрасывал причудливые блики на шкафы с книгами, картины, письменный стол и кресла, отчего все вокруг казалось загадочным. Даже неработающий по случаю теплой погоды камин словно был маленькой дверцей в сказочный мир.

Как же она любила бывать здесь в детстве! Старинные, удивительной красоты стол и стулья. Мягкий диван, обитый парчой с рисунком из диковинных птиц, сидящих на ветках, словно пытался унести в далекие неведомые страны. Шкафы, полки которых были полны чудесных книг с волшебными историями.

Когда она выросла, книги стали серьезнее, но от этого не менее интересными.

Граф Вилье не заставил себя долго ждать, появившись спустя лишь несколько минут после Сандрин.

Когда за отцом закрылась дверь, Сандрин посмотрела прямо на него и произнесла:

– Присядь, папа. Так будет удобнее разговаривать.

– Как я понимаю, рассказ будет долгим?

– Нет, просто то, что я хочу сказать, может оказаться для тебя слишком неожиданным.

– Говори быстрее. Что-то случилось с Амандин? Поэтому она не приехала с тобой? Так я и знал, что нужно было еще утром послать за вами кого-то из слуг! Тогда беды удалось бы избежать.

«Ну, это вряд ли. Для того чтобы предотвратить то, что ты называешь бедой, нужно было сначала найти нас. А кому бы пришло в голову искать нас в церкви», – подумала Сандрин. А вслух произнесла:

– Не переживай, папа, с ней все в порядке. Ничего страшного не случилось. Она просто сделала то, что и положено делать молодой жене – поехала в дом к мужу. Я не видела, конечно, как она туда прибыла, но думаю, все в порядке. Тем более что уехала она не одна, а в его сопровождении. Ее супруг взрослый, сильный мужчина, который способен защитить ее в случае какой бы то ни было опасности. По крайней мере, я на это надеюсь.

– Почему она уехала, не попрощавшись? К чему такая спешка?

Отец озадаченно посмотрел на нее, и Сандрин поняла, что он услышал то, что хотел. Он думает, что она говорит об этом маркизе Лекавалье. И почему только он не задается вопросом, как это маркиз мог сопровождать его дочь, если сам давно уехал. Он бы просто не успел вернуться за ней! Что ж, придется самой все объяснять.

– Папа, думаю, упоминая мужа Амандин, мы с тобой говорим о разных людях... – Сандрин говорила медленно, внимательно следя за реакцией отца на свои слова. – Говоря слово «муж», я имела в виду маркиза де Руэля. Они сегодня обвенчались.

Изумленный взгляд собеседника сказал Сандрин все.

– Так вот где вы были весь день! – разгневался отец. – Как вы могли так поступить, я от вас этого не ожидал! И как вам только такое в голову могло прийти! Росли примерными девочками, слушались родителей. Бывало, конечно, что немного шалили, но чтобы такое!

При этих словах отца девушка улыбнулась. Знал бы он, насколько она не соответствовала определению «примерная девочка» последние несколько лет. А уж шалостями ее занятия точно не назовешь.

– Вы подумали о последствиях? Теперь на нашей семье клеймо, которое ничем не смоешь! И оно будет до конца моих дней! Да что моих, и твоих тоже, и твоей сестры. Да еще и ее детей, и внуков. Сотворить такое! – продолжал бушевать отец.

– Папа успокойся, мы все продумали, – начала Сандрин.

Но граф Вилье не дал дочери договорить. Сейчас его невозможно было остановить.

– Неужели? И что же за план родился в этих двух хорошеньких головках? Позволь предположить: обмануть всех и сыграть свадьбу с этим бароном де Руэлем? А потом заявиться к Лекавалье и сообщить ему радостную весть? О том, что его невеста сбежала под венец с другим? Да знаешь ли ты, глупая девчонка, что значит нарушить данное обещание! Да и данное кому – самому герцогу и его семье! Он вхож к королю! Да-да, не смотри на меня так. К самому Людовику шестнадцатому, если ты еще не забыла, кому мы в этой стране обязаны всем! А это значит, что одно слово брата – и мы лишимся всего.

– Не совсем так.

– И как же?

– Папа, неужели ты думаешь, что мы могли бы так запятнать честь семьи? Чтобы Амандин явилась в поместье Лекавалье замужней дамой.

– А ты предлагаешь вообще ничего не говорить ему? Чтобы он вечно ждал свою невесту, – граф ехидно усмехнулся, – а она все не едет и не едет. Уж и старость началась. Неужели ты думаешь, что он не явится сюда уже спустя неделю?! Или не пришлет кого-нибудь.

– А с чего ты взял, что невеста туда не приедет? Она там будет.

– А ты думаешь, Амандин будет позволено иметь двух мужей одновременно? Это по какому же закону?! – граф опять вспыхнул. – Такое не разрешено даже королеве! Или твоя обожаемая сестра собирается завтра же развестись с бароном де Руэль? Решили, что маркиз Лекавалье не согласится на брак с девушкой, уже побывавшей замужем, и сам откажется от нее?

Тут отец так подозрительно посмотрел на Сандрин, что она решила немедленно прояснить ситуацию.

– Папа, послушай меня, ничего такого не будет – ни развода, ни двух мужей. Скажи мне, что ты точно обещал этому таинственному жениху?

– Какое это имеет значение?

– Папа, вспомни, пожалуйста, – настойчиво проговорила Сандрин.

– Я уже говорил тебе об этом.

– Я помню. И хочу, чтобы ты произнес это еще раз.

Отец задумчиво посмотрел на свою старшую дочь и медленно произнес.

– Я сказал, что согласен выдать за него замуж свою дочь.

– А ты уточнил, какую дочь – старшую или младшую? Называл имя?

– Нет... но это было и так понятно! Ты же училась. Нас давно предупредили, чтобы мы не искали тебе пару, так как ты будешь представлена ко двору и там, возможно, найдет кто-то лучше, чем смогли бы найти мы. Что за глупости! Маркиз был здесь, он видел Амандин, разговаривал с ней.

– Ничего, скажу, что изменила прическу, надела новое платье, – придумаю что-нибудь.

– Что за глупости!

– Ничего не глупости. В крайнем случае, скажу, что Амандин вышла замуж. У него не будет другого выбора, кроме меня, если он действительно хочет жениться на ком-то из твоих дочерей. Папа, давай посмотрим в глаза правде. Ты же сама понимаешь, что нет у этого Лекавалье любви к Амандин. Как я поняла, для него вообще нет большой разницы, кого взять в жены. Если его не устрою я, найдет себе кого-нибудь еще.

– Но как так можно! Он же рассчитывал, что его женой станет Амандин. А тут являешься ты. В какое положение ты его ставишь.

– Вот видишь, папа, ты уже начинаешь думать совсем о другом! – Сандрин улыбнулась. – А всего несколько минут назад думал о своей репутации. Ничего страшного, я переживу его отказ.

Отец замолчал, задумавшись о чем-то.

– Ты пугаешь меня, девочка. Ты принимаешь такие решения. Сама! Тебе же обещали блестящее будущее при дворе, а ты выбираешь жизнь в каком-то богом забытом уголке.

– Я уже выросла, папа. И я хочу, чтобы сестра была счастлива.

– Даже ценой собственного счастья?

– Я уже говорила Амандин, скажу и тебе. Мои шансы на счастливый брак таковы же, как и ее. Наличие любви между женихом и невестой не предполагает как обязательное условие счастливый брак. Одно дело – прогулки и ухаживания, и совсем другое – семейная жизнь. Не переживай за меня, я постараюсь стать счастливой. И давай прекратим этот разговор. Я думаю, уже давно пора двигаться в путь, не будем заставлять жениха долго ждать. Послезавтра утром поеду к нему. Думаю, что успею завтра собрать свои вещи, тем более что Мари еще не успела до конца разложить их. Дай с вами проведу целый день: завтра к нам собирается Амандин с

мужем. Надеюсь, вы с мамой будете добры к новому члену нашей семьи, папочка? – И Сандрин лукаво улыбнулась.

Обняв отца на прощанье, девушка вышла из кабинета и направилась к себе в спальню. Дом, лишившейся одной из своих обитательниц, стал совсем иным. Послезавтра отправится в путь и она. А потом ее ждет Париж. Это была та правда, которую никто не должен знать. Она обязана служить королю, и иного не дано. Маркиз Лекавалье поддастся ее уговорам, и никакой свадьбы с ней у него не будет. Она уже знает, что ему сказать. Еще нужно написать настоятельница, чтобы сообщить, где ее можно будет найти ближайшее время.

Войдя в свою комнату, Сандрин тотчас написала письмо. Потом вызвала дворецкого и велела как можно скорее отправить его в Париж.

Все неотложные дела на сегодня были завершены, и девушка отправилась в постель, впервые за последние дни забывшись спокойным сном.

Глава 4

Окна комнаты в Версале выходили на запад. Уходя в ночь, солнце пряталось за верхушки деревьев и озаряло теплым светом всю комнату, согревая ее. И от садившегося солнца, и от чувства тревоги, витавшего вокруг, было так душно, что воздух, казалось, можно было резать ножом. Несмотря на это, окна в комнате были закрыты наглухо: король боялся посторонних ушей.

«Как символично – угасающее солнце. Как жаль, что невозможно повернуть время вспять. Дни всего этого великолепия сочтены, а мы все продолжаем гоняться за призраками, вместо того чтобы попытаться хоть что-то исправить», – подумал посетитель. Но вслух произнес:

– Сир, я хотел бы доложить о небольшом препятствии, возникшем на пути к реализации нашего плана, – говорить с королем ему не хотелось. Людовик был целый день чем-то раздражен, и еще одна проблема, озвученная сейчас, могла окончательно вывести короля из себя. Но он был начальником тайной полиции и лично контролировал это дело. Больше некому.

Стараясь придать голосу как можно больше спокойствия, посетитель продолжил:

– Думаю, женой нашего общего знакомого будет совсем другая девушка.

– Неужели была такая уж необходимость беспокоить меня по пустякам! Выбери, кого будет угодно, лишь бы она хорошо выполнила свою работу. Мне все равно, кто выведет этого выскочку на чистую воду! – Голос короля был раздраженным.

– Хорошо, Ваше величество, – посетитель отвесил такой низкий поклон, на который только был способен. – Как будет угодно, Ваше величество. Только хотел предупредить Вас о возможной заминке.

– Вы же обещали мне, что реализации нашего плана не может ничто помешать! Он передумал жениться?

– Он – нет. Просто девушка, на которую мы рассчитывали, вышла замуж за другого.

– Что!? Как такое возможно? – Людовик удивленно поднял брови.

– Простите, сир, но тут мы были не властны над ситуацией. Вмешались, так сказать, силы провидения.

– Какие еще «силы проведения»! – Король вскипел. – Я думал, вам подвластны все силы на земле!

Посетителю было бы выгодно, чтобы король думал, что так оно и было. К сожалению, пока это было невозможно – слишком мало у него было людей, да и исполнение иногда хромало. Но сейчас нужно успокоить короля.

– Ваше величество, мы уже решили, как выйти из этой щекотливой ситуации. Нам нужно только ваше одобрение. У нас есть на примете другая девушка...

– Ну и какая нам разница? Если она тоже не против выполнить наше «маленькое поручение».

Посетитель старательно подбирал слова:

– Думаю – да, она точно не откажет. В ее лояльности сомневаться не приходится. Проблема немного в другом, сир. У вас на нее были иные планы...

– Иные планы?..

– Она ученица – «Белой лилии», – утаивать что-то не имело смысла, какой бы ни была реакция короля. – Мы хотели представить ее высшему свету осенью и найти жениха из числа испанской знати. Возможно, она могла бы понравиться самому испанскому королю. Было бы совсем неплохо, если бы она приносила нам последние новости из его еще теплой постели. Самые что ни на есть правдивые и последние сведения. Сейчас время решает все.

Король помрачнел. Как он не любил все эти государственные дела! Нужно поскорее с этим заканчивать.

– Так найдите другую. Мне все равно.

– Другую? Но Ваше величество, «другую» для чего? Для Испании или для Франции?

– Как вы решите. Я возлагаю на вас всю ответственность за этот выбор. Сделайте так, чтобы обе ситуации разрешились благоприятно для нас.

При этих словах посетитель подумал, что Людовик уже никогда не изменится. Он всегда будет возлагать ответственность за принятие решений на кого-то еще. Ну, что ж, значит, так тому и быть.

– Тогда, если позволите, сир, следить за маркизом мы позволим мадмуазель Вилье, а в Испанию отправится Беатрис Креспен. Думаю, они справятся.

– Вы в этом уверены?

– Не сомневайтесь, они все сделают. Их многому успели обучить. Конечно, знания Сандрин Вилье большегодились бы в схватке с недоверчивостью испанского короля... Но, раз судьба распорядилась иначе, не будем спорить с ней. Дуэли с провидением играют очень плохую шутку. Я посоветовал директору школы съездить к своей ученице, мадмуазель Вилье, и поговорить. Она должна узнать о своей роли как можно раньше. Учитывая ее заслуги в обучении, лучшей кандидатуры на роль глаз и ушей в логове Лекавалье и не придумаешь.

– Успех в этой кампании я целиком возлагаю на вас, – с нажимом проговорил король.

– Как вам будет угодно, Ваше величество, – поклонился посетитель и вышел за дверь.

Как только маркиз Лекавалье переступил порог дома, он распорядился отправить за своей будущей женой самую большую и удобную карету из двух имеющихся у него. Дополнительно к той, что он оставил.

Пышной свадьбы ему не хотелось... да что уж греха таить – ему вообще не хотелось этой свадьбы! Но долг велел произвести хоть какие-то приготовления: соберутся гости, и ему придется выступить в роли радушного хозяина, чтобы никто ничего не заподозрил. Хочет он этого или нет.

«Раз прием по поводу свадьбы будет скромным, то приготовления к нему не займут много времени, – успокаивал себя Анри. – Нужно только обсудить меню к приему гостей да обсудить со священником время венчания».

Последним он решил заняться в первую очередь. Разговор со священником не занял много времени, они быстро договорились о дне и часе. Священник попытался обсудить с ним какие-то детали церемонии, – сколько будет гостей, необходимо ли украшение церкви, даже их цвет и форму букетов, – но Анри не знал ответа. Он никогда не задумывался над этим и единственное, что мог произнести, чтобы не показаться совсем уж безразличным к «такому великому таинству», – как назвал священник венчание, – это пообещать, что пришлет записку с ответами на все интересующие его вопросы.

Вернувшись домой, маркиз понял, что больше заниматься приготовлениями к свадьбе ему не хочется. И разговор со священником еще раз убедил его в этом. Ему не хотелось решать ничего не значащие для него вопросы. Это отнимало много времени, а значит, отвлекало от дел. Свадьбы он не хотел и считал все связанное с ней пустой тратой сил. Посчитав, что сегодня он уже и так достаточно сделал, Анри решил, что теперь можно отдохнуть и заняться действительно важным для него. Да, и еще остается надеяться, что невеста прибудет точно к назначен-

ной дате. Второго разговора со священником он точно не переживет. Хорошо, что карета уже выехала в сторону дома его будущей жены, и этот факт не позволит ей задержаться подольше.

Сидя в кабинете и перебирая бумаги, накопившиеся за время его отсутствия, Анри вдруг мысленно вернулся к незнакомке на озере.

Было бы неплохо снова увидеть ее. Он даже начал подумывать о том, чтобы самому отправиться за своей будущей женой, в надежде встретить по пути эту русалку. Но отказался от этой затеи, решив, что возможно ее уже и нет в тех краях, а он потеряет драгоценное, как никогда, время. Остается лишь надеяться, что судьба будет к нему благосклонна, и позволит его мечте о встрече стать реальностью.

Ровно за день до определенной Анри даты венчания, карета с Сандрин Вилье подъезжала к поместью Лекавалье.

Солнце садилось за горизонт, окрашивая небосвод в причудливые цвета. Воздух здесь был холоднее, чем на юге, где находился дом ее родителей, но все равно природа уже успела пробудиться от зимней спячки.

Сандрин никогда не путешествовала по этой части Франции и всю дорогу с интересом смотрела в окно. Внимательный осмотр окрестностей, кроме познавательных целей, позволял еще и отвлечься от мыслей о встрече с бывшим женихом сестры. И хотя слово «бывший» немного грело ей душу, сердце ее не могло успокоиться. Сандрин не хотелось думать ни о том, как воспримет он ее появление у него дома, ни о том, каким он окажется. Ей было только и нужно от него, чтобы он отказался от своих прав на Амандин и расторг помолвку.

Но если днем ей еще как-то удавалось отделяться от этих мыслей, то с наступлением сумерек они с удивительной прытью вновь оказывались у нее в голове.

При свете солнца она еще могла вспоминать и свой последний день в доме у родителей, и веселые разговоры о переезде сестры на новое место и прошедшей свадьбе. Чтобы не вызвать подозрений, Амандин не брала с собой вещей, когда они сбежали утром из дома в тот день, когда младшая из них стала замужней дамой. И поэтому сборы сестры уже проводили все вместе, весело болтая – Амандин потому, что была счастлива, выйдя замуж за любимого мужчину, Сандрин потому, что не хотела нарушать это счастье. Даже родители, переживая о том, что не смогли присутствовать на свадьбе младшей дочери, постепенно успокоились от их болтовни и, казалось, были довольны, что проблема брака с незнакомцем с западного побережья так легко разрешилась.

Но когда наступала ночь, все это становилось слишком далеким и нереальным. И перед Сандрин мрачной стеной вставал неизбежный разговор с человеком, которого она совсем не знала.

Еще хуже становилось, когда они останавливались на ночлег в какой-нибудь гостинице, и девушка оставалась в комнате абсолютно одна. Чтобы обеспечить ей относительный комфорт на время путешествия, будущий муж прислал вместе со второй каретой, которую они увидели у порога дома Вилье за несколько минут до выезда, еще и служанку, Арлет.

Возможно, разговоры с горничной хоть как-то и отвлекли бы Сандрин, но ее новая служанка была молчаливой. Как казалось Сандрин, она просто не болтала лишнего и ограничивалась общими фразами, стараясь понравиться хозяйке, чтобы та оставила ее в своих горничных, когда выйдет замуж за маркиза. Арлет помогала ей приготовиться ко сну и уходила в свою комнату, оставляя девушку одну наедине с ее мыслями и опасениями.

Что будет, если Лекавалье не согласиться расторгнуть помолвку и потребует своего? Им рассказывали про таких мужчин – властных и деспотичных. Их не интересовало ни иное мнение, кроме своего собственного, ни иная жизнь. Они во всем искали только собственную выгоду, невзирая на чувства и желания других. Схватка с таким мужчиной может оказаться долгой и опасной, но она все равно обязана выйти из нее победителем. Иначе она предаст короля, который так рассчитывал на нее. Предаст свою страну.

В одной из гостиниц, стоявших на их пути ближе всего к Парижу, Сандрин написала письмо настоятельнице с просьбой рассказать о маркизе Лекавалье все, что той известно. Это поможет ей в разговоре с ним. Чем лучше знаешь своего врага, тем легче его победить. Это будет ее первое сражение, и она обязана его выиграть, чтобы показать, на что способна. Когда письмо было написано, она отдала его посыльному, приказав доставить как можно скорее. И когда за слугой закрылась дверь, поняла, что ее прежняя жизнь, такая простая и понятная, со всеми радостями и надеждами закончилась, а впереди ждала полная неизвестность, темная, холодная и мрачная, от которой уже не скрыться.

Карета уже почти час ехала по владениям Лекавалье.

Сейчас Сандрин была как никогда близка к тому, чего больше всего боялась за все время путешествия – к разговору с незнакомцем. И уже была готова сама управлять лошадьми, только чтобы побыстрее покончить с этой неизвестностью.

Очередной поворот – и ее взору открылась красивая усадьба, возвышавшаяся на фоне темнеющего неба. За несколько сотен метров от нее виднелись ворота, выкованные замысловатым узором из кого-то металла. Глубоко вздохнув, Сандрин опустилась на подушки кареты, мечтая побыстрее выбраться из ее глубины на свежий воздух, и закрыла глаза, стараясь привести мысли в порядок.

Она не знала, как долго находилась в такой позе, но внезапно лошади остановились, и кучер открыл перед ней дверцу, выпуская свежий воздух, полный незнакомых ароматов. После этого Сандрин уже ничего более не оставалось, как открыть глаза и выйти из кареты навстречу судьбе.

Оглядевшись, девушка увидела стоящий перед ней дом, сложенный из белого камня и увитый плющом почти до окон второго этажа. Сад не обладал таким буйством красок как на юге, он был строг и лаконичен, но по-своему мил. «Не так уж здесь и плохо», – подумалось Сандрин.

Она подняла глаза вверх, пытаясь оценить высоту здания, и внезапно увидела какое-то движение в окне второго этажа.

О да, в доме есть любопытные. И это хорошо, кто бы ни подглядывал за ней сейчас – слуги или сам хозяин. Вряд ли горничные – а на втором этаже могла оказаться только горничная или дворецкий, кандидатура которого отпадала, так как он распахивал сейчас перед ней дверь – могли позволить себе это, если бы хозяин был тираном. А значит, у нее были все надежды на благоприятный исход ее предприятия.

Возможно, даже сам маркиз Лекавалье с любопытством смотрел на нее сейчас из своего убежища. Это было бы совсем замечательно – человек, интересующийся другими людьми, как нельзя более кстати подходил для реализации плана Сандрин. Вряд ли какой-нибудь нарцисс смотрел бы сейчас на девушку, выходящую из кареты – такого интересуется только он сам.

Решив, что дальнейшее разглядывание может показаться неприличным, Сандрин двинулась в сторону любезно распахнутой дворецким входной двери.

Арлет последовала за ней. Решив, что немного тревоги во взгляде молодой девушки ее положения совсем не помешает, мадмуазель Вилье бросила на горничную растерянный взгляд. Поймав его, Арлет ободряюще улыбнулась. «Хорошо, что мы успели сдружиться за время путешествия, – подумала Сандрин. – Свой, в некотором смысле, человек в стане врага совсем не помешает».

И всю дорогу от кареты до дверей дома ее не покидало ощущение, что за ней кто-то наблюдает.

Когда послышался цокот копыт приближающихся лошадей, маркиз Анри Лекавалье находился в библиотеке на втором этаже старинного поместья своей семьи.

Его отец, герцог Симон Лекавалье, не любил долго задерживаться в одном месте. А поэтому как только дети – сыновья Анри и Винсент – выросли, предпочел неожиданности Нового Света размеренной жизни во Франции.

Он отправился туда вдвоем с женой, а вскоре за ними последовал и Винсент Лекавалье, младший брат Анри. Исколесив за эти годы почти весь континент, они осели в Бразилии, на радость Винсенту, такому же любителю женских прелестей, как и его старший брат.

Так что Анри уже несколько лет жил во Франции один, являясь, по сути, единственным владельцем всех семейных ценностей. Поместье в западной части Франции, окруженное акрами земли, дом в самом центре Парижа да небольшой домик близ Бордо, который он приобрел год назад на имя одного из своих моряков, – на случай, если что-то в его плане пойдет не так.

Отбывая в дальние края, отец забрал с собой немало ценных вещей. В последующем Анри отправил туда еще больше – все имеющиеся драгоценности, картины, столовое серебро, все, что имело ценность, заменили подделки. Через пару недель он получит деньги за дом в Париже и часть земли вокруг поместья. Больше продать ничего не удастся, это вызовет подозрения.

Он так долго шел к своей цели, что сейчас просто не может допустить, чтобы его план провалился. Анри понимал, что как только королю станет известно, что он покинул страну навсегда, он потеряет все, что было у его семьи. Поэтому вот уже год он с особой осторожностью вывозил из этой страны все имущество, которое только мог увезти.

Там, за океаном, в Новом Свете у него имелся большой дом, где он и оставлял свои сокровища. Его семья много лет упорно трудилась, чтобы не знать нужды. И оставлять кому-то плоды этих трудов он не желал.

Анри подошел к окну и взглянул вниз на остановившийся экипаж. Двери кареты тотчас же приоткрылись, и в следующий миг из нее вышла девушка в милом васильковом платье для путешествий и такого же цвета шляпке.

Маркиз пригляделся. То, что он мог увидеть с высоты второго этажа, удивило его. Приехавшая девушка лишь отдаленно напоминала ту, с кем он познакомился несколько дней назад. Анри даже показалось, что это не она. Наступили сумерки, и он мог перепутать экипаж, посчитав его своим. Но вышедшая следом за незнакомкой Арлет развеяла все его сомнения.

А она прибыла как раз вовремя. Это было совсем неплохо, так как ехать к священнику и разговаривать о переносе венчания ему совсем не хотелось.

Свадьба назначена на завтрашний вечер. Сейчас нужно будет распорядиться, чтобы ей показали комнату, сделали ванну и покормили с дороги. Надо поговорить с Арлет, сказать к которому часу им надлежит прибыть в церковь, чтобы она подготовила Амандин к этому времени. Или лучше поручить это другой горничной? Арлет могла устать от путешествия.

Разговаривать с будущей женой у него не было ни малейшего желания, как и встречаться с ней, нужно было поручить ее кому-то и все. Быстрее покончить с формальностями, связанными со свадьбой и заняться делами.

Вчера поздно вечером Этьен привез документы на новый груз, прибывший в порт Марселя, и описание нового корабля, который Анри планировал приобрести. Нужно было разобратся с ними. Сделать он мог это только ночью и только в закрытом кабинете в башне, чтобы не привлекать внимания. Это и так представляло определенные сложности, а свадьба еще больше мешала ему. Слуги сновали туда-сюда, спеша все приготовить и прибрать к приему гостей, которые должны были приехать на обед. В доме и так слишком много ненужных глаз, да еще эта мадмуазель Вилье. Но и не приглашать гостей было неразумно – пошли бы разговоры. Единственное, что он мог сделать в этой ситуации – пригласить как можно меньше знакомых.

Так он стоял и размышлял, глядя в окно из-за плотной портьеры, скрывавший его. Но в следующее мгновение произошло то, что развело все его мысли, как легкий весенний ветерок прогоняет засидевшуюся зимнюю стужу: незнакомка сняла шляпку и чуть подняла лицо. Анри обомлел. Перед ним стояла вовсе не Амандин – из кареты вышла та, которую он мечтал увидеть все эти дни! Не веря своим глазам, и не понимая, почему в его карете приехала не его будущая жена, он рывком распахнул дверь и практически бегом пустился вниз, чтобы разрешить все противоречия.

В холле царило заметное оживление.

Входная дверь была открыта и слуги вносили в дом багаж прибывших. Дворецкий придерживал дверь и беззастенчиво разглядывал свою новую, как он полагал, хозяйку. Незнакомка и Арлет стояли посреди комнаты и тихонько переговаривались, наблюдая за багажом. Все говорило о том, что прибыла его невеста.

Это была бы практически идиллия, если бы не Этьен, стоявший на несколько ступеней выше по лестнице и удивленно наблюдавший за происходящим. «Слава Богу, хоть кто-то тоже не понимает, что здесь происходит, – подумал Анри. – А то бы я точно решил, что схожу с ума».

Почувствовав его присутствие, незнакомка замолчала и подняла глаза. Ее взгляд переменялся с него на Этьена, и в этот момент Анри окончательно убедился, что это не та, кто была обещана ему в жены несколько дней назад. Арлет проследила за взглядом девушки и, дотронувшись до ее руки, чуть махнула головой в его сторону.

Теперь незнакомка смотрела на него в упор. Не в силах больше оставаться в неведении, Анри спустился в холл. Он уже практически вплотную подошел к прибывшей девушке и уже хотел задать вопрос кто она такая и что здесь делает, но не успел. Словно поняв, что именно он хочет спросить, незнакомка сказала:

– Простите, что не узнала вас сразу, мы так мало знакомы. Спасибо Арлет, она подсказала мне. Наверное, вы хотите что-то сказать мне про венчание или у вас есть ко мне какие-то вопросы? Может быть, мы пройдет куда-то и поговорим?

«А она точно не глупа», – подумал Анри. В душе он был рад ее появлению, несмотря на то, что это стало для него полной неожиданностью. Ему определенно хотелось обсудить с ней несколько вопросов. И она неведомым ему образом это поняла. И – да, что бы ни стояло за ее появлением в этом доме, слугам об этом лучше не знать.

– Пройдемте в библиотеку, – сказал он в ответ и улыбнулся. – Вы очень догадливы. У меня действительно есть, что обсудить. А Арлет пока разберется с вашим багажом.

Анри протянул к девушке руку, и она вложила в нее свою.

Подхватив одной рукой юбки, чтобы удобнее было подниматься по лестнице, а другой опершись на любезно поданную ей ладонь, Сандрин с гордо поднятой головой поднялась на второй этаж. Уж если ей и предстоит сегодня быть с позором изгнанной из этого дома, то, по крайней мере, она сделает это со всем возможным достоинством.

Пока они шли, Сандрин огляделась вокруг. Широкая лестница с причудливыми перилами, орнаментом, напоминавшим ножки изящных столиков, расставленных по коридору. Картины в деревянных рамах с искусным плетением. Свежие цветы в вазах. В этом доме любят

красоту и уют. Только вот что-то ей показалось странным в этой мебели и рамах... Но что? Она никак не могла понять.

Подойдя к двери, маркиз Лекавалье открыл ее и пропустил Сандрин вперед, войдя следом.

Оказавшись в комнате, которая, судя по находившимся в ней книгам, и была библиотекой, Сандрин поняла, кто наблюдал за ней. Из окна очень хорошо была видна дорога, по которой они приехали. А если подойти поближе, то наверняка можно увидеть и вход в дом.

Идеальное расположение комнаты, в которой ее хозяин, по всей видимости, проводит большую часть своего времени. Лучшего места для наблюдения не придумаешь.

– Думаю, мне стоит сразу начать с главного вопроса – объяснить свое появление в вашем доме, – Сандрин решила сразу перейти к делу. – Я полагаю, у нас не так много времени.

– Времени у нас достаточно для чего угодно. Но ваше предложение весьма разумно. Если мы выясним ответ на этот вопрос, вести дальнейшие разговоры будет интереснее.

Только этого ей не хватало. Она ему явно нравилась. В пользу этого говорили и его вкрадчивый голос, и блеск в глазах. Да, она узнала его. Этот тот тип, что был на озере. И это было не лучшим вариантом. Этот любитель женщин просто так ее не отпустит. А вечерние прогулки с последующей лунной дорогой в его постель ей ни к чему.

И дело не в том, что она не смогла бы провести с ним несколько ночей. Для того чтобы достичь своей цели и уехать из этого дома, она пошла бы и на это. Но неизвестно, какие планы на этот счет у короля. Возможно для исполнения того задания, которое ей поручат, она должна быть невинна. Да, ее план был рассчитан на кого-то более серьезного, а не на этого повесу. Но иного все равно нет. Что ж, начнем, как было задумано, а потом посмотрим по ходу событий.

– Приятно познакомиться. Вы, как я понимаю, маркиз Анри Лекавалье.

– Я тоже очень рад, мадмуазель. Вы правы, я Анри, маркиз Лекавалье, – он отвесил ей поклон и улыбнулся. – Позвольте теперь узнать, кто вы.

– А вы не догадываетесь?

– Простите, нет. Не подумайте, я помню о нашей беседе в пруду, – его голос стал еще более вкрадчивым, что совсем не понравилось Сандрин. – Но вы тогда не назвали мне имя. А я очень хотел бы его узнать.

– Неужели я вам никого не напоминаю?

Анри хотелось сказать, что она очень напоминает девушку из его грез, но передумал и лишь коротко ответил:

– Нет.

– Странно, маркиз. Говорят, мы с сестрой похожи. Меня зовут Сандрин Миреил Вилье. Мой отец обещал выдать замуж за вас свою дочь. Когда вы были у нас дома, вам представили Амандин – мою сестру.

– И кто же говорил вам, что вы похожи? Поверьте мне, эти люди лукавят – нет двух более непохожих людей, чем вы с сестрой. Вы красивы и умны. Не возражайте. Я это заметил еще при первой встрече. И еще очень решительны и самостоятельны, что большая редкость для девушки вашего возраста и положения.

– Не стоит наговаривать на людей. Возможно, вы просто плохо разглядели мою сестру. Или у вас было мало времени.

– Возможно. Но теперь, надо полагать, время у меня будет. Завтра наше венчание. Буду рад, если вы посетите его в качестве гостей.

Непонятно почему, но эта мысль вдруг принесла ему огромное разочарование. Сейчас, когда девушка из его бессонных ночей вдруг предстала перед ним, свадьба была так некстати. Вряд ли эта Сандрин причинит боль сестре, согласившись стать его любовницей. А вот ему нужна именно эта из двух Вилье. У него в голову даже закралась совсем уж сумасшедшая

мысль: если бы у него была возможность выбрать на ком жениться из двух сестер, он бы выбрал старшую.

– Хорошо, что вы заговорили про свадьбу. Поэтому я и приехала. Моя сестра не может стать вашей женой – она уже замужем за другим человеком. Я прошу прощения у вас за всех нас. Но вины родителей здесь нет: никто из родственников ничего об этом не знал. Иногда так бывает – молодые люди так любят друг друга, что ничто не может их остановить связать себя узами навечно. Они поженились втайне ото всех. Сестра ждала меня, чтобы рассказать всем о таком радостном событии. Но тут последовало предложение от вашего родственника, – Сандрин особо подчеркнула, что предложение поступило не от самого маркиза Лекавалье. – Мой отец, граф Вилье, ничего не зная о замужестве Амандин, дал согласие вашему дяде. Но, как вы понимаете, никакой силы оно не имело. Вы, наверно, заметили скованность Амандин, когда были у нас. Бедняжка была так напугана происходящим, что побоялась открыть вам правду. Призналась, только когда вы уехали.

Да, она обманула его. Но это была ложь во спасение. И во имя счастья множества людей. В конце концов, не кинется же он проверять церковные книги, чтобы узнать настоящую дату свадьбы.

– И что же вы предлагаете?

– Я здесь для того, чтобы принести вам извинения, помочь объясниться с приглашенными на свадьбу. Моя семья готова оплатить понесенные вами расходы.

Вот уж поистине странно – посылать на разговор с ним незамужнюю дочь. Интересно, о чем думал граф Вилье? Полагал, что он растает от ее появления? Ну, что ж, тогда этот граф очень умен – Анри действительно был сражен красотой его дочери. Густые каштановые волосы, уложенные в замысловатую прическу. Блеск голубых глаз. Умных, решительных. В таких и утонуть недолго, как в том озере несколько дней назад. Легкий румянец, прекрасные черты. Даже после долгого пути она не выглядела уставшей.

Все, что говорит и делает эта девушка, немыслимо для ее возраста. Очень умна. С ней было бы интересно болтать долгими вечерами. Интересно, у нее было домашнее обучение или она воспитывалась в одной из этих школ для девочек? Он хотел знать о ней все. Со стороны ее отца было очень опрометчиво отправить ее сюда. Но что сделано, то сделано. А уж он-то извлечет из ее появления здесь все, что сможет. И это точно будут не деньги и не ее появление с извинениями перед собравшимися на свадьбу гостями.

– Полагаете, что теперь я должен отменить свадьбу из-за этого «недоразумения»?

– Маркиз, давайте начистоту. Вы не очень-то и хотели этой свадьбы. Вы не запомнили даже, как выглядит моя сестра, раз не видите нашего с ней сходства.

Какое сходство? Анри хотелось смеяться. Он даже представить себе не мог, чтобы Амандин говорила или делала что-то подобное, что сейчас делает ее старшая сестра. Но именно поэтому Сандрин и нравилась ему.

– Как бы там ни было, мадмуазель Вилье, дата назначена. Сейчас уже невозможно что-то отменить.

– У вас есть какие-либо предложения на этот счет?

– Представьте себе, да. Вы могли бы заменить сестру. Никто ее здесь не видел и подмены не заметит.

– В каком смысле – заменить?

– Выйти замуж вместо нее. Тогда не придется ничего отменять, объясняться с гостями, родственниками и тому подобное. Вы правы, для меня нет особой разницы. Мне просто нужна жена.

– Неужели в вашем окружении не найдется девушки, согласной добровольно выйти за вас? – Сандрин намеренно сделала ударение на слове «добровольно».

– Меня устраиваете вы. Только не могу понять, неужели я так противен вам?

Маркиз подошел к ней так близко, что даже руку протягивать было не нужно, чтобы дотронуться до него. Взял ее за подбородок, чуть поднял голову и заглянул в глаза. Сандрин не шелохнулась.

– Вот видите, вы не отшатнулись. Значит, я вам нравлюсь.

«Ничего это не значит, – подумалось Сандрин. – Просто у меня есть задача, и мне хотелось бы ее выполнить».

– Подумайте, Сандрин, – продолжил маркиз, – мое предложение не так уж и плохо. Или в вашем сердце уже кто-то есть?

– Мое сердце свободно. Но я не оставляю надежду на то, что выйду замуж за человека, которого буду любить.

– Я сделаю все, чтобы вы полюбили меня, Сандрин.

Маркиз склонил голову, чтобы поцеловать ее, и она сделала шаг назад.

– Послушайте, маркиз Лекавалье, мы с вами не муж и жена, чтобы вам было позволено меня целовать.

– Но это же легко исправить. Всего несколько часов – и вы станете ею. Вам же не нужны сплетни о вашей семье и о том, что граф Вилье не держат свои обещания.

Он сам виноват. Не нужно было ему этого говорить. Она не может стать его женой и точка.

– Маркиз, я бы не советовала вам сейчас даже упоминать честь моей семьи. Возможно, моя сестра и виновата в том, что была нерешительна, когда боялась сообщить о свадьбе. А мой отец – в том, что не сказал вам того, чего и сам не знал. Но неужели в истории вашей семьи не найдется ничего, что вы хотели бы скрыть?

Сандрин сказала это наугад, но неожиданно ее слова попали в цель – в глазах маркиза промелькнул испуг.

– Что вы хотите, Сандрин? – быстро произнес он.

– Завтра мы выходим к гостям и говорим, что передумали. Не смотрите на меня так. Да, маркиз Лекавалье и дочь графа Вилье поговорили и пришли к выводу, что они не хотят вступать в брак.

– Пойдут разговоры.

– Опасаетесь за свою честь? – Сандрин чуть склонила голову.

– За вашу честь, – утвердительно проговорил Анри.

– Не беспокойтесь, – Сандрин чуть улыбнулась, – если я не стану вашей женой, моей чести ничего не угрожает.

– Вот как?! – Анри был удивлен. – И позвольте узнать, на чем основан данный вывод.

– Вы повеса, маркиз, – твердо заявила Сандрин. – Это всем известно. Не хочу быть женой человека, который бежит за каждой юбкой. О ваших приемах ходят легенды.

– Вы ничего обо мне не знаете.

– Неужели? Не вы ли пытались соблазнить меня несколько дней назад на озере? А ведь вы только что ехали от девушки, на которой обещали жениться.

– Если я не ошибаюсь, эта девушка не очень-то мне и верна. Не она ли вышла замуж за другого, наставив мне рога? – в тон ей произнес Анри. – И не нужно меня обманывать. Эта свадьба была уже после того, как я уехал. И не отпирайтесь. Не видел еще ни одного мужа, который после венчания спокойно оправил бы жену обратно в дом родителей и сам не последовал за ней.

– Ваши предложения, маркиз! – в упор посмотрела на него Сандрин.

– Мадмуазель Вилье, у нас двоих есть причины не говорить друг другу правды. Я предлагаю сделку. Мы переносим дату венчания. Вы живете здесь неделю, а потом решаете, выйдете за меня или нет.

– А если я скажу «нет»?

– Я отпущу вас.

– Один день.

– Пять.

– Нет, маркиз, это очень долго. Так и быть – два. И ни днем больше.

– Пять дней, маркиза. И ни днем меньше. Но не думайте, что я деспот. Я готов пойти на уступки. И хотя сейчас уже почти ночь, так и быть, считать мы начинаем с сегодняшнего дня. А на пятый день обвенчаемся.

Это немыслимо. Каков нахал! Назвал ее маркизой! Но ведь ему прекрасно известно, что она – не дочь герцога. Ее отец всего лишь граф. Маркизой будет, только если выйдет замуж за этого ловеласа или еще какого-нибудь наследника герцога. Но, каким бы он ни был подлецом, его предложение не так уж и плохо.

– Хорошо, я согласна. Но потом вы отпускаете меня.

– Или вы выходите за меня.

– Только если я сама этого захочу.

– По рукам.

Анри потянул ей руку, и Сандрин пожала ее.

Она уедет отсюда ровно через пять дней или даже раньше. Она ему быстро надоест. Может, даже через пару дней.

Она ему точно наскучит: завоевав расположение девушки, такие мужчины быстро охладевают и находят себе новую пассию.

– Я распоряжусь подготовить для вас гостевой домик, Сандрин. Подождите немного в библиотеке, пока я отдам соответствующие распоряжения. Не пристало невесте до брака жить под одной крышей с будущим мужем. Нас могут неверно понять, а мы ведь не хотим этого.

Голос маркиза стал вкрадчивым и ласковым, но ему можно было не утруждаться. Сандрин на это не купит. Она точно знала – где бы ни жила, отделаться от назойливого внимания Лекавалье ей не удастся. Она будет иметь честь видеть его все эти пять дней каждый час, если не каждую минуту.

– Скажите, маркиз, а в этом доме надежные засовы? – Она не могла отказать себе в удовольствии поддеть его. – Мне хотелось бы побыть все эти пять дней одной. Порамышлять, так сказать, над вашим предложением.

– Там вам будет удобно, мадмуазель Сандрин, поверьте. Завтра мы обсудим детали свадьбы. Наверняка вам хотелось бы устроить все по своему разумению.

– Избавьте меня от этого. Я полностью полагаюсь на ваш вкус. И не стоит торопиться, маркиз. Я еще не дала своего согласия.

– Ваше согласие – лишь вопрос времени, маркиза.

Сказав это, Анри развернулся и пошел к двери.

Опять он называет ее маркизой. Какая самоуверенность!

Ну ничего, это ненадолго.

– Ваша светлость, – Сандрин окликнула его, когда он уже взялся за ручку двери и потянул ее вниз. – Мне хотелось бы кое-что прояснить. Насчет мужа моей сестры. Вы абсолютно неправы. Он великолепный супруг. Возможно, он не очень решителен, но она любит его, и он делает все, чтобы она была счастлива.

Маркиз повернулся и посмотрел ей прямо в глаза.

– Поверьте, маркиза Сандрин Лекавалье, я докажу, что я во много раз лучше него. Дайте мне только немного времени.

С этими словами Анри вышел за дверь.

В душе Сандрин бушевали эмоции. У этого человека нет ни тени сомнения, что она согласится стать его женой! И согласится по своей воле. Просто вот так возьмет и поедет с ним на венчание, визжа от восторга, что маркиз Лекавалье снизошел до нее. Какая уверенность в

собственных силах! Но самое удивительное, что в душе она была с ним согласна. И, если бы она ни была скована обязательствами, она, несомненно, поддалась бы его чарам.

Он умел околдовывать. Этот вкрадчивый, глубокий голос... Эти бездонные глаза... С ним следует быть осторожнее. А то как бы не очнуться через пять дней с ним перед алтарем, когда обряд венчания уже будет совершен.

Сандрин огляделась вокруг.

Как много книг, новых и совсем старых. О точных науках и альбомы художников, о растениях и животных, о путешествиях и дальних странах, размышления философов и любовные романы. Невероятный калейдоскоп. Пробежав глазами по корешкам, она поняла, что ей хотелось бы задержаться здесь подольше. Так много интересного, и ей хотелось бы прочитать все. Но за пять дней ей это не удастся. Оставалось еще надеяться, что маркиз не будет против, если она решит воспользоваться его библиотекой.

Взяв одну из книг, показавшихся ей наиболее интересной, Сандрин устроилась с ногами на кушетке и принялась читать при свете горевшей лампы.

Выйдя из библиотеки, Анри нашел Арлет и распорядился как можно скорее подготовить домик для гостей, стоявший почти на краю его владений. А после того, как все приготовления будут завершены, разместить там его будущую жену со всем возможным комфортом.

После этого маркиз направился в свою спальню, что написать гостям письма о переносе даты венчания. Спустя два часа, когда все записки, скрепленные гербовой печатью дома Лекавалье, направились к адресатам, дверь в комнату отворилась, и в ней появился Этьен.

– И где твоя невеста? – спросил он.

– Только что приехала, – ответил Анри.

– Ты что-то путаешь, это не она. Ты действительно не помнишь, как она выглядит, или разыгрываешь меня?

– Я не шучу. Сейчас в библиотеке сидит моя будущая жена.

– И ты не находишь, что эта твоя «новая» будущая жена отличается от «старой»?

– Я не только нахожу это. Я со всей уверенностью могу заявить, что это – две абсолютно разные девушки. Сейчас все расскажу.

Когда Анри закончил рассказ, Этьен произнес:

– Вижу, ты уже не такой противник брака, как прежде.

– Да, ты прав, она нравится мне. Такие девушки редко встречаются. Она очень красива и умна, и мне не хочется упустить ее. Но особого смысла в браке я по-прежнему не вижу. Другой вопрос, что эту девушку я могу получить, только женившись на ней. Несмотря на всю прогрессивность ее взглядов, в вопросах отношений полов, думаю, она похожа на многих других ее положения и возраста. И пустит меня в свою постель только после свадьбы. А мне бы очень хотелось попасть туда.

– Так, что ради этого даже готов на ней жениться?

– Пока – да. Но если мадмуазель окажется более свободной в своих убеждениях, то играть свадьбу и не потребуется.

– А если нет?

– Тогда я женюсь на ней.

– Ты согласен на все, лишь бы заполучить ее, не так ли?

Ну, что же, теперь, я полагаю, мне необходимо подготовить еще одно место на корабле маркиза Лекавалье... для прекрасной мадмуазель.

– Пока не знаю, Этьен...

– То есть несмотря на все восторги по поводу этой девушки, когда придет время ты уедешь и оставишь ее на растерзание своре короля? Или ты полагаешь, что они ничего не примут по отношению к ней? Она же будет твоей женой! А это значит – первой, кто заинтересует его прихвостней, когда ты исчезнешь. И даже если они просто расспросят ее и отпустят, не применив никаких «мер воздействия» – думаешь, ей оставят хоть что-то? Деньги? Титул? Черта с два! На какую жизнь ты обрекаешь ее и ее семью?!

– Пойми, я не могу решать за нее. Захочет ли она отправиться со мной? А захочу ли я ее взять, когда придет время? Но когда ты так говоришь, я начинаю себя чувствовать кем-то вроде этих «прихвостней короля». А мне этого совсем не хочется. Подожди хотя бы до свадьбы, а там я скажу, что необходимо будет сделать.

– Ну что ж, Анри, мне остается только пожелать тебе удачи...

– Спасибо, Этьен.

На следующее утро маркиз Лекавалье вновь отправился по знакомой дороге в церковь. Только на этот раз путь был куда веселее, чем в предыдущий.

По пути он подумал, что, возможно, невесте захочется сделать этот день более праздничным, и решил попросить украсить церковь цветами, если, конечно, это не противоречит каким-нибудь церковным канонам.

Если священник и был удивлен его появлению, то виду не подал. В этот раз он видел заинтересованность Анри в предстоящей церемонии и не мог этому не радоваться, как и любой служитель церкви, понимающий, что кто-то из его прихожан нашел свое счастье.

Он согласился расставить повсюду букеты. Даже прислал к Анри служку, чтобы обсудить их цвет и форму, но маркиз оставил этот вопрос на его усмотрение, пообещав хорошее пожертвование, если невесте понравятся их внешний вид.

Вернувшись домой, Анри нашел посыльного и услышал от него подробный отчет о том, что все гости получили письма о переносе даты венчания и обеда по его случаю.

Предыдущей ночью он почти не спал, работая с бумагами в башне. А потом еще долго ворочался, размышляя о появившейся в его жизни Сандрин Вилье с ее необычным умом и прекрасными глазами. Уснул он, только когда солнце показало свой розовый бок над горизонтом. Уже прошла половина дня, он переделал массу дел, но, несмотря на бессонную ночь, совсем не устал.

Решив, что на стол не мешало бы поставить что-то изысканное и, возможно, что-то из тех блюд, к которым привыкла его будущая жена, Анри спустился в кухню, чем привел в смятение повара. Густав, как звали повара семьи Лекавалье, был удивлен не столько появлением маркиза, что было обычным делом, когда они готовились к приемам, сколько его проснувшимся интересом к свадебному угощению.

Сообщив свои пожелания о необходимости приготовления что-нибудь из южной кухни тех мест, откуда была родом мадмуазель Вилье, Анри сказал Густаву количество приглашенных и время приема. Так как вкусу своего повара маркиз доверял, обсуждать перечень блюд посчитал излишним. Маркиз попросил лишь прислать написанное на бумаге меню, когда оно будет готово, чтобы показать его Сандрин.

Ему нужен был повод, чтобы повидать Сандрин Вилье. Являться к ней без какой-либо причины он не хотел. Еще решит, что он увлечен ею. Да так, что не мыслит жизни без нее. Нет, пусть думает, что она не так уж и нужна ему. Так быстрее прибежит. Да, нужно непре-

менно показать, какое он сокровище. Но при этом не быть слишком горячим по отношению к девушке. Эта тактика срабатывала всегда. Сработает и сейчас.

Сандрин почти заканчивала свой туалет, когда дверь в спальню гостевого домика открылась. Открылась сразу после стука. Не дожидаясь приглашения, в комнату вошел маркиз Лекавалье.

– Здравствуйте, мадмуазель Сандрин. Можно мне войти? Прекрасная погода. Не хотите ли прогуляться и обсудить обед в честь нашего венчания? – проговорил маркиз на одном дыхании. Чрезвычайно веселым и довольным собой голосом.

Сандрин, которой горничная заканчивала укладывать волосы, подняла на него недовольный взгляд и произнесла:

– Нет, маркиз.

– Нет? – Его веселый настрой не так-то просто было сбить. – На какой из моих вопросов вы ответили «нет»?

– Сразу на все. Вам нельзя войти и я не хочу гулять, – недовольно ответила Сандрин.

– Но мне действительно необходимо поговорить с вами.

– Дождитесь в гостиной, – царственно ответила Сандрин. – Скоро горничная уйдет, и я смогу принять вас там.

– Как вам будет угодно, маркиза, – Анри поклонился и вышел за дверь.

Подождав еще добрых полчаса после ухода горничной – в другой раз не будет называть ее маркизой – Сандрин вошла в гостиную. Нужно прекратить его визиты сюда. Никакой необходимости в них нет. Она не собирается решать вопросы, связанные с венчанием. Его все равно не будет, так зачем тратить на них время.

Маркиз Лекавалье нашелся в гостиной. Сидел на диване и читал одну из книг, которую вчера любезно разрешил принести сюда Сандрин из своей библиотеки. При виде девушки он поднялся и сделал шаг по направлению к ней.

– Удивительный выбор, – Анри жестом указал на отложенную книгу.

– И что же в нем удивительного?

– Вольтер, Сандрин. Неужели девушке вашего возраста может быть интересно такое?

– Вы ненамного старше меня, маркиз. Поэтому ваше удивление более чем странно. Если эта книга имеется в вашей библиотеке, значит, вам она интересна. Или вы просто коллекционер?

Вот так удар. Он действительно еще не читал эту книгу. Просто не нашел времени. Но в свое оправдание мог сказать только то, что, покупая ее, был уверен, что прочтет.

– Я имел в виду, что молодые девушки вашего положения и воспитания не интересуются подобным.

– Получается, что я не одна из таких девушек, только и всего. Давайте закончим этот разговор, маркиз. Если вы жалеете, что позволили мне воспользоваться вашей библиотекой, можете забрать все книги, что я принесла сюда.

– Ну что вы, не жалею. Просто, не слишком ли скучное чтение?

– Отнюдь. Но что, позвольте узнать, вы полагаете, подобает читать девушкам «моего происхождения и воспитания»?

– Возможно, любовные романы? Книги по домоводству.

Сандрин рассмеялась. Легко и беззаботно. Как будто он сказал какую-то шутку. И этот смех заставил Анри по-иному взглянуть на нее. Так кто же на самом деле эта прекрасная незна-

комка, которая так легко может отправиться в путь за тысячу миль к чужому человеку, а потом сидеть в его гостиной и читать философские трактаты?

– Я сказал что-то не то, Сандрин?

– Все нормально, маркиз. Простите, если чем-то обидела вас. Давайте вернемся к цели вашего визита. Вы хотели что-то обсудить?

– Быть может, пройдемся? Я покажу вам свои владения.

Сандрин усмехнулась. Хочет показать, что она получит, если согласится стать его женой. Обычный трюк богатого мальчика. Только вот деньги ее не интересуют. Ни его, ни кого-то еще. Ну что ж, пусть похвастается.

– Хорошо, давайте погуляем, – она чуть кивнула. – Верхов? Или вы предпочитаете пешие прогулки.

– А вы умеете ездить верхом?

– Да, немного.

– Тогда выбор за вами.

– Я бы прошла.

Ни к чему ему знать степень ее умения держаться на лошади. Да и дамские седла она не любила. Вкупе с пышными юбками они превращались в сущее наказание.

Анри молча протянул ей согнутую в локте руку, чтобы она оперлась на нее, но Сандрин проигнорировала этот жест. Она просто проследовала к выходу, и маркизу ничего не оставалось, как пойти следом за ней.

Прогулка не изменила настроение Сандрин. Анри что-то рассказывал ей. Задавал вопросы о ее семье, детстве, о том, что она любит. Но Сандрин отвечала только «да» и «нет», иногда специально невпопад. А если таким односложным ответом нельзя было отделаться, просто молчала. После часа такой прогулки, Анри не выдержал. Он вдруг остановился и придержал Сандрин за локоть. Такой наглости от него она не ожидала. Да как он смеет прикасаться к ней без ее разрешения! Она гневно взглянула на маркиза Лекавалье и выдернула свою руку из его.

– Хватит, Сандрин, – мягко проговорил Анри.

– О чем вы, маркиз? – грозно спросила Сандрин.

– Ваше поведение. Вы не даете мне ни единого шанса понравиться вам.

– Но я вам ничего и не обещала. Не обещала, что будет легко. Да и к чему завоевывать мое расположение? Через несколько дней я уеду, и мы никогда больше не увидимся.

– Вы чего-то боитесь, Сандрин? – Его голос стал задумчивым.

– Боюсь? Нет, ничего, – категорично ответила Сандрин.

– А мне кажется, боитесь, – возразил Анри. – Боитесь, что вам захочется здесь остаться. Почему-то эта мысль пугает вас. Но что плохого в том, что мы обвенчаемся? У нас будет семья, дети. Неужели я так противен вам?

– Нет, маркиз, – твердо продолжила она. – Но будем откровенны. Вам ни к чему этот брак. Несколько часов назад вы ни о чем таком и не думали.

– Но я встретил вас.

– И решили прекратить свою холостую разгульную жизнь? Которую так любили, – Сандрин усмехнулась.

– Многие мужчины, встретив подходящую девушку, решают создать семью.

– Думаю, вы не из их числа. Вы сбежите через месяц семейной жизни, если не раньше. Разбив сердце той, которая опрометчиво скажет вам «да» у алтаря. Вы не здесь, Анри. Вы где-то далеко от этих мест.

«Боже, как она догадалась? – думал Анри. – Догадалась, что все мои мысли сейчас за много миль отсюда. Вот только в одном она не права – мне хотелось бы забрать ее собой. Только это будет гораздо сложнее, чем я предполагал...»

– Вы так уверенно говорите, Сандрин. Но вдруг это всего лишь ваше предположение? Дайте мне и себе шанс. Шанс быть счастливыми.

– И что, вы полагаете, для этого нужно, маркиз?

– Всего лишь лучше узнать друг друга. Расскажите мне о себе. Почему вы молчите? В вашем прошлом было что-то пугающее? Уверяю вас, я многое видел в этой жизни.

– Ничего такого. Просто боюсь, что моя жизнь покажется вам невероятно скучной. Что вы хотите узнать?

– Все. Как вы росли, во что играли, где разбивали коленки и набивали ссадины. Что любили читать и где гулять. Чему вас учили воспитатели и что вы узнали сами. Полагаю, вы были непоседливым ребенком, Сандрин? И называйте меня, пожалуйста, Анри. Думаю, хоть мы с вами и не женаты, данное обращение позволительно. Ведь и ситуация, в которой мы с вами находимся, не совсем обычна.

– Думаю, родителям было со мной непросто, – кивнула Сандрин. Что ж, она немного расскажет ему о себе. То, что возможно рассказать. – Тут вы правы. Я расскажу вам о себе, если хотите. Но при условии, что вы мне расскажите свою историю. Только позвольте мне самой выбирать, как к вам обращаться. Хотя бы в этом сохраним приличия, маркиз.

И Сандрин рассказала ему, как родилась в поместье близ маленького городка на юге Франции, где почти круглый год светит солнце. А летом так жарко, что от палящего зноя можно укрыться только за толстыми стенами родительского дома. Где воздух весной весь пропитан ароматом цветов. Да так, что кажется чем-то нездешним, словно прилетевшим из дальних стран. О том, как любит гулять по саду и винограднику. И спускаться в погреба дома, где хранятся вековые бочки, полные виноградного сока. О том, что любила лазать по деревьям в детстве.

А сейчас просто обожает лошадей. Что умеет шить и готовить. И любит читать и учиться.

Про школу она ему тоже рассказала. Только вот сказала, что училась она там же, где Амандин. Это было несложно. Сестра почти все рассказала ей о времени, проведенном там.

Анри с интересом слушал ее историю, а потом поведал о себе. Только вот было что-то в его повествовании, что натолкнуло Сандрин на мысль, будто он ей не все говорит. Она не рассказала ему правду про школу, а вот о чем промолчал он?

Все последующие дни они гуляли по окрестностям и болтали обо всем на свете. Каждый день маркиз Лекавалье приглашал ее на обед и ужин. И они всегда оказывались за столом вдвоем, словно он специально отказал в приеме всем желавшим навестить его в эти дни.

Сандрин и предположить не могла, что ей будет так интересно с ним. Анри Лекавалье оказался прекрасным собеседником, способным поддержать разговор на любую тему. После того, как они рассказали друг другу о себе, разговор перешел на погоду, природу здешних мест и того края, в котором выросла Сандрин. Они говорили о литературе и живописи. И о дальних странах и поездках. И Сандрин дивилась, как много знает маркиз Лекавалье, а Анри удивлялся, как начитана Сандрин.

Иногда Анри шутил, и Сандрин смеялась. И в этот момент чаще всего ловила себя на мысли, что ей нравится этот человек. И тогда же понимала, что, независимо от ее симпатии к нему, будущего у них все равно нет.

Во-первых, потому, что она не могла себе позволить любовь к нему. А во-вторых, потому, что понимала: его увлеченность ею – просто игра, которая закончится, как только он получит свое.

Показывать симпатию было в ее положении опасно. Ведь маркиз мог, увидев ее заинтересованность, просто не отпустить ее домой, как обещал. А с другой стороны, если она будет слишком холодна, он еще больше будет стараться привлечь ее внимание. И эта игра на грани одновременно утомляла и увлекала Сандрин. И она старалась вести себя отстраненно – просто

светская беседа двух приятелей. И ничего больше. Скоро пройдут эти пять дней, и она отправится домой.

На удивление, Анри не был так уж настойчив в своих желаниях затащить ее в постель. Еще в первый день маркиз сделал попытку поцеловать ее. Но Сандрин легонько оттолкнула его. Больше подобных попыток он не предпринимал. Словно ее жест стал чем-то вроде механизма, который возвел между ними невидимую стену добродетели.

Но, как бы ни были целомудренны ухаживания маркиза Лекавалье, Сандрин все равно с каждым днем понимала, что она нравится ему все больше и больше. Да и ей, если честно, будет жаль покидать и его, и этот дом, где прошли одни из самых счастливых часов ее жизни.

За окном забрезжил рассвет, возвестив о начале нового дня. Четвертого дня ее пребывания здесь. А это значит, что спустя несколько часов она скажет маркизу Лекавалье, что не согласна обвенчаться с ним, и покинет этот дом.

Всю ночь Сандрин провела без сна, обдумывая, как бы разрешить эту ситуацию с наименьшими потерями для сторон. Но так ничего и не придумала на тот случай, если маркиз решит силой удержать ее здесь. Остается только надеяться на его благоразумие. Или ей придется просто сбежать.

И остается только надеяться, что он спокойно отпустит ее. И все, что было с ней в этом месте, станет просто приятным воспоминанием. Воспоминая, которому не суждено повториться...

«А на пятый день свадьба», – услышала она в голове голос Анри Лекавалье.

«Свадьба, которой не суждено состояться», – печально подумала Сандрин.

В отличие от Сандрин, маркиз Анри Лекавалье с нетерпением ждал дня венчания. Сердце внутри радостно билось, когда он думал, что скоро женится на Сандрин Вилье. И она, наконец, будет принадлежать ему. Сегодня он в последний раз отправится на прогулку с ней в статусе жениха, а завтра уже станет ей законным мужем.

Он уже продумал некоторые детали завтрашнего обеда и одевался, чтобы спуститься вниз и отдать соответствующие распоряжения. В этот момент дверь в его комнату отворилась, и вошел Этьен.

– Вижу ты весь в нетерпении. Ожидаешь завтрашнего дня?

Анри не нравился этот загадочный тон, хотя в душе он понимал, что все эти насмешки были у Этьена не со зла. Друг просто счастлив за него.

– Ничего особенного я не жду. Я просто женюсь.

– И проведешь первую брачную ночь. Да еще и с девушкой, которую так долго и усердно добиваешься, – закончил Этьен за Анри.

– Да, и это тоже, – спокойно ответил Анри. – Но у меня достаточно опыта, чтобы понимать – ничего необычного не произойдет.

– Ты влюблен. И настолько, что никогда раньше я тебя таким не видел. И полагаю, еще одно место на нашем корабле тебе потребуется.

– Да, я уже подумал об этом. И сделал кое-какие приготовления. Но прежде мне нужно спросить Сандрин: выйдет ли она за меня. И отправится ли со мной на другой конец земли.

Как всегда, Анри Лекавалье пришел к ней после завтрака. И как всегда они отправились бродить с ним по окрестностям.

Веселый разговор двух людей, которые успели уже неплохо узнать друг друга.

Его шутки, ее смех.

Только словно грань между ними. Еще прозрачная, но уже не такая твердая, как вчера. Разговоры с каждым днем становились все откровеннее. Анри рассказал о своей семье. О том, как жили предки. Как строили этот дом. А потом отец вдруг отправился покорять новые земли. Сказав это, Анри остановился и серьезно посмотрел на девушку.

– Сандрин, вы любите эту страну?

– Конечно, маркиз. Здесь мой дом, мои родные.

– А если бы ваши родные жили где-то еще?

– Не знаю, маркиз. Я не задумывалась об этом.

– Вы могли бы жить в другом месте, не во Франции? Представьте, неведомые страны, необычные люди. Природа, так не похожая на ту, к которой вы привыкли.

Сандрин задумалась и не торопясь произнесла:

– Все это заманчиво. Возможно, я смогу жить где-то еще. Но я согласна с пословицей «дом там, где сердце».

– И где ваше сердце, Сандрин? – Маркиз серьезно посмотрел на нее.

– Оно со мной. А еще у родителей. В доме, где я выросла. Анри Лекавалье посмотрел ей в глаза. Взял за обе руки и тихо спросил:

– Сандрин, вы останетесь со мной?

Сандрин помолчала, глядя ему в глаза, и четко произнесла:

– Нет, маркиз. Завтра я уеду, как мы и договаривались.

Но если вы не против, могу отправиться в путь сейчас же.

– Я выполню свое обещание. Завтра вы можете ехать куда угодно. Но подарите мне еще несколько часов, Сандрин. Позвольте побыть рядом еще немного... – В его в голосе появилось грусть.

– Хорошо. Я уеду завтра, – чуть кивнула Сандрин.

– Могу я надеяться, что часть вашего сердца, останется здесь, Сандрин?..

Она чуть помедлила с ответом, но все же произнесла:

– Да, маркиз. Можете быть в этом уверены.

Анри отпустил ее руки и двинулся по направлению к домику. Голос его был уже спокоен:

– Как жаль, что я не смог покорить вас. Я был бы хорошим мужем и отцом, мог бы создать прекрасную семью. Ведь я, в отличие от своих предков, пока ничего не создал. Только приобрел маленький домик близ Бордо.

Он говорил и говорил, рассказал ей про этот дом и путь к нему. И как там тихо и спокойно. Так спокойно, что никакие житейские бури никогда не коснутся его.

И этот его рассказ, как показалось Сандрин, был чем-то большим, чем просто слова человека, говорящего о покупке. Он таил нечто большее. Маркиз Анри Лекавалье без сомнения хотел, чтобы она запомнила все, что он ей сейчас скажет. И Сандрин оправдала его ожидания. Каждое его слово очень четко отпечаталось у нее в голове.

За разговорами они подошли к гостевому домику. Анри остановился у самой его двери и, закончив рассказ, произнес:

– Сегодня вечером, Сандрин. Я зайду к вам сегодня вечером. И еще раз задам вопрос, согласны ли вы стать моей женой. Возможно, вы передумаете. А если нет, то я прикажу слугам доставить вас в родительский дом.

После этих слов он наклонился, поцеловал Сандрин в щеку и, не глядя на девушку, почти бегом отправился в сторону поместья.

Глава 5

Сандрин понимала, что, как бы ей ни хотелось задержаться здесь подольше, долг зовет ее быть совсем в другом месте. Поэтому, попрощавшись с маркизом Лекавалье, она отправилась складывать вещи. Много времени это не заняло, ведь она не думала задерживаться здесь даже на пару часов, пока Анри не уговорил ее остаться подольше. Пара платьев, запасной корсет и несколько нижних юбок – вот и все ее богатство, уместившееся в один дорожный сундук. Да еще расчески, зеркальце, заколки для волос и флакончик духов, которые без труда укладывались в маленький сундучок, который она держала с собой в карете. Сандрин не любила ни современные румяна, ни помады. Они казались ей чем-то искусственным и приносили больше вреда красоте, чем дарили ее. После долгого использования пудры и румян кожа на лице вся покрывалась красными пятнышками, а лицо становилось тусклым и безжизненным. Волосы же после помады превращались просто в паклю.

Когда со сборами было покончено, Сандрин прошла в гостиную и опустилась в кресло. В голове бродили не слишком радужные мысли, и нужно было чем-то отвлечься. Ведь она сама выбрала себе судьбу.

И надо помнить, что многим девушкам неподвластна даже такая малость, как решать – выйти замуж или нет. Сколько она слышала историй о несчастных, которых родные силой выдавали за ненавистного мужчину, и те жили так, мучаясь и страдая. Скольким приходилось делать грязную работу, трудясь с утра до ночи, чтобы прокормить семью. Сколькие терпели измены и мотовство мужей. Не перечить.

В той жизни, которую выбрала она, этого точно не будет.

Она должна покорять. Всех мужчин, весь мир. В ее жизни будут только прекрасные дворцы, великолепные города и страны. Блеск балов. Галантные кавалеры, готовые исполнить любое желание, угадав его только по взмаху ресниц. Красивая музыка и великолепные наряды.

Но если б она только знала! Знала Анри Лекавалье раньше... Возможно, она бы променяла все это на счастливый брак с любимым мужчиной.

Взгляд Сандрин упал на стопку книг, которые она принесла из библиотеки маркиза. Все они были уже прочтены. А значит, не мешало бы вернуть их на место.

Конечно, это могла бы сделать и Арлет, когда Сандрин уедет. Но ей так хочется еще раз увидеть Анри Лекавалье! Взяв книги, девушка направилась в поместье. Счастливая только от мысли, что через несколько минут может столкнуться с мужчиной, занимавшим все ее мысли последние несколько дней.

Анри как раз выходил из кухни, где давал распоряжения повару, когда увидел Этьена.

– Как дела, мой друг? Мадмуазель Вилье сказала тебе «да»?

– Нет, Этьен. Но я не теряю надежды. Вечером пойду к ней снова. Надеюсь, она будет более благосклонна.

– Прежде чем задавать своей невесте вопросы, ты должен кое-что знать. Я как раз искал тебя, чтобы сказать, что кое-кто ожидает разговора с ней в кабинете.

– И кто же это? Ее жених? Но она сама сказала, что ее сердце свободно. Но даже если бы у нее была сотня кавалеров, возможности завоевать эту девушку я не упустил бы. Если надо, я готов сражаться за нее!

– Попридержи свой воинственный настрой. Пока в нем нет необходимости. Это не жених. Ее ждет монахиня.

– Ты что, смеешься? Сандрин Вилье готовится стать монашкой? Это, конечно, кое-что объяснило бы...

Этьен рассмеялся:

– Например, то, что она не поддается твоим чарам и еще не побывала в твоей постели?

– Это не смешно, Этьен!

– Отнюдь. Мне это кажется вполне забавным. Невинная девушка, с которой ты знаком всего несколько дней, почти полностью поглотила твои мысли. А сама подумывает о том, чтобы стать невестой Господа. Но не переживай. Это всего лишь настоятельница той школы при монастыре, где училась твоя невеста. Сказала, что хочет поговорить с мадмуазель Сандрин Вилье. Ты говоришь, она пока не сказала тебе «да». Так может, этой мадам удастся образумить свою воспитанницу? Объяснить, так сказать, в чем истинное предназначение женщины.

– Насколько я узнал мадмуазель Вилье за эти дни, ее предназначением точно нельзя считать домашний очаг. И если эта настоятельница неплохо знакома со своими воспитанницами, она должна это понимать. Сандрин Вилье неплохо подошла бы роль фаворитки короля. Или капитана судна, если, конечно, для девушки была бы возможна такая роль.

Этьен снова расхохотался:

– Какая разносторонняя девушка! Тебе с ней повезло. Но, как бы там ни было, я так понял, у тебя больше не осталось идей, как покорить ее. Поэтому тебе не помешают любые союзники. Может, эта монахиня знает, как ее уговорить.

– Ну что ж, будем надеяться, ты окажешься прав. Я пойду к ней и расскажу, как найти Сандрин. Даже отправлю с ней кого-нибудь, чтобы она не заблудилась. Думаю, Арлет подойдет. Если тебе не сложно, найди горничную.

– Как скажешь. Всегда к твоим услугам, – Этьен шутливо поклонился и направился к двери.

Анри на секунду задумался, а потом произнес:

– Подожди, Этьен. Может быть, дамам будет удобнее поговорить в кабинете этого дома? Да и мне хотелось бы послушать, о чем пойдет разговор.

Этьен ничего не успел ему ответить на это. Как только Анри произнес эти слова, дверь дома отворилась, и вошла Сандрин, неся в руках стопку книг.

– Мадмуазель Вилье, какая приятная встреча, – Этьен расплылся в улыбке. – Мы с вашим женихом только что говорили о вас.

– Неужели? И что же сказал обо мне маркиз?

– Он что-то обмолвился насчет венчания. Как так?! В отличие от других девушек, вы не подались его чарам...

Не дав Этьену сказать что-нибудь еще, Анри произнес:

– Не слушаете его, мадмуазель Вилье. Иногда его слова – полнейшая чушь. Хотя, надо отдать ему должное, большую часть времени он говорит толковые вещи. Но сейчас нам некогда ждать, когда его сознание прояснится. Кое-кто ожидает вас в кабинете. Пойдемте. Нехорошо заставлять гостей ждать. Я провожу вас.

Недоумевая, кому она могла понадобиться, Сандрин проследовала за маркизом. Она никого из этих мест не знала. Да и кто мог знать, что она живет в поместье Лекавалье?

Если только это не входит в часть плана ее завоевания, и маркиз не пригласил кого-нибудь убедить ее обвенчаться с ним. Он же отложил этот вопрос до вечера по какой-то причине... хотя она уже сказала ему «нет».

Дойдя до нужной двери, Анри открыл ее, но в комнату не вошел. Только произнес, словно дворецкий, возвещавший о прибытии очередного гостя:

– Мадмуазель Сандрин Вилье.

Войдя в комнату, Сандрин увидела того, кого меньше всего ожидала увидеть в этом месте и в это время – в кресле у окна сидела директор ее школы.

Увидев Сандрин, та поднялась ей навстречу:

– Рада тебя видеть.

Сказать то же про себя Сандрин не могла. Все так хорошо складывалось. Завтра она должна была уже отбыть домой. Так что же заставило настоятельницу приехать? Может быть, Сандрин срочно понадобилась королю? Или настоятельница думает, что она сама не способна справиться с маркизом Лекавалье, и прибыла ей на помощь?

Придав своему лицу самое беззаботное и счастливое выражение, девушка сделала реверанс и произнесла:

– Я тоже очень рада вашему приезду. Думаю, маркиз не будет против, если вы останетесь до завтра. Тогда бы мы вместе отправились в путь.

– Ты решила покинуть этот дом, Сандрин. Но почему?

Сандрин была озадачена вопросом. Что все это значит?

Но спросить она не могла. У стен тоже бывают уши. Особенно у стен в таких домах с историей. И построенных еще в те времена, когда его хозяева опасались нападений недоброжелателей.

– Маркиз Лекавалье предложил мне стать его женой. Но я отказалась. И больше причин находиться в этом доме у меня нет.

– Почему же ты отказалась? – Голос настоятельницы был мягким, словно она уговаривала непослушного ребенка. – Думаю, он не самая худшая партия. Маркиз богат, умен, его семья приближена к самому королю. Вы были бы прекрасной парой.

– Но я думала, мне рано замуж...

– Девочка моя, у каждой из вас свой срок. Значит, твой уже пришел. Предназначение любой женщины – семья. Рано или поздно все должны выйти замуж. Посвятить себя мужу, детям. Быть им опорой и поддержкой.

Сандрин ничего не понимала. Или ей отказали в милости, не простив того своеволия, на которое она решилась, спасая сестру от брака с нелюбимым мужчиной. Или королю необходима информация о маркизе Лекавалье, которую они не могли получить иным образом, кроме как выдав за него замуж девушку, которая будет следить за ним. Верить в то, что король вдруг решил подумать о ее счастье и отпустить к этому мужчине, Сандрин отказывалась.

– Вы думаете, мне стоит принять его предложение?

– Да, дорогая, я в этом абсолютно уверена. Мы все будем рады за тебя. И я, и подруги, с которыми ты провела столько времени в обучении. Ты первая из них посвятишь себя тому, что должно. Ты была лучшей ученицей и первой красавицей. Так что ничего удивительного в том, что ты первая отправляешься из родного гнезда в самостоятельное плавание, нет. Все понимали, что тебя ждет блестящее будущее. Но я надеюсь, мы достаточно сделали для тебя, Сандрин, и ты нас не забудешь. Возможно, даже сможешь что-то пожертвовать на благо родной школы.

Сандрин действительно была лучшей, и поэтому все поняла. Они хотят, чтобы она вышла замуж за Анри Лекавалье и следила за ним. И доносила, если узнает что-то полезное. Так неужели ее будущий муж – предатель? Теперь она не сомневалась, что ответит маркизу Лекавалье сегодня вечером. Она должна служить короне и сделает это. Да ей и самой было интересно: что же такого натворил этот человек, раз мог заинтересовать самого короля?

– Думаю, вы правы. Мне стоит задуматься о своем предназначении и принять предложение маркиза Лекавалье. Завтра должно состояться наше венчание. Вы останетесь, чтобы разделить этот счастливый для меня день?

– Я рада, что ты приняла правильное решение, девочка. Подобающее приличной молодой даме. Как я понимаю, твой отец дал согласие родственникам маркиза на этот брак. И нару-

шать подобное обещание нехорошо. Да и старшим лучше известно, что может оставить счастье девушки. И, надеюсь, ты понимаешь, что отныне тебя ждут не только прелести, связанные с замужней жизнью. Брак – это еще и большая ответственность. Теперь на тебе не только твоя собственная честь, но и честь всей семьи. Ты должна быть опорой мужа во всем. Стараться вникнуть в его дела и проблемы. И направить, куда полагается, его мысли и устремления, если они вдруг сойдут с верного пути. Пути во благо общества.

– Да, я все понимаю. Я должна быть благоразумной. Отказаться сейчас от брака с этим человеком – значит запятнать честь своей семьи. Вы правы, – смиренно ответила Сандрин, всем своим видом показывая, что настоятельница удалось убедить ее. – Наши родные желают нам счастья. Мой будущий муж знатен и богат, любая девушка была бы рада такому союзу. Но он выбрал меня, и я счастлива такому выбору.

– Надеюсь, ты понимаешь, что обратной дороги уже не будет?

– Да, понимаю.

– Ну, тогда мне остается только благословить тебя. И не жалею о том, чего не случилось, Сандрин. Конечно, молодой девушке всегда хочется выходов в свет, внимания кавалеров. Ты же не успела насладиться этим сполна. Твои родные сделали выбор, и тебе остается только покориться ему и начать думать только о благе своей семьи, забыв о развлечениях. Но и вдали от Парижа происходят не менее удивительные вещи, Сандрин. Твой муж – человек богатый и знатный, и у него много знакомых. Думаю, тебе не придется скучать. Быть может, ты когда-нибудь навестишь меня и расскажешь обо всем? И мы вместе поймем, что ты не так уж и много потеряла, выйдя замуж за этого человека.

– Конечно. Я обязательно навещу вас. Как я могу забыть все, что вы для меня сделали, чему научили. При первой же возможности пошлю вам весточку. А, может быть, и сама приеду. Если, конечно, муж не будет против. Мне хочется стать хорошей женой.

После этих слов Сандрин смущенно потупила глаза, словно уже покорилась власти мужа над ней. Немного игры не помешает. Она давно поняла, что за ними кто-то наблюдает. Если она останется в этом доме, то обязательно выяснит, как попасть в это укрытие, из которого так удобно слушать, что происходит в гостиной.

– Я приглашаю вас на свадьбу. Только мне нужно спросить разрешение у будущего мужа, – Сандрин решила быть примерной женой до конца.

– Нет, спасибо, мне нужно возвращаться к своим обязанностям. Я о них никогда не забываю. Проводи меня, пожалуйста, до кареты.

Девушка кивнула, и они с настоятельницей вышли из комнаты.

Сандрин не ошиблась в своих догадках – Анри все видел и слышал. Кабинет был устроен таким образом, что все происходившее здесь представало как на ладони, если ты находился в узеньком туннеле между комнатами, незаметном для посторонних глаз.

Конечно, маркизу с его широкими плечами было довольно нелегко поместиться в этом пространстве, не говоря уже о том, чтобы повернуться. Но, несмотря на неудобства, он дослушал все до конца. Только вот был ли он рад тому, что предстало сейчас его слуху? Сандрин выйдет за него. Но выйдет не потому, что влюблена. А потому, что это велит какой-то там долг. Настоятельница нашла правильные слова. Вот только ему было немного обидно, что эта женщина сумела сделать то, что не удалось ему – убедить обвенчаться девушку, которая ему нравилась. Неужели он ошибся в Сандрин Вилье, и она такая же, как и все остальные? Он-то думал, что она выше всех этих условностей и добродетелей.

Но ничего, он изменит ее. Он подарит ей весь мир, неизведанный, так непохожий на эту страну. И она снова станет прежней. Той, какой была, когда он познакомился с ней на озере.

Только что-то еще, кроме разительного изменения Сандрин Вилье, беспокоило его в этом разговоре... Анри никак не мог взять в толк не только то, как быстро удалось настоятельнице

убедить мадмуазель Вилье выйти за него, но и преданность Сандрин этой женщине. Ведь она согласилась отправиться за столько миль в Париж, только чтобы поболтать с ней.

Сандрин с настоятельницей вышли из дома и прошли несколько метров по тропинке, ведущей сквозь сад к гостевому домику, где сейчас обитала Сандрин.

– У маркиза красивое поместье, – произнесла настоятельница, когда дом маркиза Лекавалье был далеко, и их больше не могли услышать. – Знаю, ты надеялась на другое, девочка. Но, может, все и к лучшему.

– Я была готова выполнить любую работу. Я не боюсь трудностей.

– Я все понимаю. Каждая из вас готова отдать жизнь за короля. Только душа моя все равно беспокойна. Некоторые мужчины бывают довольно жестоки в общении с дамами. Они не приемлют возражений и считают свою точку зрения единственно правильной.

– Маркиз Лекавалье не такой.

– Я знаю, и потому рада.

– Но я могла бы и постоять за себя в случае чего.

– А вот от этого мне бы хотелось предостеречь тебя. Нужно быть кроткой и покорной до тех пор, пока окончательно не выяснишь, какова тайна маркиза. Еще я попрошу тебя сообщать обо всем, что посчитаешь действительно полезным. Если вы будете жить в Париже, ты можешь рассказывать все мне. А если твой будущий муж примет решение вести более замкнутый образ жизни – с тобой обязательно кто-нибудь свяжется.

– Конечно, как скажете, – Сандрин кивнула.

– А теперь проводи меня, Сандрин. А то я и так уже задержалась, и мое присутствие здесь может показаться подозрительным. Не часто настоятельницы приезжают пожелать счастья своим воспитанницам перед свадьбой.

Они вернулись к дому маркиза, где перед самым входом стояла карета. Настоятельница села в нее и кивнула Сандрин на прощанье. Лошади резво тронулись с места, и через какое-то время экипаж превратился в маленькую точку.

Сандрин ничего не оставалось, как пойти в дом. Эта карета унесла с собой последние остатки ее прежней, такой простой и понятной жизни. Она получила свое задание и должна выполнить его хорошо, чтобы не подвести короля.

Теперь нужно пойти и сказать Анри, что она готова обвенчаться с ним. Свадьба. Она почти совсем забыла о ней, а ведь день уже почти подошел к концу. А это значит, что через несколько часов ей нужно быть в церкви. Необходимо срочно поговорить с маркизом, а потом разложить вещи, придумать наряд и прическу, принять ванну. Да столько еще всего. Остается надеяться, что Арлет поможет. Иначе она ничего не успеет. А опаздывать на собственное венчание нехорошо.

Зайдя в дом, Сандрин увидела на нижних ступенях лестницы своего будущего мужа. Он взял ее под руку и практически втащил в гостиную.

– А я уже подумал, что вы решили отправиться следом за гостьей, – произнес он, как только закрыл за собой дверь.

В его голосе явно читался сарказм. Интересно, не вызвана ли перемена его настроения тем, что это он скрывался за стеной кабинета? А это значит, он слышал все, о чем они беседовали. И он знает, что она скажет ему «да». А также знает, что к этому ее привели не его ухаживания, а всего лишь слова настоятельницы о женском предназначении и смирении.

Тогда она точно должна была сильно пасть в его глазах, так как стала такой же, как сотни окружавших его девушек и женщин, только и думающих о том, как выйти замуж и нарожать детишек.

Знал бы он истинное значение слов настоятельницы! Интересно, тогда он разозлился бы или вспылал к ней еще большей страстью? Ведь его привлекает все необычное. Как жаль, что она не может этого узнать.

– Нет, маркиз. Я же обещала вам остаться до завтра.

– Да, я это помню. Но, как я понял, это ни на что не влияет. Вы по-прежнему отказываетесь стать моей женой. Или я не прав?

Он точно все слышал, она не ошиблась. И теперь играет с ней. Но какое бы ни было у него настроение, она будет милой и ласковой. Ведь теперь ей во что бы то ни стало надо выйти за него замуж.

– Простите, что мне приходится говорить вам это. Но вы действительно ошибаетесь, маркиз.

– Вы передумали? И каково ваше решение на этот раз?

Анри был недоволен ее спокойствием, ласковым тоном.

Ему очень хотелось что-то сказать, чтобы вывести ее из равновесия, чтобы она снова стала прежней. Той, которую он знал и любил. А эта девушка, стоявшая сейчас перед ним, просто пытается добиться того, что делали многие до нее – женить его на себе. И если б она была такой с момента их знакомства, он бы бежал от нее со всех ног. И сейчас у него уже закралась мысль – а правильно ли он поступает, предложив ей брак? Ведь еще не поздно все отменить. Но нет. Как хорошо, что он знает ее другую. Если его теория верна, то после свадьбы она станет прежней. Той, которая ему нравится.

– Я говорю вам «да», маркиз. Я обдумала ваше предложение и всю ситуацию в целом. Этот брак решен нашими родственниками, и было бы нехорошо идти поперек их воли. Своим нежеланием вступить в брак мы бросим тень на репутацию наших семей.

Нет, ну какова! Делает вид, что это ее решение, и настоятельница тут не причем. Хочет обвести его вокруг пальца и выглядит при этом так, будто ничего особенного не происходит. Значит, он действительно в ней не ошибся.

Только бы еще понять, что же творится у нее в душе на самом деле.

– А как вы сами относитесь к этому браку? – уточнил Анри.

– Я вас не понимаю. Между моим отцом и вами существует договоренность...

– Я не об этом, – прервал он ее. – Вы хотите этого брака?

– В наше время девушку не спрашивают, чего она хочет.

– И все же, Сандрин, скажите. Мне вы не показались одной из тех девушек, которые полагаются на мнение окружающих при выборе манеры поведения.

«По крайней мере, до недавнего времени так и было», – подумал Анри.

– Хорошо, если вас интересует, что думаю я, я отвечу. У меня нет жениха, как у Амандин. Я ни с кем не помолвлена. Чтобы вы там ни думали, мне действительно не безразлично, что подумают о моей семье и о вас, если мы откажемся от этого венчания. И да, вы мне нравитесь... Даже половины этих причин было бы достаточно, чтобы согласиться на этот брак.

– Очень хорошо, что вы так честны со мной, – Анри усмехнулся, не особо веря ее словам. – Как я понимаю, подобным образом вы говорите мне «да»?

– А вы, маркиз, видимо, изменили свое решение?

– Ну что, вы свадьба будет. Я не из тех, кто поспешно меняет свое решение... – И маркиз Лекавалье многозначительно посмотрел на нее. – И, раз все так благополучно разрешилось, думаю, вам надо начинать готовиться к завтрашнему дню. Я позову Арлет, чтобы она помогла вам устроиться. Будет удобнее, если эту ночь вы проведете в этом доме.

– Предлагаете мне провести ночь с вами под одной крышей? Но я еще пока не ваша жена. Не пристало нарушать приличия.

– Завтра вы ею станете, так что поводов для беспокойства нет.

Сандрин пристально посмотрела на него и вдруг все поняла.

– Боитесь, что я передумаю? Да, маркиз? – с усмешкой произнесла она. – А если я останусь с вами в доме, то отказаться уже не смогу. Ведь все станет известно. Какое коварство. Не ожидала от вас! – притворно вознегодовала Сандрин. – Вам стоило бы больше беспокоиться о чести своей будущей жены. Не волнуйтесь, завтра я приеду в церковь к назначенному времени.

Анри повеселел. Наконец-то он узнает прежнюю Сандрин. И это оставляло ему надежду, что жизнь в браке ему понравится.

– А если это так, то к чему беспокоиться о такой мелочи, как кто и где проведет эту ночь? – спросил он. – К тому же в доме полно слуг. И у меня бывают приемы, Сандрин. Возможно, я открою что-то неведомое, но задержавшиеся гости остаются в доме на ночь.

– И гости, – закончила за него Сандрин и с нажимом продолжила: – Ваша разгульная жизнь, маркиз, не была для меня тайной. Но я надеюсь – раз уж так случилось и мы должны обвенчаться – вы оставите все свои прежние увлечения.

Ее голос звучал угрожающе, или ему показалось?

– Не сомневайтесь, Сандрин, я буду вам верен.

Нет, в его верность Сандрин не верила. Она точно знала, что брак не повлияет на количество женщин в его постели. Ее предупреждение относилось к совершенно иной стороне его жизни. Сандрин надеялась, что после свадьбы жизнь Анри Лекавалье изменится таким образом, что ей не придется доносить на него королю. Все же будет жаль, если такого мужчину повесят.

– Я очень на это надеюсь, маркиз, – все же продолжила она. – Верность – очень ценное качество для мужа. И, раз вы готовы пойти для меня на такие жертвы, я останусь в этом доме сегодня. Но только если вы не будете нарушать мой покой этой ночью. А чтобы вам было проще соблюдать это обещание, а попрошу Арлет провести ночь в моей комнате. Ведь там найдется какой-нибудь диванчик, чтобы горничная могла поспать?

Маркиз Лекавалье усмехнулся – она прочла его замысел. Ну что ж, ждать ему осталось недолго. Уж один-то день он точно переживет. Но потом ей от него не скрыться – она будет его. И ни одна горничная ей не поможет.

– Думаю, мы что-нибудь придумаем с диванчиком. – Анри чуть поклонился. – Я рад, что вы передумали. Я попрошу дворецкого найти горничную и отправить ее к вам. Подождите пока здесь.

– Как скажете, маркиз. Не смею вам перечить. – И Сандрин присела в глубоком реверансе. Как и подобает благочестивой жене.

Через несколько минут, после того как Анри ушел, в гостиной появилась Арлет.

– Мадмуазель Вилье, мне велено проводить вас в вашу спальню.

Если горничная и была удивлена данным обстоятельством, то виду не показала. Это еще раз уверило Сандрин в мысли, что особы женского пола – частые гости в этом доме.

– Все верно, Арлет, – подтвердила Сандрин. – Я хочу, чтобы ты помогла мне переехать и собраться к завтрашнему дню. И еще, если не затруднит, поспать сегодня в той же комнате, где проведу эту ночь я.

– Как скажите, мадмуазель. Следуйте за мной. – Арлет сделала реверанс.

Она проводила Сандрин в ее комнату в доме маркиза Лекавалье и открыла дверь.

– Проходите, мадмуазель Сандрин. Надеюсь, вам здесь понравится.

Как только Сандрин вошла, то сразу поняла, что это помещение предназначалось под спальню хозяйки дома.

Комната находилась на втором этаже и была не очень большой и от этого очень уютной. Почти прямо напротив входа было окно, украшенное портьерами в тон покрывала на кровати. Сама кровать стояла слева от входа. По обе стороны от нее располагалось по маленькому прикроватному столику с вазами, полными цветов. По правую руку от входа, почти у самого окна, была маленькая дверца в гардеробную.

Около окна располагался столик побольше, с зеркалом и туалетными принадлежностями.

Нежно-розового тона обои с мелкими белыми цветами, и белого же цвета вертикальными полосами. Мебель светлого дерева. Светло-лиловые шторы на окнах и покрывало на кровати. Мягкий плед того же цвета, накинутый на спинку стула у прикроватного столика. Ирисы и белые розы в вазах.

Здесь было все так, как она любила. словно кто-то прочитал ее мысли и сделал так, как она и сама обустроила бы свою спальню, будучи чей-то женой.

Она никому не говорила о том, каким она видит свой будущий дом, и даже не мечтала об этом. Да и смысла особого в этом не было. Иметь свой дом ученицам ее школы было не положено. Даже если так и случилось бы, что им пришлось в угоду королю выйти замуж, в обустройстве дома, как, впрочем, и во всем остальном, им было предписано полагаться на вкус мужа.

Засмотревшись на убранство комнаты, Сандрин не сразу заметила платье, лежавшее на кровати. Оно было прекрасно. Бледно сиреневое, отделанное серебряным кружевом, с открытыми плечами и не очень пышной юбкой, оно мягко искрилось в лучах заходящего солнца.

Один из последних лучей спешащего на покой солнца отразился от вышивки платья, и его отблески, словно направлявшие ее взгляд, попали на коробочку, лежавшую на туалетном столике. И Сандрин заметила полагавшиеся к платью украшения. Браслет. Длинные серьги. Пояс, расшитый драгоценными камнями. Бриллианты и аметисты. Все это было похоже на сказку.

То, что она увидела в этой спальне, поразило ее. Тот, кто устраивал эту комнату, явно знал о ней больше, чем она сама о себе. Нужно понять, кто же автор всего этого волшебства.

– Арлет, здесь очень красиво. Чудесная комната. Наряд и украшения действительно прекрасны. Кто же выбрал все это?

– Я рада, что вам нравится, мадмуазель Вилье. Раньше здесь все было по-другому. Но четыре дня назад маркиз распорядился все изменить. Даже обои поменяли. Мастера работали и днем и ночью. Хозяин приказал не останавливаться, пока не закончат дело. Он даже пообещал применить какую-нибудь страшную кару, если они не закончат в срок.

Сказав это, Арлет закатила глаза, словно эти слова были не приказом господина, а капризом расшалившегося ребенка. Которого, несмотря на несносный характер, любят, а потому разрешают ему разные шалости. В рамках разумного, конечно.

И тут, заметив удивленный взгляд Сандрин, она продолжила:

– Вы не подумаете, маркиз очень добрый. Он вряд ли решился бы на какое-то наказание. Просто хотел, чтобы рабочие поторопились. Вообще, весь дом сейчас сделан по его замыслу. Когда он стал хозяином, многое изменил. И платье он выбирал. Давайте примерим?

Сандрин кивнула. Когда платье было надето, Арлет снова обратилась к ней:

– Вам нравится?

– Да, Арлет, платье прекрасно. И цвет мне очень идет.

– Да, вы правы, этот цвет подчеркивает и цвет кожи, и волос. Удивительно, как с размером угадал, – продолжала Арлет. – А маркиз и видел-то вас тогда всего пару раз.

Сандрин призадумалась. А ведь и правда, идеально. Как же он угадал? Ведь ему полагалось жениться на Амандин.

Это с ней он знакомился дома. Предположим, там он и узнал нужный размер у мамы. Но ее размер и размер ее сестры не совпадали. А это платье словно сшили на Сандрин.

Неужели он знал заранее, что Сандрин станет его женой или поменял все в последний момент? И она решала спросить у Арлет:

– Скажи, а платье давно готово?

– Портниху вызвали на следующее утро как мы приехали. Вам что-то не нравится? Может, его немного переделать? Время еще есть. Я могла бы вам помочь, если скажите, где перешить. Да и Вивьен, ваша вторая горничная, тоже умеет работать иглой. Маркиз только сегодня сказал, что она будет вашей второй горничной. Я слышала.

– Нет, Арлет, ничего не нужно переделывать. Все идеально.

«Даже слишком идеально», – подумала Сандрин.

Сандрин понимала, что для Арлет не стало большой неожиданностью, что платье подошло. Ведь горничная полагала, что маркиз провел со своей невестой достаточно времени, чтобы узнать какое платье нужно подготовить на свадьбу. Только Арлет не знала главного – та, с кем ее хозяин познакомился несколько дней назад, и та, кто прибыла в его дом – две разные девушки.

Ее сестра в этом платье просто утонула бы. Амандин, в отличие от Сандрин, была совсем худощавой, с крошечным размером груди и очень узкими бедрами. Как он догадался, что нужен размер побольше? Или заказал такой, решив, что в случае чего его можно ушить? Нет, это маловероятно, учитывая, как оно скроено. Мужчины о таком не думают. И, если оно шилось на сестру, то должно было бы быть короче – Амандин ниже ее на сантиметров на пять. Сандрин сама любила шить, и в таких мелочах разбиралась.

Ладно, оставим мысли о нарядах, возможно, это просто случайность. Другие слова Арлет обеспокоили ее больше. И это отнюдь не опасения Арлет, что она может потерять место горничной. У нее теперь две служанки. И решение об этом он принял совсем недавно. Почему всего несколько часов назад у него не возникло мысли приставить к ней дополнительные глаза и уши, а теперь она появилась? За последнее время изменилось только одно – он увидел директора ее школы. И эти поразительные перемены в его настроении после ее отъезда... Означает ли это, что он понял, кто она на самом деле? Знает ли, чему ее учили и зачем. Догадывается ли, что ее могли приставить шпионить за ним? Пусть об их существовании знало мало людей, но кто поручится, что он не вошел в их число?

Тогда все его действия сейчас значат только одно – настоятельница права: ему есть что скрывать. Маркиз Лекавалье не казался ей негодяем, способным хладнокровно предать короля. Но это было до того, как он приставил к ней целый эскорт для слежки. Конечно, она не собиралась по пустякам беспокоить настоятельница. Тем более что путешествия в Париж не намечалось. А писать письма было небезопасно. Маркиз мог быть знаком с теми шифрами, каким их учили.

Но теперь узнать, что же на самом происходит в этом доме, ей хотелось как можно скорее. Вот и проверит свои навыки.

Как только она это поняла, все снисхождение к маркизу, надежда на то, что настоящая-ница ошиблась на его счет, мигом улетучились, и остался только холодный расчет. Нельзя поддаваться влиянию маркиза. Какую бы роль он ни играл, каким бы милым ни казался. За последние несколько часов она посмотрела на него другими глазами, со стороны.

Не нужно обманывать себя, думая, что он решил жениться на ней потому, что она ему понравилась. Сандрин прекрасно понимала, какая девушка ему нужна – богатая и знатная красавица, которая блещет в обществе и которой все восхищаются. И это – не она. Она такой не успела стать, согласившись на этот брак. А значит, она не могла ему нравиться по-настоящему. Только как девушка на одну ночь.

– Какие еще будут указания, мадмуазель Вилье? – Голос Арлет вырвал Сандрин из раздумий. – Я должна спуститься или остаться здесь?

– Уже поздно и пора готовиться ко сну. Завтра важный день. Я попрошу тебя остаться со мной. Так мы соблюдем необходимые приличия. Да и мне будет не так боязно перед завтрашним днем. Ты не против? Только нужно решить, где ты будешь спать.

– Вы зря переживаете, маркиз хороший человек. Он вас не обидит. Но если вы хотите, мне не сложно переночевать здесь. Только нужно будет найти какую-нибудь кровать. Подождите, мадмуазель, я пойду узнаю, что можно придумать. В доме определенно имеется несколько диванов, которые легко можно принести сюда.

Через несколько минут горничная вернулась в сопровождении двух слуг, которые легко, словно перышко, несли небольшой диванчик.

– Отнесите в гардеробную, – произнесла Арлет, вошедшая сразу за ними.

– Нет, нет, не нужно. Оставьте его в этой комнате. Около окна тебя устроит? – Сандрин была непреклонна в своей решимости оставить Арлет именно в этой комнате.

– Но мадмуазель Вилье, возможно, это не очень удобно...

– Но более прилично, чем если бы я осталась тут сегодня одна. Не хочу слышать никаких возражений.

Мгновение спустя диванчик занял свое место в спальне у окна, как того хотелось Сандрин. Но, благодаря усилиям Арлет, все же поближе к двери в гардеробную.

Спустя полчаса девушки были каждая в своей постели. Только Арлет практически сразу заснула, устав от дневных забот. А Сандрин не спалось.

Шаг за шагом она обдумывала план того, как выведет маркиза Лекавалье на чистую воду и сдаст на милость короля. И почему-то данная мысль приносила ей несказанное удовлетворение. Особенно, когда она вспоминала, с каким коварством он обхаживал ее пару дней назад. Хотя и понимал, что переключит свое внимание на другую, как только сама Сандрин побывает в его постели.

Где-то посередине ночи дверь в спальню тихонько открылась. Через мгновение Сандрин увидела Анри Лекавалье, оглядывавшего комнату сквозь небольшую щелку. Не упустил-таки возможности воспользоваться ее беспомощностью, думая, что она спит! Нужно быть с ним еще осторожнее, чем она предполагала.

Увидев, что в комнате спит и Арлет, маркиз закрыл дверь и тихонько удалился.

В то же мгновение Сандрин встала и подперла дверь всеми стульями, имеющимися в спальне. Подумав немного, она добавила к этой конструкции еще и столик для умывания, водрузив на него сверху таз и кувшин, полный воды.

Пусть теперь попробует войти, не наделав шума.

Позлорадствовав вдоволь над лицом маркиза, каково оно будет, если он попадется в эту западню, обрадованная Сандрин легла в кровать и тут же заснула.

Разбудил ее возглас горничной.

Открыв глаза, Сандрин увидела Арлет, удивленно взирающую на баррикаду у двери.

– Мадмуазель, кто же мог это сделать?

– Это я, Арлет.

– Но как вы смогли? Это же все очень тяжело, – глаза Арлет стали еще более круглыми от удивления.

Сандрин об этом и не подумала. Перенесенная ночью мебель не показалась ей тяжелой. Но это и понятно. Во время обучения в школе ей приходилось много заниматься верховой ездой. Да и в комнату она спокойно могла проникнуть, забравшись по веткам дерева. Поэтому она легко подняла с места и стол, и стулья. Тогда единственной ее мыслью было не наделать шума, чтобы не разбудить спящих и не испугнуть маркиза Лекавалье, который еще не так далеко отошел от двери спальни. Но сейчас, глядя на Арлет, Сандрин поняла, что нужно было подумать и о том, как ее действия будут выглядеть в глазах девушки.

– Я очень осторожно и медленно. И волоком... большую часть. Ты просто крепко спишь, Арлет. Потому ничего и не услышала.

– Вам надо было разбудить меня, я бы помогла.

– Спасибо, Арлет, мне было не трудно. – Вот что значит действительно хорошая горничная, даже не задает вопрос, зачем это все нужно было делать. Да еще посередине ночи. “Дай тебе нужно было отдохнуть, ты же устаешь за день. Столько дел.

– Ну что вы, мадмуазель Вилье, мне совсем не сложно.

– Давай оставим эти разговоры. Я вижу, что ты делаешь так много, что к концу дня просто валишься от усталости. А я, видишь, даже заснуть не смогла. Да еще к середине ночи стали мерещаться всякие ужасы. Вот и решила подпереть дверь, на всякий случай.

И пусть Арлет не нуждалась в объяснении причин, для чего ей понадобилось возводить это сооружение у двери, Сандрин посчитала это необходимым. Лучше уж рассказать свою версию случившегося, чем рождать к голове у девушки тысячу догадок. К тому же она не так далека от истины: маркиз Лекавалье, решивший воспользоваться ее беспомощностью, действительно персонаж кошмара.

– Я думаю, это все из-за сегодняшней свадьбы, – начала тихонько Арлет. – Такой важный день.

– Все девушки рано или поздно через это проходят.

– Да, это так, вы правы, мадмуазель Сандрин. Только все волнуются, уж поверьте. И не только из-за того, что соберется много людей, все будут на тебя смотреть и все такое. Переживают еще и из-за того, что будет потом. Не у всех мужья оказываются нежными и щедрыми.

– Думаю, я понимаю, о чем ты. Но не переживай. – Сандрин улыбнулась. Девушки из простых семей всегда вырастают раньше своих богатых и знатных сверстниц. И знают жизнь гораздо лучше них. И Арлет захотелось, видя ее волнения, успокоить. Но если бы она только знала, к чему готовили Сандрин, то даже не начала бы этот разговор. – Меня давно просветили и на счет этой стороны брака тоже.

– Вы простите меня. Возможно, я позволяю себе лишнее. Просто хочу сказать, чтобы вы не переживали. Маркиз Лекавалье не из таких. Он очень добрый.

– Спасибо, Арлет. И, раз уж мы завели этот разговор, давай договоримся на будущее, что если тебе есть, что сказать, ты всегда это скажешь.

– Но так не принято.

– Ничего, у нас будут свои правила.

– Хорошо, мадмуазель Сандрин, как скажите. – Горничная кивнула.

– Ну, а теперь давай одеваться, – улыбнулась Сандрин. – Дело это не быстрое, а венчание совсем скоро.

Глава 6

Когда со сборами было покончено, Сандрин упростила горничную поехать с ней в церковь. Несмотря на то, что этот брак был всего лишь ее работой, Сандрин не хотелось оставаться одной в такой день. Да и за маркизом так было удобнее следить. Ведь он будет уверен, что за ней смотрит его служанка и ничего такого не заподозрит.

На всякий случай Сандрин придумала причину, почему горничной просто необходимо присутствовать в церкви – ей может понадобится помощь с платьем или прической.

Арлет с радостью согласилась. Было видно, что ей хочется увидеть венчание богатых людей, но попросить об этом она никогда бы не решилась.

«Какая она еще глупенькая и романтическая, – подумала Сандрин. – Совсем молоденькая».

Хотя эти мысли были достаточно странными, так как горничная была младше девушки всего на год, но сама Сандрин никогда не была такой. Сколько себя помнила, всегда была серьезной и вдумчивой.

Карета, привезя девушек, остановилась у самой двери, и Сандрин вошла в церковь.

Гостей внутри было немного, и она была этому только рада. Все приглашенные были ей незнакомы, а потому особого смысла в присутствии такого количества посторонних Сандрин не видела. Но, возможно, это действительно важные люди, коль из несомненно большого числа знакомых маркиз Лекавалье пригласил именно их.

Идя по проходу к алтарю, Сандрин машинально запоминала и лица, и обстановку вокруг. Было много цветов. Красиво. Но бессмысленно. Это всего на один час, а столько денег и сил потрачено. Возможно, ей было бы приятно, если бы она думала, что ее будущий муж к ней что-то испытывает. Или она сама любила его. Но это не так. И если ее причина вступить в брак была для Сандрин ясна, то его – оставалось тайной, которую необходимо было прояснить.

Все гости были одеты просто шикарно. И на женщинах, и на мужчинах – множество дорогих украшений. Богатые, величественные, они взирали на нее сверху вниз, как на какую-то простушку, невестку как сумевшую попасть в их дворец.

Но Сандрин никогда не смущали подобные взгляды. Да и выглядела она, спасибо маркизу Лекавалье и Арлет, просто прекрасно. Удивительной красоты платье, которое восхитило ее вчера, как только она его увидела. Надетый поверх платья роскошный пояс с драгоценными камнями. Убранные в великолепную высокую прическу густые темные волосы, украшенные шпильками с бриллиантами и аметистами. Красивые черты лица с легким румянцем на щеках. Серьги, подчеркивающие изгиб шеи. Наряд Сандрин ничуть не уступал нарядам присутствующих здесь дам. Только вот она, в отличие от этих гостей, была живой.

В какой-то момент у девушки появилось стойкое ощущение, что они пришли сюда не для того, чтобы разделить с маркизом Лекавалье этот важный для него день. А просто чтобы показать все эти новомодные наряды да побрякушки.

Мужчины просто раздувались от осознания собственной важности и богатства.

А женщины были как куклы, которых она так часто видела у девочек из богатых домов. Красивые, но неживые. И теперь казалось, что все эти девочки выросли и превратились в кукол, с которыми играли в детстве.

А какие у этих мужчин и женщин были лица!

Некоторые открыто ненавидели друг друга, некоторые презирали. Кто-то был абсолютно равнодушен друг к другу. И только две пары, самые старшие из всех и, видимо, прожившие вместе не один десяток лет, относились друг к другу с определенной долей заботы. Но это и все.

И ни у кого из них, ни у одной пары не было на лицах любви. Да и возможна ли в этом мире любовь вообще? Или это просто сказки для мужчин, с помощью которых они добиваются от девушек желаемого?

Было время, Сандрин верила в любовь. Но это было очень недолго. А потом, глядя на этот мир, на все, что происходит вокруг, эта вера пропала.

Сначала Сандрин думала, что это все потому, что она сама такая. Она всегда была слишком прагматичной, слишком реалисткой, чтобы испытывать что-то подобное. И отчасти это были верные мысли. Она встречала девушек, которые любили. И даже мужчин, испытывающих подобные чувства. И иногда это было взаимно. Взять хотя бы ее родителей, ее сестру и ее теперь уже мужа. Глядя на них, она понимала, что в мире есть любовь – нежная, чуткая, поглощающая все мысли. До сего момента она ничего такого не испытывала. И даже не потому, что ей указали на дальнейшую судьбу. Чувствовать же никто не запрещал! Только эти чувства необходимо держать под контролем и не поддаваться им.

Но до знакомства с маркизом Лекавалье она не встречала человека, которого могла бы по-настоящему полюбить. Все иные ее увлечения не шли ни в какое сравнение с тем, что она начала, было, испытывать к нему. И думала, что он тоже чувствует к ней что-то подобное...

Но вчера она поняла, что ошибалась. Он не любит ее, это точно. Она даже не нравится ему. С его стороны это просто игра. Вчера она нашла подтверждение тому опыту и знаниям, которые получила в школе. Некоторые мужчины на любовь не способны. Особенно мужчины, обладающие богатством и властью. И – красивые мужчины. А у маркиза Лекавалье были все эти качества сразу. Так что в отсутствии у него романтических чувств сомневаться не приходилось.

И ей нужно забыть все, что она испытывает к нему, пока это не переросло в нечто большее. Ведь будущего у них нет. Она просто сделает свою работу и... уйдет.

Надо помнить! Помнить все, чему ее учили: вокруг них – мир мужчин. А этот мир алчен и жесток. Слова любви ничего не значат. Их говорят, чтобы добиться желаемого. Настоящую ценность имеют только деньги и власть. Все остальное – ничто.

Церемония прошла быстро.

Сандрин с теперь уже мужем проследовали к выходу из церкви и сели в карету. Впервые со вчерашнего дня они остались одни. И девушка решила, что это подходящий момент начать расспросы. Тем более что настроение у Анри было благодушное. Он улыбался и радостно благодарил поздравлявших его после венчания людей.

Призвав на помощь весь опыт и знания, полученные за годы обучения, Сандрин бесечно произнесла:

– А куда мы направляемся сейчас? – при этом она мило улыбалась, изо всех сил изображая глупышку.

Роль радостной дурочки подходила сейчас как нельзя кстати, и к тому же была ее любимой. И девушка решила придерживаться этой линии поведения.

– Домой. Я устраиваю прием по случаю венчания, – ответил Анри.

– Ой, я так устала, мне нужно отдохнуть... он не продлится долго? – Сандрин надула губки.

– Не переживайте, когда закончится формальная часть, вы сможете уйти, – чуть улыбнулся маркиз.

«Отлично», – подумала Сандрин. При таком количестве гостей она сможет незаметно следить за всеми и даже обследовать часть дома. На полное его изучение времени не хватит, слишком уж он большой. Но ничего, учитывая то, что она знала о своем муже, это далеко не последний прием, и следующий удобный случай может представиться совсем скоро.

– Очень хорошо, спасибо, – она радостно закивала головой и благоговейно посмотрела на маркиза Лекавалье.

«Что с ней такое творится?» – подумал он. Ему говорили, что женщины после свадьбы меняются, но не настолько же! Почему она превратилась в такую дуру? Куда делась та, которую он узнал несколько дней назад? Неужели она в него влюбилась? По ее поведению очень на это

похоже. Но что-то не верится, учитывая все произошедшее. Надо сказать горничным, чтобы повнимательнее следили за ней.

Правильно он сделал, что решил приставить к ней сразу двух.

– Мне очень понравилось украшение церкви. Вы сами все продумали? – продолжала радостно восклицать Сандрин.

– Все сделал священник. Рад, что вы оценили то, что он сделал. Цветы действительно были прекрасны. Не ожидал, что они способны так оживить обстановку, – маркиз Лекавалье отвечал уже с осторожностью. – А вот то, что ждет вас дома, полностью выполнено по моим указаниям. Надеюсь, вы будете так же снисходительны, оценивая мои старания.

– Кое-что я уже оценила. Платье и украшения просто великолепны. И за них, я точно знаю, нужно благодарить вас. И что удивительно, все идеально подошло мне по размеру.

– От вас, Сандрин ничего не скроешь. Вы правы, это моих рук дело.

Маркиз шутливо поклонился и сел почти вплотную к Сандрин. Они и так располагались на одном сиденье кареты очень близко. А сейчас между ними практически не осталось места. Даже несмотря на пышные юбки, скрывавшиеся под платьем девушки. Но Сандрин не отодвинулась: все же Анри Лекавалье теперь ее муж, и имеет на это право. А он тем временем продолжал:

– Я бы хотел преподнести еще один подарок... – Анри запустил руку в карман и достал маленькую тиару под стать подаренному комплекту. Бриллианты и аметисты на ней тотчас же заблестели в тусклом свете кареты.

– Благодарю, – Сандрин протянула руку и взяла подарок. – Но право, не стоило.

– Я хочу, чтобы на память об этом дне у вас осталось что-то.

– Но у меня уже есть. И немало – и серьги, и пояс, и браслет.

– Да, так положено – дарить что-то своей невесте. Но тиара – это нечто другое. Этот подарок со смыслом. Теперь вы – моя королева.

Ну да, конечно, как она сразу не поняла – тиара. И так красиво преподнесена. Любая девушка растаяла бы от такого.

– Спасибо, маркиз, – Сандрин нарочито отстранение кивнула. Да, ей понравилось украшение. И то, что Анри Лекавалье имел в виду, когда назвал причину такого подарка. Но поддаваться его чарам она не намерена.

А маркиз, словно не замечая ее поведения, глубоким вкрадчивым голосом продолжал:

– Скажите мне еще... почему вы удивлены тем, что наряд вам впору? У меня на озере было достаточно времени, чтобы все разглядеть. Или вы забыли о нашей первой встрече?

В одно мгновение перед Сандрин промелькнули все минуты их столкновения.

– Нет, почему же, помню, – настороженного ответила она, догадываясь, к чему может привести поведение маркиза.

– А когда вы вошли в мой дом, я сразу понял, что это вы – та, кого я увидел тогда, – продолжал маркиз. – Вы очень запоминающаяся девушка, Сандрин.

Последние слова маркиз прошептал ей почти на ухо. Сандрин не отшатнулась и в этот раз, чем несказанно поразила маркиза. Но, несмотря на удивление, он все продолжал и продолжал говорить, а его дыхание касалось ее щеки. И это было и щекотно, и приятно одновременно:

– Тогда, помните, вы были не совсем одеты... Этих минут мне хватило, чтобы рассмотреть все необходимое. К тому же, о некоторых женских особенностях я неплохо осведомлен. И у меня хорошая память, Сандрин. Но не будем пока об этом. У вас еще будет шанс в этом убедиться. Возможно, даже сегодня ночью.

Сандрин зарделась. Только не от смущения, как подумал маркиз. Она была возмущена его словами. Да как он только посмел говорить ей такое! Ведь видно же, что он совсем не любит ее.

Она знала эту свою особенность: ее щеки всегда покрывались румянцем, когда она гневалась. И иногда даже специально вызывала чувство возмущения к собеседнику, чтобы покраснеть в нужный момент. Вот и сейчас это оказалось как нельзя кстати. Маркиз подумал, что она смутилась от его слов.

Но, к удивлению девушки, он не стал продолжать этот разговор и даже чуть отстранился.

– Простите меня, Сандрин. Я смутил вас. Мне нужно было подумать о том, что я говорю. Не бойтесь, я не собираюсь нападать на вас прямо в карете. Я долго ждал и несколько часов ничего уже не решат.

Ах, вот как! Тогда зачем, позвольте узнать, он являлся к ней ночью? Но об этом девушка решила не спрашивать. Пусть думает, что она крепко спала.

– Я понимаю, маркиз, что теперь вы – мой муж. А это значит – я полностью в вашей власти, – смиренно произнесла Сандрин. – Но все же полагаюсь на ваше благоразумие. Мне хотелось бы надеяться, что вашего воспитания будет достаточно, чтобы соответствовать нормам поведения, принятым в обществе. И, насколько я знаю, они предписывают супругам отводить под любовные утехы только ночные часы. И только за закрытыми дверями. А сейчас еще только середина дня. Да и дверь кареты может в любой момент открыться.

Маркиз Лекавалье рассмеялся.

– Еще никто не указывал мне мое место таким способом. Но я рад, что вы стали прежней. Вчера вы были сама не своя. Да и сегодняшнее утро ничего не изменило. Не думал, что обряд венчания и подготовка к нему так подействует на вас. Даже ночью приходил удостовериться, что все в порядке.

Ну да, конечно. Так она ему и поверила. Возможно, сегодня ночью его целью действительно не были любовные утехы. Но уж точно приходил он не из-за беспокойства за нее. Скорее уж, удостовериться, что она не сбежала из его сетей – это да. На это он способен. Но вслух она озвучила не свои мысли, а совсем иное:

– Хорошо, что вы правильно поняли меня, маркиз.

– Анри. Называйте меня Анри. Теперь, когда мы стали мужем и женой, это не будет идти вразрез с вашими убеждениями.

– Что вы! – притворно изумилась Сандрин. – Теперь я тем более не могу позволить себе такую вольность. К мужу нужно относиться с должным уважением.

– С каждой минутой вы удивляете меня все больше и больше. И мне это нравится... – Анри опять наклонился к ее уху. – С нетерпением жду того времени, когда, по вашему мнению, супругам должно проводить время вместе за закрытыми дверями. В этом я уступлю вам. Хотя, по моему мнению, вам не стоит волноваться и здесь. Дверь кареты не откроется без моего разрешения. Так уж заведено. Все мои кучера обучены стучаться.

«Оно и понятно, – подумала, Сандрин, – с таким-то образом жизни и количеством женщин!» Но вслух ничего не сказала. Только застенчиво улыбнулась.

В этот момент карета, поколесив по городку, наконец добралась до поместья.

Маркиз Лекавалье с супругой, выйдя из экипажа, остановились у двери дома, встречая гостей. Сандрин с интересом рассматривала прибывающих и в итоге насчитала около трех десятков. Многие из них были в церкви, но несколько пришли только на обед по случаю венчания. И опять она никого из них не узнала.

Когда поток гостей иссяк, супруги прошли в дом. С момента их отъезда в церковь здесь многое изменилось. Дом был украшен к приему гостей. В холле и гостиной, куда стекались гости, высились вазы с розовыми и кремовыми розами. Лестница была увита гирляндой из живых цветов. В малой гостиной, на столе, накрытом белоснежной скатертью с изящной вышивкой, стояли блюда с едой. Большая гостиная была предназначена, видимо, для танцев, так как вся мебель в ней была отодвинута к стенам, чтобы освободить место.

Официальная процедура не заняла много времени.

Гости поздравляли маркиза. Иные искренне. Некоторые откровенно заискивали перед ним. Кто-то абсолютно равнодушно, словно выполняя какой-то долг.

Но вот что интересное заметила Сандрин: все дамы поглядывали на нее с каким-то превосходством. Будто они были выше ее и по положению, и по материальному достатку. А она была никем – серой мышкой, невесть как окрутившей бедного маркиза Лекавалье и женив его на себе.

Произнеся положенные для подобного случая речи, гости разбрелись кто куда. Молоденькие девушки о чем-то хихикали в самом углу гостиной под пристальным присмотром тетюшек и мам. Дамы постарше, собравшись у стола, с завидным аппетитом поглощали угощение и не забывали поглядывать по сторонам и пересказывали друг другу последние сплетни.

Мужчины группами стояли по всей гостиной и о чем-то оживленно беседовали.

Как только гости переключили свое внимание с молодой пары, Анри наклонился к Сандрин и тихонько спросил:

– Вам нравится здесь? Помните, вы обещали не судить строго мои старания?..

– Все прекрасно, маркиз.

– Что-то я не вижу особой радости на вашем лице.

– Это усталость. Так много впечатлений за один день.

– Но это все приятные впечатления?

Сандрин медлила с ответом. Ей не хотелось обманывать по пустякам. Но и правду говорить было не слишком уместно.

– Что же вы молчите, Сандрин?

– Я боюсь расстроить вас ответом.

– Вот как... И почему же?

– Тут собрались близкие вам люди.

– Не только мне, но и вам.

– Да-да, конечно. Теперь, когда я стала вашей женой...

– Я не об этом. Ведь это то, что называют высшим обществом. Исполон веков уж так повелось, что все они имеют родство с правящей династией. А раз так, то все тут, так или иначе, родственники. За редким исключением, конечно.

– А ведь вы правы, маркиз. Я об этом даже не подумала.

– Ничего, теперь я ваш муж и буду вам подсказывать, маркиза Лекавалье. Надеюсь, с этого момента вы не будете возражать, если я буду называть вас так?

– Думаю, сейчас у вас есть на это полное право.

– И как ваш муж я обязан думать о вашем спокойствии. Вы скажете мне, что вас беспокоит?

– Хорошо, скажу. Но скорее уж это будет вопрос... – Сандрин посмотрела ему прямо в глаза и с задумчивостью в голосе произнесла: – Скажите, маркиз, чем вы так сумели очаровать всех находящихся здесь дам, что они смотрят на меня с откровенным недовольством? Словно ревнуют вас ко мне.

– Вот как? Не обращал внимания. – Анри чуть качнул головой.

– Мужчины вообще редко обращают внимание на такие вещи.

– И на какие это вещи мужчины не обращают внимания? – К ним незаметно подошел Этьен.

Сегодня он был одет под стать остальным гостям. Наряд по последней моде. Дорогие украшения. Удивительно, как все это преобразило его. Из простого мальчишки он превратился в знатного вельможу.

Анри поздоровался.

Сандрин сделала реверанс в знак приветствия и произнесла:

– Не обращайтесь внимания, Этьен. Просто ничего не значащая болтовня. А вы сегодня прекрасно выглядите.

– Спасибо. Мне очень лестны комплименты из ваших уст. Редко удается услышать что-то подобное от прекрасной девушки.

– Брось, Этьен, – вмешался в разговор Анри. – А то еще моя жена подумает, что у тебя недостаток женского внимания. А ведь это совсем не так. Я знаю тебя с самого детства. И всегда вокруг тебя было множество женщин.

– Неужели? – Сандрин была удивлена.

Где же они могли познакомиться? Сандрин всегда думала, что Этьен если и имел в родственниках какую-то знать, то это были очень дальние связи. Ей всегда представлялось, что Этьен был кем-то вроде сына одного из слуг отца Анри или его родственников, и мальчики играли в детстве. А все, что Этьен имеет, он заработал своим трудом. Но Анри развеял ее сомнения.

– Да, Сандрин, не удивляйтесь. Этьен принадлежит знатному и довольно древнему роду Лакомб. Наши владения стоят бок о бок. Мы росли вместе. Так что я знавал его в то время, когда он был еще виконтом. Сейчас его отца уже нет, так что этот враль уже граф. Но, несмотря на близость владений, Этьену, в отличие от меня, не так повезло. Родители оставили ему в наследство немало долгов. Однако Этьен неплохо справляется с цифрами, и у него всегда масса идей. Так что сейчас его достаток позволяет надевать новый наряд хоть каждый день.

– Да, это правда, – Этьен с улыбкой поклонился. – Вот ты и раскрыл все мои тайны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.